

9(427)

Г-34

ХАЙДАРБЕК ГЕНИЧУТЛИНСКИЙ

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ФОНД ШАМИЛЯ
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

9 (Дар)
Г-34

ХАЙДАРБЕК ГЕНИЧУТЛИНСКИЙ

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

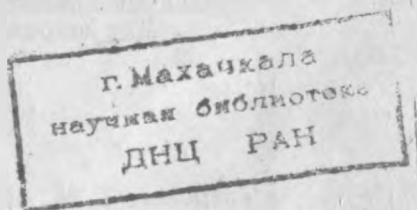
(Уммахан Аварский, имам Газимухаммад, имам Хамзат,
имам Шамиль, восстание в Дагестане
и Чечне 1877 г. и т. д.)

Для широкого круга читателей

Перевод с арабского Т. М. Айтберова
Под редакцией М. Р. Мугумаева
Вступительная статья, комментарии
и общая редакция профессора В. Г. Гаджиева

Историко-биографические и исторические очерки Хайдарбека Геничутлинского являются одним из ценных повествовательных источников по истории Дагестана и Чечни. Составлены они во второй половине XIX в. на основании устных и письменных источников местного происхождения, в числе которых были и записки активного участника борьбы с царизмом, шамилевского «генерала» Абакар-дибира из сел. Арзвани.

Библиотека Фонда Шамиля

156832

От Фонда Шамиля

Историко-биографические и исторические очерки Хайдарбека-хаджи Геничутлинского, выдающегося представителя круга традиционной интеллигенции Дагестана, были написаны более ста лет назад, но только сегодня этот труд находит дорогу к широкому кругу читателей.

Значение публикации этого памятника трудно переоценить. И дело не только в том, что он расширяет наши представления в области исторического краеведения. Издание трудов Хайдарбека добавляет еще одно имя к дагестанской школе историков. Наряду с трудами Мухаммадтахира Карахского, Хаджиали Чохского, Хассанилава из Гимры, которые уже изданы и стали достоянием нашей культурной жизни, сочинения Хайдарбека-хаджи свидетельствуют о бесспорных достижениях гуманитарного знания в Дагестане в XIX веке. Весьма характерно, что один из очерков Хайдарбека как и биография первого имама Газимухаммада, автором которой является упомянутый выше Хассанилав, написаны на аварском литературном языке, что само по себе неоспоримо свидетельствует о высоком уровне развития культуры дагестанских народов того времени.

Данное издание представляет так же уникальную возможность ознакомиться со многими свидетельствами его современников, которые приводятся в очерках Хайдарбека, позволяет ощутить живое дыхание поколений, которые творили историю в те грозные годы стойкой борьбы и тяжких испытаний. Тем самым это сочинение вводит нас в атмосферу сложнейшей исторической эпохи и приобщает к мыслям, чувствам, надеждам и устремлениям наших предков.

Хайдарбек-хаджи, будучи представителем круга мусульманских ученых XIX века, описывает события того времени с позиций

правоверного ученого-алима, преданного идеалам ислама и всецело уповающего на милость Аллаха. И в то же время объективно он показывает читателю сколь тяжким и тернистым был исторический путь Дагестана в XIX веке, как сложна была политическая и социальная обстановка в условиях общественного раскола и противостояния. Знакомство с этими записками дает основание утверждать, что особый интерес для их автора представляла проблема личного выбора, которая трактуется им в религиозно-нравственном духе. В наше сложное время, когда многие нравственные ориентиры и ценности пересматриваются, и каждый так или иначе решает проблему нравственного выбора, приобщение к очеркам Хайдарбека Геничутлинского представляет бесспорный интерес и особую ценность.

Наши гордые предки в еще более, казалось бы, безысходных условиях не теряли веру в себя и надежду на будущее, и в самых трагических испытаниях, выпавших на их долю, ставили свою честь и достоинство выше всех благ, выше единжды дарованной и бесконечно дорогой каждому земной жизни. Любовь и преданность отчужденному краю, земле, на которой родился, своему народу, готовность встать на защиту права народа самому решать свою судьбу, святая вера в его способность обеспечить себе достойное будущее — это уроки наших предков, их нравственное завещание нам ныне живущим.

История — это частица нашей духовности и великий ее пламень должен гореть в сердце каждого. В этом смысл мудрого изречения, что старые книги не устаревают и в новые времена.

Культурно-историческое общество — Фонд Шамиля выражает благодарность всем, кто подготовил труд Хайдарбека-хаджи Геничутлинского к изданию:

составителю книги и переводчику очерков с арабского и аварского кандидату исторических наук ТИМУРУ АЙТБЕРОВУ,

автору вступительной статьи и комментариев доктору исторических наук, профессору ВЛАДИЛЕНУ ГАДЖИЕВУ, под общей редакцией которого выходит эта книга,

редактору перевода текста с арабского хаджи МАГОМЕДРАСУЛУ МУГУМАЕВУ.

Выражаем сердечную признательность Ассоциации фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов Дагестана, ее руководителям: президенту ЗАГИДУ САИДОВУ и генеральному директору МАГОМЕДУ АБДУРАХМАНОВУ — благодаря финансовой поддержке которых стало возможным издание данной книги массовым тиражом.

ДИБИР МАГОМЕДОВ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА ШАМИЛЯ,
ПРОФЕССОР.

ХАЙДАРБЕК ГЕНИЧУТЛИНСКИЙ И ЕГО ИСТОРИКО- БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

(Введение)

Характерная примета нашего времени — внимание к истории, как близкой, так и далекой. В недавнем прошлом, однако, которое мы привычно называем теперь «застойным», многие «острые» вопросы и целые темы из истории народов Северо-Восточного Кавказа — такие, к примеру, как движение горцев Дагестана и Чечни 20—50 гг. XIX в., восстание в Дагестане и Чечне в 1877 г., являлись фактически «закрытой зоной».

Времена меняются. Ученым уже не надо ждать: когда же «где-то наверху» за них «осмыслят» историю и затем дадут «ценные» указания — как именно следует освещать ту или иную проблему. Если, однако, в исторической науке, как справедливо пишет членкорр. АН СССР Ю. А. Поляков, «конъюнктура» сохранится и далее, «то мы так и останемся без правды истории»¹.

Общеизвестно, что для историка одним из важнейших является обычно вопрос об источниках, на которых зиждется исследование. Опираясь на своеобразную шкалу при оценке возможностей различных источников, историки-исследователи предпочтение традиционно отдают материалам местного происхождения. К сожалению, однако, положение дел с местными северо-восточно-кавказскими письменными памятниками, которые доступны историкам, изучающим многолетнюю героическую борьбу горских народов Северо-Восточного Кавказа первой половины XIX в., пока не назовешь удовлетворительным.

В XIX в. в Дагестане был написан целый ряд сочинений, посвященных названному выше сложному и своеобразному явлению.

¹ История СССР, № 5, 1990, с. 3.

Произведения эти, подчеркивал акад. И. Ю. Крачковский, имеют «исключительное значение», так как «появились не со стороны, а возникли в той самой среде, которой были посвящены»². Поэтому И. Ю. Крачковский уделял особое внимание организации переводов и изданию текстов дагестанской арабоязычной литературы. «Нужно положить начало, — подчеркивает он, — опубликованию этих памятников»³. Уместно в данной связи сказать, что у академика слова не расходились с делом. Именно он, И. Ю. Крачковский, организовал перевод и издание так и не опубликованного до революции ценнейшего местного нарративного источника по истории движения горцев Дагестана и Чечни — сочинения Мухаммад-тахира Карахского⁴.

Другим важным источником по названной проблеме является «Сказание очевидца о Шамиле» чохца Хаджиали (Нахибашева). В настоящее время подготовлено новое, опирающееся на ранее не известные списки, комментированное издание «Сказания очевидца о Шамиле». Не повезло сочинению Абдурахмана — зятя Шамиля. «Воспоминания Абдурахмана», подготовленные к публикации еще в 70-е гг. известным арабистом, ныне покойным М.-С. Д. Саидовым и автором этих строк, подпали под запрет одного из влиятельных местных функционеров «с обостренным классовым чутьём»⁵. Неизданными до сих пор остаются сочинения: Али Салтинского, Муртузали из сел. Ашильта, Загалава из Хварши, Исхака из Урма, шейха Мухаммада Ярагского и др.

О некоторых из таких сочинений мы знаем только по упоминанию их самих и имен их авторов. Другие находятся пока лишь в частных коллекциях местных любителей арабоязычной литературы. Имеются сведения о хранении ценных исторических рукописей дагестанских авторов XIX в. в отдельных зарубежных книгохранилищах. Нуждаются также в более внимательном, фронтальном исследовании центральные и местные архивохранилища страны. И чтобы облегчить путь сограждан к правде истории, надо взять за правило быструю публикацию обнаруженных к данному моменту памятников историописания.

² Крачковский И. Ю. Избран. соч., Т. VI, С. 571, 617.

³ Там же. С. 570.

⁴ Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М.-Л. 1941 (далее: Хроника); существует и другое издание: Мухаммед-Тажир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах (комментированный перевод Т. Айтберова, выполненный с привлечением автографа для широкого круга читателей). Ч. I. Махачкала, 1990.

⁵ Издана лишь вступительная статья: Гаджиев В. Г. Абдурахман и его воспоминания. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 126—163.

Предлагаемые вниманию любознательных читателей «Историко-биографические и исторические очерки», созданные Хайдарбеком Геничутлинским, ныне мало кому известны. В прошлом однако, по крайней мере некоторые из них имели определенное хождение в среде дагестанских арабистов. К примеру, с очерком «Имам Газимухаммад» и некоторыми другими произведениями был знаком Гамзат Цадаса.

Во вводной статье невозможно подробно описать и проанализировать творческий путь и общественно-политическую деятельность Хайдарбека Геничутлинского. Мы поэтому остановимся лишь на некоторых моментах, касающихся жизни и творчества названного дагестанского арабоязычного ученого-историка второй половины XIX в., опираясь в числе прочего на материалы, предоставленные Г. М. Гайдарбековым, потомком его брата Хамзы.

Хайдарбек родился примерно в 1245/1829—30 г. в небольшом сел. Геничутль Хунзахского «общества». Отцом его был уздень Омар-хаджи, сын Хамзы, сына Али, сына Хасана. После совершения хаджжа Хайдарбека Геничутлинского стали именовать Хайдарбеком-хаджи. Умер он на территории Османской империи, кажется, в Аравии в 1873 г.

У Хайдарбека было два брата, одним из которых являлся Хамза, служивший в течение ряда лет арабским писарем начальника Аварского округа. У этого Хамзы был сын Хайдарбек, который имел сына Мансура, скончавшегося в 1987 г. Подобно своему брату Хайдарбеку, автору очерков, Хамза был хорошим знатоком арабского языка и традиционного круга арабо-мусульманских наук. Данная характеристика относится и к его ближайшему потомству — сыну Хайдарбеку и внуку Мансуру.

По своему мировоззрению Хайдарбек Геничутлинский — глубоко религиозный мусульманин, выразитель интересов руководителей движения горцев Дагестана и Чечни первой половины XIX в. Все явления и события Хайдарбек считает происходящими по воле Аллаха. Он убежден, например, что горцы Дагестана стали мусульманами лишь по воле Всевышнего. «Аллах захотел, — пишет Хайдарбек, чтобы над Дагестаном, обитатели которого были людьми заблудшими, несправедливыми, неверными-многобожниками, воссияло солнце ислама». Он считал также, что и само движение, проходившее под флагом мюридизма, возникло в Дагестане по воле Аллаха: «всевышний Аллах пожелал возвысить в Дагестане свое божественное Слово ... Примерно в тысяча двести сороковым (1824/25) году Он-всевышний послал на землю Дагестана ученого-новатора, большого труженика, святого угодника эпохи ослабления веры, выдающегося хабреца, играющего роль сабли,

обнаженной против людей заблудших и тиранов, героя-очистителя мусульманской религии от всякой накипи, нового главу исламизма — имама Газимухаммада Гимринского».

В кругах дагестанских арабистов второй половины XIX — начала XX вв. Хайдарбек Геничутлинский был известен как довольно крупный ученый. Об этом красноречиво говорят прежде всего свидетельства алимов Дагестана. Так, в начальной части текста одного из сочинений Хайдарбека указано, возможно, переписчиком: «создал этот труд благородный, богобоязненный ученый, уникам для своей эпохи хаджи Хайдарбек Геничутлинский. Да помилует его всевышний Аллах и да сделает Он его могилу цветущим садом!» Называли также Хайдарбека ученым-историком и «Красой исламской религии».

Характерной особенностью большинства сочинений Хайдарбека Геничутлинского является то, что написаны они весьма изящным слогом, в какой-то мере он даже злоупотребляет витиеватостью при изложении событий. Это — несомненное свидетельство больших познаний нашего автора, аварца по национальности, в классическом арабском языке.

Предлагаемая вниманию читателей книга состоит из семи самостоятельных, неравнозначных как по объему, так и глубине освещения очерков, созданных Хайдарбеком Геничутлинским. Освещаются в них хронологически последовательные события. Рукописи трех первых очерков и завершающего книгу седьмого очерка были распространены в Дагестане, среди «любителей старины», чаще порознь. Три очерка («Имам Газимухаммад», «Эпоха имама Хамзата», «Эпоха имама Шамиля»), посвященные описанию борьбы горцев с царизмом, нередко объединялись воедино.

В приложении к настоящему изданию помещены: несколько ценных русских документов, местные по происхождению памятные записи на арабском и персидском языках, а также эпиграфический материал. Все они способствуют во многом более глубокому пониманию основного текста и позволяют с большим успехом извлекать отсюда скрытую на первый взгляд, потенциально ценную информацию.

Помещенные в данной книге очерки основаны на довольно широкой источниковой базе: это различного рода письменные памятники, устные свидетельства очевидцев и современников событий и т. д.

Для написания первого очерка Хайдарбек Геничутлинский, вероятно, использовал памятники дагестанского историописания «Тарих Дагестан», «Дербент-наме»⁶ и др. При описании борьбы гор-

⁶ Тарихи Дербент-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898; см. также Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Дербент-наме. // Восточные источни-

цев Дагестана и Чечни против царизма им привлекались вышеупомянутое сочинение Мухаммадтахира Карахского⁷ и ряд писем. Хайдарбек отмечает также, что использовал записки очевидца многих событий, известного горского военачальника Абакар-дибира Аргванийского. Можно не сомневаться, что наш автор использовал и устные рассказы современников героических событий, например, своего родича Дибира из Геничутля — сына Инквача.

Первая часть предлагаемой читателям публикации, озаглавленная авторами «Накануне», содержит краткий рассказ о распространении ислама в Дагестане, и прежде всего в Аварии. Встречающиеся здесь сведения находят себе некоторые аналогии в других исторических произведениях.

Хайдарбек Геничутлинский придерживался традиционного мнения об исламизации края шейхом Абумуслимом в VIII в. В данной связи отметим: Г. Алкадари полагал, что под этим именем подразумевается либо полководец Маслама ибн Абд ал-Малик, который возглавлял арабские походы в Дагестан (скончался в 739 г. в Сирии), либо шейх Абумуслим, который прибыл из Аравии в XI в.; занимался в горах Дагестана «распространением шариата, и умер ... в Хунзахе, где и похоронен»⁸.

В том, что ислам был занесен в Дагестан арабами еще в VIII в., сомневаться не приходится. Утвердился же он в этой стране значительно позже, причем насадили ислам в Дагестане не арабские завоеватели, как утверждали ранее, а газии — борцы за веру, которые, по мнению акад. В. В. Бартольда, проф. А. Ю. Якубовского и других авторитетных исследователей, сыграли в IX—X вв. значительную роль в исламизации ряда стран Востока⁹.

Нельзя согласиться с мнением Хайдарбека Геничутлинского, что шейх Абумуслим, обосновавшись в Дагестане, зимой проживал будто бы на плоскости, в Тарках, а летом — в горном Казикумухе. Здесь нашим автором допущено явное хронологическое смещение и перепутан действующий персонаж — зимой в Тарках, а летом в Казикумухе проживали шамхалы, и было это в XVI—первой половине XVII вв. Наконец, в 1640 г. один из этих шамхалов, а именно Сурхай не был допущен на родину предков, в Казикумух, и с этого времени он и его потомки обосновались навсегда в Тарках.

ки по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 5—64; Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи. // Письменные памятники Востока, 1972. М., 1977. С. 90—119.

⁷ Хроника.

⁸ Алкадари Г. Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1926. С. 29.

⁹ Бартольд В. В. Соч., Т. I, М., 1963, С. 272; Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи. // Фирдоуси. М.-Л., 1934, С. 68.

Нуждается в уточнении суждение Хайдарбека о том, что Абу-муслим назначил якобы в каждый район Дагестана по одному правителю из числа своих «товарищей». В Елису-де он поставил тогда Даниялсултана и «поэтому елисуйских эмиров», султанов Елису, стали именовать «даниялсултанами», в Казикумухе — Ханбуттая и поэтому там «многих [князей] именуют ханбуттаями», в Тарки — эмира родом из Шама (Сирия), от чего и пошел титул шамхал и т. д.

На самом же деле, арабы назначили в Кумух в качестве своего наместника Шахбаала ибн Абдуллу¹⁰ и его «собственное имя при его преемниках обратилось в их владельческий титул ... (*Шахбаал* → *шахмал* → *шамхал*, как *Карл* → *кроль* → *король* и т. д.)¹¹. В этом плане несомненный интерес представляет следующий документ: «Из дошедших до нас преданий, — писал в 1829 г. шамхал, — известно, что мой знаменитый предок Абдулла, происходивший из рода Аббасидов в 115 г. (733/734), был назначен халифом управлять Дербентом для предохранения от набегов и нападений хазар. Приведши в порядок и устройство дела областей горских на границах Дагестана и Дербента, он определил сына своего Шах-база, который теперь известен под именем Шамхала, и сделал его совершенным владетелем и распорядителем всего Дагестана от пределов Грузии, Ширвана, Дербента, р. Терек и Кабарды. В 132 г. х. (749/750) Абдулла Сафах ... который был двоюродным братом Шах-база ..., взошел на престол халифов. В это время все владения Дагестана достались по праву наследства ... Шах-базу»¹².

Касательно Елису достоверно известно только то, что в XVI в. это было небольшое владение, правители которого носили титул беков, а затем — султанов. Иногда правителя Елису называли также «малым уцмием», в отличие от «великого уцмия» — владетеля Кайтага.

В средневековой Аварии — Сарире довольно глубокие корни пустило христианство. Об этом свидетельствуют развалины храмов и часовен в Хунзахе, Датуне и иных селениях; большое число крестов и грузинографических надписей, обнаруженных в Хунзахе, Гоцатле, Геничутле, Ругуджа¹³; и наконец упоминание в одной

¹⁰ Подробнее об этом см. Гаджиев В. Г. Шамхальство (История образования и государственное управление). // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989, с. 22—41.

¹¹ Полиевктов М. А. Из истории северо-кавказских феодалов XVII в. // Академику Н. Я. Марру. М.-Л., 1935, с. 746.

¹² Акты Кавказской археографической комиссии (ниже: АКАК). Тифлис, Т. VII, с. 535.

¹³ Гамбашидзе Г. Г. Вопросы христианской культуры и исторической географии Аварии в свете результатов Дагестанско-грузинской объединенной архе-

грузинской рукописи Гу[н]дзского каталикоса, который носил грузинское имя Окропири (Златоуст). Известно также, что два правителя Сарира X—XI вв. носили типично христианское имя сирийского происхождения Бухт-Йишо («Иисус Спас») ¹⁴. Последователем христианства был, очевидно, и Суракат, и поэтому наш автор называет его «неверным», «врагом Аллаха».

Дошедшие до нас хроники довольно подробно описывают борьбу мусульман против христианского Сарира ¹⁵. Этот сюжет затрагивает и Хайдарбек Геничутлинский, но, верный своей версии, он считает, что борьба шла между шейхом Абумуслимом и Суракатом.

Временную реставрацию христианства в Аварии, о которой упоминает Хайдарбек Геничутлинский, красочно описал автор «Тарих Дагестан». По прошествии «долгого времени, Амир-Султан — сын Байрампаса, сына проклятого Сураке, с прозвищем Нуцал, который бежал от ислама к неверию и жил в Туше, выпросил в помощь войска..., чтобы вновь получить место своего отца — престол своих предков и чтобы восстановиться в ряду их». Амир-Султан собрал большое войско и, дождавшись благоприятного момента, напал на Хунзах, занял его и вступил на престол своих предков. «Его подданные отклонились от веры, и между ними и мусульманами начались неприязненные действия, которые продолжались 24 года». Но, «наконец, оскуднели их средства продовольствия; поддерживать жизнь оказалось весьма трудным; они утомились войною и кровопролитие им опротивело; посему они раскаялись и снова приняли ислам» и заключили между собою мир ¹⁶.

Противоречивы существующие сведения о смерти Абумуслима. Одни ученые считают, что он погиб в боях с неверными в грузинской области Тушетии, а уже впоследствии его останки были захоронены в Хунзахе ¹⁷. Другие, и в том числе Хайдарбек Геничутлинский, утверждают, что шейх Абумуслим в Тушетии заболел, а скончался и был похоронен в Хунзахе, где хранятся принадлежавшие ему личные вещи: «меч, посох и халат».

Еще в 1913 г. дагестанский ученый Али Каев справедливо по-

ологической экспедиции АН СССР и ГССР. // Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983, с. 5.

¹⁴ Джавахишвили И. А. Описание грузинских рукописей Синая. Тбилиси, 1947, с. 244 (на груз. яз.); Гаджиев В. Г. Особенности исследования истории грузино-дагестанских отношений. // Источниковедческие изыскания (1985). Тбилиси, 1988, с. 123. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 65, 70, 136.

¹⁵ Там же, с. 47, 48, 65, 74.

¹⁶ Тарихи Дербент-наме, с. 177—179.

¹⁷ Саидов М.-С. О распространении ислама в Дагестане. // Уч. записки ИИЯЛ, Т. II. Махачкала, 1957, с. 42.

ставил под сомнение подлинность халата Абуमुслима¹⁸. К аналогичному выводу пришел позднее и М.-С. Д. Саидов¹⁹, который обследовал хранящиеся в Хунзахе «личные вещи» Абумуслима. Это необходимо учитывать при работе над текстом Хайдарбека Геничутлинского, повествующем об арабских походах в Дагестан и исламизации его народов.

Вторая часть первого очерка посвящена хунзахским правителям XVIII—начала XIX вв.: Булачу Старшему, его детям, а также Уммахану и Гебеку, о котором известно, что он был убит «своими людьми по проискам и наущению жены предместника своего Омархана, Гехили или Кегли-бике»²⁰. Наш автор приводит дополнительные сведения об этом заговоре.

Здесь же рассказывается и о правлении в Аварии Уммахана. Ему посвящены также часть второго и весь третий очерк, характеризующий Хайдарбеком Геничутлинским как «биография» великого «властителя» Уммахана — сына Мухаммад-нуцала.

Серьезное внимание Хайдарбеком Геничутлинским уделено описанию деяний Уммахана в Закавказье. Но, чтобы правильно понять: по какой причине Уммахан собирал в горах Дагестана большие ополчения, с кем именно он боролся в Закавказье, необходимо обратиться к другим источникам. Согласно им, Уммахан Аварский во главе группировки, состоявшей из нескольких дагестанских владетелей, боролся в первую очередь против Фатаалихана Дербентско-Кубинского. Борьбу эту в местных исторических сочинениях обычно сводят к стремлению Уммахана отомстить за своих близких: отца, Булача и Мухаммадмирзу. Безусловно, феодальные междоусобицы усугублялись и осложнялись широко распространенным на Кавказе обычаем кровной мести. Однако этот обычай не был единственным возбудителем борьбы между Уммаханом и Фатаалиханом. Главной причиной феодальных усобиц, происходивших в XVIII в. на Восточном Кавказе, было стремление каждой из борющихся сторон, одолев своего соперника, занять господствующее положение в регионе.

Уммахан Аварский — кумир нашего автора. Он, по словам Хайдарбека: красивый, добрый, храбрый, щедрый, справедливый, умный, выдержанный и т. д. и т. п. Уммахан — это «человек с большой буквы», один из мечей Аллаха на Кавказе. Нет надобности говорить, что Хайдарбек Геничутлинский идеализирует своего героя. Об этом забывать нельзя. Однако верно и то, что Уммахан

¹⁸ Каяев А. История лаков. // Литературный Дагестан, № 4, 1990, с. 74 (на лак. языке).

¹⁹ Саидов М.-С. Указ. раб., с. 45.

²⁰ Материалы по истории Дагестана и Чечни (далее: МИДЧ). Махачкала, 1940, с. 119.

Аварский достиг наибольших успехов. Надо также признать, что он проводил разумную для своего времени внутреннюю и дальновидную внешнюю политику. При нем ханство Аварское намного расширило свои границы, а доходы ее правящей верхушки значительно увеличились. Так, «Перечень податей», взимаемых Уммаханом, показывает, что в пользу его несли определенные повинности жители не только Хунзахского ханства, но и соседних «вольных» обществ, а также пограничных селений Чечни²¹. Кроме того, Уммахану, сидевшему в Хунзахе, подчинялось «Джаро-белоканское общество», а дань ему были вынуждены платить: грузинский царь Ираклий II, Дербентский, Кубинский, Бакинский, Ширванский и Шекинский ханы, а также вассал Турции — паша Ахалцихский²². Причем, по одним источникам, Уммахан получал от грузинского царя в качестве дани 12 тыс. рублей серебром, а по другим — 5 тыс. рублей, от хана Карабахского — 15 тыс., от Шекинского хана — 9 тыс., от Дербентского, Кубинского, Бакинского и Ширванского ханов — по 20 тыс., от Ахалцихского пашы — 7 тыс. рублей серебром²³.

Будучи довольно тонким политиком-дипломатом, Уммахан Аварский поддерживал тесные и добрые отношения с Россией. В одном из своих писем на имя кн. Г. А. Потемкина Уммахан писал: «Расположение мое есть издревле — продолжать искренние и усердные услуги» Ее Императорскому величеству. «Противности же от меня Российской империи ни в чем не было и не будет, а поступал я во всем как доброжелатель России»²⁴. Надо сказать, что Уммахан здесь не лукавил. Позже в своем письме Уммахан Аварский еще раз заверял Екатерину II, что превзойдет всех «князей и прочих народов службой» Ее величеству — и будет «усерднее оказывать услуги России»²⁵. И, действительно, когда к нему обратился с просьбой о помощи известный шейх Мансур, действовавший прежде всего на территории Чечни, Уммахан Аварский ответил: «Уважаемый имам шейх Мансур ... Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, чтобы, подобно населению подчиняющихся тебе чеченских районов, и отсюда народы пошли ... сражаться с русскими, чтобы послужить мусульманской религии. Но сила русского государства велика. Люди, выступающие против него, должны, в противовес той силе, обладать по меньшей мере организацией,

²¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг XIX в. Махачкала, 1959, с. 15—19 (далее: ДГСВК).

²² Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848, с. 34.

²³ ЦГВИВ, ф. ВУА, д. 6165, ч. II, л. 91.

²⁴ Русско-дагестанские отношения в начале XVIII — нач. XIX вв. М., 1989, с. 198 (далее: РДО).

²⁵ ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. II, л. 254; см. также: РДО, с. 207 и др.

необходимой для самоуправления. Как гласит высокодостойный Коран, «и воййте с ними, когда это можете по силе» и т. д. Однако у дагестанского населения вовсе нет силы и организации»²⁶. Мало того, Уммахан известил затем российское Кавказское командование об обращении к нему имама Мансура: «По возвращении же моем из пределов турецких, хотя и просил у меня чеченского общества ших имам Мансур помощи, но точию оной я ему не дал, наблюдая, чтоб прямая моя с вами дружба и расположение мое на услуги», предоставляемые российской стороной, «были ненарушими»²⁷.

Уммахан обращался затем к императору Александру I «с изъявлением желания вступить с подвластным ему народом в подданство и покровительство Российской империи»²⁸. Однако Аварское ханство не было принято тогда в подданство России, в виду того, что Уммахан после битвы на р. Йоре, описанной нашим автором, смертельно заболел и скончался в 1801 г. в Закатальской зоне современного Азербайджана, где и был похоронен. В добавок к этому в самом Хунзахе разыгрались вскоре трагические события, связанные с убийством тогдашнего хана Гебека и восшествием на хунзахский престол Султанахмад-хана.

Султанахмад-хан Аварский продолжал начатые Уммаханом переговоры с Россией. В начале 1803 г. в Хунзахе в торжественной обстановке, «в собрании многих знаменитых подвластных» и в присутствии царского посланника Султанахмад-хан с согласия императора Александра I дал клятву на подданство России, принял и утвердил «собственноручным подписанием и печатью хана» текст присяги, прочтенный и обнародованный «приличным образом»²⁹. Такого же рода договоры в течение 1803—1812 гг. были заключены и с другими владетелями Дагестана³⁰.

В 1812—1813 гг. присоединение Дагестана к России³¹ получило международное признание. После этого, так как южные государственные границы империи были перенесены уже на р. Аракс, сближение Дагестана с Россией происходило интенсивно. На это обстоятельство в свое время обратил внимание, кстати, и историкограф Шамиля Мухаммадтахир Карахский. «Одни, — пишет он, — шли с неверными вместе даже в войне против мусульман. Другие перемешивались с неверными и днем и ночью смешением предков, детей, братьев и внуков. Третьи отдавали неверным в за-

²⁶ Алкадари Г. Э. Асари-Дагестан, с. 131—134.

²⁷ РДО, с. 198.

²⁸ МИДЧ, с. 199.

²⁹ РДО, с. 263—265.

³⁰ Там же, с. 325—167, 268—269, 272—273, 275—278, 293—299 и др.

³¹ Там же, с. 306—309.

ложники своих детей, подыскивая чего-либо из их подачек. Четвертые делали управителем над своими домами какого-либо дьявола-соблазнителя из неверных или того среди них самих, чьим поведением были довольны неверные, того, кто, будучи искренен в царской службе, снискал себе расположение царя»³². Аналогично по данному вопросу мнение и нашего автора. Говоря о ситуации, существовавшей в начале XIX в. до выхода на историческую арену имама Газимухаммада, Хайдарбек Геничутлинский констатирует, что вследствие отхода дагестанцев от исламского образа жизни, Дагестаном «овладели неверные. Вчерашние исламисты, опустив головы, склонились на их сторону. Ради горстки медяков дагестанцы стали теперь угождать неверным-развратникам».

* * *

В первой трети XIX в. на Северо-Восточном Кавказе создалась взрывоопасная обстановка. Среди целого ряда приведших к этому причин, основной является ужесточение политики самодержавия по отношению к местному населению со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Народно-освободительной борьбе горцев Дагестана и Чечни 20—50 гг. XIX в. посвящены, как отмечалось выше, три очерка нашего автора. На основании суждений Хайдарбека у читателя может сложиться впечатление, что эта многолетняя героическая борьба проходила лишь на религиозной основе. Чтобы названные суждения не создавали у читателя превратного представления о последней, как о «религиозной революции», необходимо обратить внимание на реальную социально-политическую обстановку, существовавшую тогда в регионе. Действительно, борьба горцев проходила под флагом ислама и укрепления устоев шариата в общественно-политической жизни. Верно и то, что в подъеме освободительного движения и в руководстве им весьма заметную роль играло местное мусульманское духовенство. Основываясь, однако, на этом, ни в коем случае нельзя борьбу горцев против царизма представлять в качестве чисто религиозного движения. Такой подход к решению вопроса лишает его широкой исторической перспективы. Возникновение движения не было следствием влияния догматов религии, а тем более деяний отдельных лиц — будущих имамов. Оно явилось логическим результатом развития социально-экономических коллизий в крае. Не случайно целый ряд лиц, принадлежащих к высшему мусульманскому духовенству, в том числе и представители Дагестана, открыто выступали против имамов —

³² Хроника, с. 33—34.

предводителей движения горцев, представляя их действия как нарушение канонів ислама, извращение шариата. Проницательно для своего времени решил этот вопрос Н. А. Добролюбов. «Обыкновенно, — писал он, — мюридизму приписывают те волнения, которые начались в покоренном Дагестане. Но едва ли это справедливо ... Скорее самые его успехи следует объяснять враждебностью горцев владычеству самодержавия»³³. Здесь уместно также напомнить, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития»³⁴. Кавказоведы пришли поэтому к мнению, что идеи «мюридизма» стали широко распространяться на Северо-Восточном Кавказе и приняли политическое звучание с того лишь времени, «когда произошло соединение этих идей с массовым движением горцев», проживающих в регионе. «Это движение, основу которого составляло горское крестьянство с его антиколониальными и антифеодальными устремлениями, нарастало давно и независимо от деятельности мюридистских проповедников»³⁵. Вот почему неверно называть мюридистским движением антицарскую и антифеодальную борьбу населения Дагестана и Чечни из-за того только, что она проходила под флагом мюридизма³⁶.

Развернувшееся на Северо-Восточном Кавказе на рубеже 30 гг. XIX в. движение во главе с имамами — это народно-освободительная борьба. Она, по словам Ф. Энгельса, «принесла жителям гор наибольшую славу»³⁷.

Все три названных выше очерка, как уже отмечалось, неравнозначны по объему, а также по широте охвата событий. Каждый из очерков посвящен освещению военных и иных действий, происходивших в периоды имамства Газимухаммада, Хамзата и Шамиля. Поэтому-то наш автор — Хайдарбек Геничутлинский, каждый из них и озаглавил именами указанных предводителей борьбы горцев.

Читателю необходимо помнить, что горское движение на Северо-Восточном Кавказе прошло три основных и несколько промежуточных этапов. Характерной чертой первого этапа, охватывающего период с 1829 по 1839 гг., было объединение всех недовольных существующим порядком в одно мощное движение. На втором этапе, — с 1840 г. и примерно по 1852 гг. — который был охарактеризован Н. А. Добролюбовым как «блистательная эпоха Шамиля», движение горцев достигло своего апогея. На третьем эта-

³³ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., Т. IV, М., 1937, с. 143.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. IV, с. 228.

³⁵ Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений 20—50 гг. XIX в. М., 1956, с. 19.

³⁶ Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963, с. 216.

³⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XII, с. 119.

пе — с 1852 по 1859 гг. — движение в Дагестане и Чечне пошло на убыль.

Первоначально, как справедливо отметил в свое время проф. Н. А. Смирнов, борьба, носившая и антифеодальный характер, «с большой силой развернулась» в Дагестане, «особенно в Аварии, где истребление феодальной верхушки приняло повсеместный характер, в то время, как, например, в Чечне на первое место выдвинулась борьба против колониального режима»³⁸. Уже первый имам Газимухаммад расправился более чем с 30 феодалами. Известно также, что один из первых ударов он направил против Хунзаха, резиденции аварских ханов. К сожалению, при описании этих событий, Хайдарбек Геничутлинский увлечен больше риторикой, чем изложением реальных фактов. Даже сражение за Хунзах, в котором приняло участие большое число воинов Газимухаммада, изложено у него в нескольких строках.

После вынужденного отступления от резиденции аварских ханов, имам Газимухаммад перенес военные действия в равнинный Дагестан — взял сел. Параул, сжег дом шамхала Тарковского и т. д. Крестьяне Приморского Дагестана первоначально оказывали Газимухаммаду поддержку, но вскоре, увидя, что имам не предпринял реальных шагов к их освобождению от феодального гнета, стали отходить от возглавляемого им движения. Тем не менее Газимухаммад достиг тогда крупных успехов в борьбе с царскими войсками. Организовав в начале 1831 г. в урочище «Чумискент» (*Чумгесген*) укрепленный лагерь, имам совершил ряд успешных рейдов в различных направлениях. Так, в течение нескольких дней он осаждал крепость Бурную и лишь взрыв порохового погреба да прибывший на помощь крупный отряд царских войск спасли ее от неминуемой сдачи. Далее, на 15 дней затянулась осада имамом кр. Внезапной, но прибытие значительных по численности отрядов под командованием кн. Бековича-Черкасского и ген. Эмануеля вынудили его снять осаду и отступить к сел. Эндирей. Затем Газимухаммад двинулся в Южный Дагестан и в августе 1831 г. осадил Дербент. Блокада города продолжалась в течение 8 дней, но подошедшие царские войска сыграли и здесь свою роль. Газимухаммад был вынужден отступить в Табасаран, а оттуда вернуться на родину, в Гимры. Осенью того же года он совершил дерзкий рейд на Кизляр, ворвался в город и с большими трофеями вернулся в свой лагерь, расположенный в «Чумискенте». Отсюда Газимухаммад начал рассылать письма в разные общества Дагестана и Чечни с призывами: готовиться к будущим схваткам. Весной 1832 г. Газимухаммад совершил успешный поход в сторону

³⁸ Смирнов Н. А. Характерные черты идеологии юридиказма, М., 1956, с. 1.

Чечни. В результате, на его сторону перешла большая часть горцев региона.

Успехи Газимухаммада не могли не встревожить самодержавие. Кавказское командование предприняло самые решительные меры против имама. В августе—сентябре 1832 г. 10-ти тысячный отряд под командованием ген. Г. В. Розена огнем и мечом прошел Чечню, а 10 октября блокировал сел. Гимры. На 8-й день после ожесточенного сражения Гимры был взят, Газимухаммад пал в битве. Вместе с имамом погибли тогда и некоторые соратники, а его ближайший сподвижник Шамиль был тяжело ранен. Об этом трагическом событии кратко рассказывает Хайдарбек Генцотлинский.

Любознательному читателю нелишне напомнить дополнительные факты, которые помогают воссоздать картину тех героических событий.

После многочасовой схватки Газимухаммад, Шамиль и еще 13 смельчаков вынуждены были укрыться в доме, находящемся за завалами. Убежище это оказалось, однако, окруженным солдатами. Некоторые из них забрались уже на крышу и стали разбирать ее, другие начали готовить поджог дома. Не видя другого выхода, имам Газимухаммад решился на отчаянный шаг. Отдав последние распоряжения, он бросился на солдат, осаждающих дом, но был тут же сражен их штыками.

Шамиль, сильно обеспокоенный тем, что солдаты подожгут дом и тогда взорвется находящийся в нем порох, предложил сделать вылазку, но остававшиеся в живых сподвижники медлили. Тогда Шамиль в одиночку бросился на штурмующих. Двоих он убил или смертельно ранил, но третий успел все же пронзить его грудь штыком. Шамиль, однако, схвативши одной рукой штык, шашкой с размаха полоснул солдата. Тот упал. Использував эту заминку, Шамиль вытащил штык из своего тела и побежал. Стрелять в отчаянно бегущего человека солдаты не решились, дабы не угодить в своих и Шамиль таким образом ушел от вражеской пули. Но добежав до ложбины, он упал, истекая кровью, и в таком положении пролежал несколько часов, пока его не заметил один из горцев. В то время как Шамиль залечивал свои раны, горцы, как подчеркивает наш автор, дали присягу Хамзату Гоцатлинскому и признали его, таким образом, своим имамом.

Мухаммадтахир Карахский разъясняет: «когда пал смертью праведника Газимухаммад, то ученые и представители народа на его место назначили Хамзата»³⁹.

Свою деятельность в качестве имама Хамзат начал, говоря словами Карахского, с того, что «кружил по селениям и городам

³⁹ Хроника, с. 61.

с товарищами, наставляя, увещевая, приказывая и запрещая»⁴⁰. В очерке, посвященном описанию деяний этого имама, как, впрочем, и в большинстве других памятников дагестанского историописания, Хамзат Гоцатлинский предстает как решительный и наиболее последовательный борец против феодалов Аварии. Из местных источников известно об уничтожении им в сел. Ругуджа «начальника Султанова»; на самом же деле по приказу Хамзата убито было тогда 45 человек из знатного рода Султаналиевых⁴¹. Точно также он поступил «в каждом из подчинившихся ему обществ»⁴². Расправился Хамзат и с хунзахскими ханами⁴³. В результате, как подчеркивает наш автор, он «сламал хребет могучим тиранам и накрутил носы спесивым гордцам».

Часть жителей Хунзаха решила, однако, отомстить имаму, причем в организации заговора немалое содействие оказал им родственник аварских правителей Ахмедхан Мехтулинский. Шамиль советовал тогда имаму перенести свою резиденцию из Хунзаха в другое место, но Хамзат не прислушался и продолжал жить в замке правителей Аварии. Не воспринял он должным образом и информацию о наличии заговора и в итоге заплатился головой.

После смерти Хамзата, пишет Хайдарбек Геничутлинский, «власть принял ... Шамиль». Хаджиали Чохский (Нахибашев), касаясь этого события, писал: «по умерщвлении Гамзата власть имама перешла к Шамилю»⁴⁴. Не правда ли, очень похожие сообщения? В них, однако, нераскрытым остается механизм перехода власти имама от одного человека к другому. Некоторые подробности о том, как это происходило, сообщает Мухаммадтахир Карахский. «Хамзат, — пишет он, — еще раньше завещал халифатство после себя Шамилю. После Хамзата собрание благородных умных возложило халифатство на Шамиля. Шамиль принял его на себя только лишь после упорного отказа»⁴⁵.

Третьему имаму в то время было 35 лет. Это был плотный, мускулистый мужчина высокого роста. Мужественное лицо, прямой с горбинкой нос, белоснежная кожа, русые волосы, борода, густо окрашенная хной, открытый пронизательный взгляд серо-голубых глаз, глубокая морщина между бровями, гордая осанка и уверенные движения. Все это придавало величие облику нового имама. Природа щедро одарила Шамиля и талантами: он обладал глубоким и пронизательным умом, с детства обнаруживал твердую во-

⁴⁰ Хроника, с. 61.

⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА. д. 6294, л. 25, 31—32; Кавказский сборник, т. XV, с. 271—272.

⁴² История народов Северного Кавказа (ниже: ИИСК) Кн. II, с. 145.

⁴³ Неверовский А. Истребление аварских ханов в 1834 г.

⁴⁴ Гаджи-Али. Указ. соч., с. 10.

⁴⁵ Хроника, с. 68.

лю, был отчаянно смел и решителен, взыскателен и рассудителен.

После принятия на себя обязанностей имама Шамиль, трудясь с присущей ему настойчивостью и упорством, за короткое время сумел объединить вокруг себя и сплотить недовольные царизмом силы разрозненных горских племен и обществ. Оставалось подчинить своей власти Хунзах.

В этих условиях, верно оценив опасность, нависшую над Аварией, ее правитель Ахмадхан Мехтулинский и его окружение обратились за помощью к русскому командованию на Кавказе. Наш автор, однако, пишет, что не Ахмадхан, а члены хунзахской общины (не уточняя, кто именно) пригласили в горы войска «неверных». Правитель же Аварии, якобы, не только не рекомендовал хунзахцам обращаться к царской армии, но даже предупреждал, что в этом им придется впоследствии «раскаиваться». Данные утверждения Хайдарбека Геничутлинского не находят себе подтверждения в других независимых источниках. Как бы там ни было, в 1837 г. Хунзах был занят царскими войсками, что поставило под их контроль значительную часть Аваристана.

Интересные сведения об отношении хунзахцев к русским сообщает декабрист Я. Костенецкий. «В Хунзахе,—пишет он,—мы были настолько безопасны между ними, что ходили без оружия. Это было очень странно ... здесь в горах, между неизвестного нам народа, мы были совершенно как дома. Я возьму бывало книжку и пойду гулять по полям хунзахским, как будто в Малороссии по собственным поместьям: не доставало лишь халата. Встречающиеся аварцы приветствовали меня «Салам алейкум», как будто своего земляка, и спокойно продолжали свой путь»⁴⁶.

Хайдарбек допустил некоторые неточности при описании похода царских войск на земли к югу от Хунзаха, предпринятого в сентябре того же 1837 г. Командовал этой экспедицией не «Аргут» (ген. М. З. Аргутинский — В. Г.), как пишет наш автор, а ген.-м. К. К. Фезе. Принимали в нем участие и отряды милиции Мухаммадмирзы-хана Казикумухского, Ахмадхана Мехтулинского, шамхала Тарковского. После многодневных боев войскам ген. Фезе удалось овладеть частью крупного аула Телетль. Большого они не достигли. Начались переговоры, а затем было заключено перемирие. Шамиль обещал не возбуждать более горцев на борьбу с царизмом и в залог верности выдал русским в качестве аманата своего племянника Хамзата.

Мир этот оказался, однако, недолговечным. В 1838 г. военные действия между Шамилем и царскими войсками, правда, не происходили, но это объясняется скорее всего тем, что в то время Кавказское командование было занято подавлением Кубинского

⁴⁶ Костенецкий Я. Об аварской экспедиции на Кавказе. СПб., 1851, с. 37—38.

восстания. Шамиль же умело использовал предоставившиеся ему возможности и подчинил своей власти Андю, Гумбет, Салатавню, Койсубулу и часть Чечни.

В 1839 г. российское командование на Кавказе, решив одним ударом покончить с имамом, предприняло наступление на горный Дагестан.

С севера, со стороны Чечни, в направлении Внутреннего Дагестана двинулись войска под командованием ген. П. Х. Граббе; ген.-м. Пулло, которого Хайдарбек Геничутлинский именует «главой многобожников», в этом походе командовал лишь одним из отрядов царских войск. Надо здесь отметить, что вместе с царскими войсками действовали тогда шамхал Тарковский и Ахмадхан Мехтулинский со своими отрядами численностью в 3320 человек. Всего же, по данным Д. Милютина, в составе экспедиции ген. П. Х. Граббе находилось 45 горских князей, беков и старшин⁴⁷.

11 июля 1839 г. царские войска подошли к Ахульго, которое к тому времени Шамиль превратил при помощи ряда искусственных сооружений в неприступную крепость. После продолжительных и жестоких боев Ахульго, однако, пала; 29 августа ген. Граббе послал донесение о взятии этой крепости.

Хотя имам Шамиль с несколькими приближенными ему лицами и избежал тогда плена, уйдя в Чечню, российское командование на Кавказе было уверено, что с сопротивлением горцев покончено. Оно, однако, жестоко ошиблось. Уже в начале 1840 г., доведенные до крайности лихоимством и насилиями ген. Пулло и других имперских военачальников, равнинные чеченцы подняли всеобщее восстание и попросили Шамиля возглавить его. Шамиль умело воспользовался предоставившейся ему возможностью и вскоре достиг больших успехов как в Чечне, так и в Дагестане. Это и было началом «блистательной эпохи Шамиля».

В 1842—1845 гг. движение горцев, возглавляемое Шамилем, достигло наибольших успехов. Имам занял 13 русских крепостей и в результате подчинил своей власти почти всю Аварию и Чечню. На этой территории было создано военно-теократическое государство — имамат, со своей иерархией, внутренней и внешней политикой.

В пору наивысших успехов движения горцев имамат занимал территорию площадью около 900 квадратных верст. Во главе этого государства стоял облеченный большой властью *имам ал-азам* — «великий имам» Шамиль. Наиболее важные вопросы внутреннего управления и военной организации обсуждались постоянно действующим *диванхана* — верховным советом, а также — на перио-

⁴⁷ Милютин Д. Описание военных действий в Северном Дагестане в 1839 г. СПб., 1850, с. 139.

дически созываемых съездах, где принимали участие: наибы, ученые-алимы и представители администрации.

Территория имамата была разделена на наибства. Всего было создано 50 наибств, но более или менее постоянных было 30. За время существования имамата этими военно-административными единицами управляли более 150 наибов, среди которых были представители почти всех народов Северо-Восточного Кавказа. Хайдарбек, однако, ограничился упоминанием лишь нескольких, в том числе двух очень известных и преданных горскому делу наибов: аварца Ахбердил Мухаммада (в русских источниках «Ахверды-Магома») Хунзахского⁴⁸ и чеченца Шуайба Центароевского.

Кратко, но с ценными подробностями, описана в анализируемом сочинении большая часть битв Шамиля с царскими войсками, происходивших в 1842—1845 гг. Лица, интересующиеся подробностями этих сражений, могут ознакомиться с ними через опубликованные уже документы русского происхождения⁴⁹.

Важные сведения Хайдарбек сообщает о так называемой Даргинской или Сухарной экспедиции под командованием ген.-лейт. М. С. Воронцова. Чтобы у читателя создалось верное представление об этом, укажем, что хорошо подготовленная царская армия в составе 21 батальона пехоты, 4 рот саперов, 3 рот стрелков, 16 сотен казаков и милиции, 2 грузинских дружин и 16 орудий, преодолела сопротивление горцев, проникла в глубь имамата и заняла территорию Андий. Затем эта армия вступила в резиденцию имама — Дарго, расположенную в Чечне, в лесистой Ичкерии, и только тут царские военачальники поняли, что они окружены. Отрезанный от продовольственных баз, неся огромные потери в людях и снаряжении, ген. М. С. Воронцов делал отчаянные попытки вырваться из окружения. Неизвестно, чем бы еще все это кончилось, если бы не подоспел на помощь усиленный отряд под командованием ген. Фрейтага.

Согласно официальным данным, за время названной экспедиции царские войска потеряли 4 генералов, 168 офицеров, 3433 солдат⁵⁰. И тем не менее царское правительство объявило, что цель экспедиции достигнута — столица имама взята. Главнокомандующий М. С. Воронцов, целый ряд высших и низших офицеров, а также масса нижних чинов получили правительственные награды.

Описывая битвы, проходившие между Шамилем и царскими войсками, Хайдарбек Геничутлинский обошел молчаньем поход

⁴⁸ В литературе имеет хождение неверная в своей основе версия, представляющая Ахверды-Магому «сыном перешедшего в ислам раба-армянина» [Р. М. Магомедов. Шамиль в отечественной литературе. Махачкала, 1990. С. 42]

⁴⁹ ДГСВК, с. 312—483.

⁵⁰ ИНСК, кн. II, с. 151.

имамата в Кабарду, который был предпринят в 1846 г. с целью расширить экономическую и политическую базу имамата и его территорию. Поход не имел успеха. Может быть, именно поэтому Хайдарбек не упоминает о названном предприятии третьего имама.

Удивление вызывает и то, что в предлагаемом сочинении не говорится о посылке Шамилем наивов на Северо-Западный Кавказ. Здесь не упомянут даже наиб Мухаммадмин Асиялав, который в течение ряда лет успешно руководил борьбой закубанских — адыгских народов против царизма.

Хайдарбек Геничутлинский своеобразно решает вопрос о конфликте Шамиля с известным Хаджимурадом. Верный и здесь своему подходу к историческим событиям, он считает, что разрыв между имамом и его прославленным наивом явился результатом клеветы со стороны недостойных злоумышленников и заключает: это «было предопределено самим Аллахом».

На самом же деле этот конфликт возник из-за ряда причин, среди которых не последнюю роль сыграли действия Хаджимурада в Кайтаге и Табасаране, а также интриги завистников. Как бы то ни было, переход Хаджимурада на сторону российского командования принес вред не только имаму, но и самому Хаджимураду. Оказавшись в чуждой для себя обстановке, переживая и беспокоясь о семье, оставшейся в горах, Хаджимурад стал рваться назад. В свою очередь и имам близко к сердцу принял побег Хаджимурада. Сожалея о случившемся, Шамиль делал все, чтобы вернуть своего лихого наива.

Жаркие дебаты среди ученых-кавказоведов велись, как известно, по поводу связей руководителей народно-освободительной борьбы горцев с иностранными государствами. В печальной памяти 50-е годы движение народов Северного Кавказа было даже объявлено «инспирированным из-за рубежа», а его руководителей и особенно Шамиля представляли в качестве «ставленника султанской Турции и английских колонизаторов». Эта антинаучная версия кавказоведами уже давно отброшена. И все же вопрос о связях руководителей движения с иностранными государствами до сих пор вызывает живой интерес.

Правда, что Шамиль, Джамалудин и другие руководители северокавказских горцев обращались с письмами о помощи к турецкому султану, шерифу-правителю Хиджаза и даже к Франции. Письма эти частично опубликованы⁵¹. Реальной помощи от них горцы, по крайней мере дагестанцы и чеченцы, так однако и не получили. Пишет об этом и наш автор. «Имам Шамиль, — совершенно справедливо подчеркивает Хайдарбек, — на протяжении целых двадцати лет ожидал, что придут приятные вести от Ос-

⁵¹ ДГСВК, с. 575, 590, 633 и др.

манского государства» и сам время от времени направлял «делегации к источнику власти» султану Абдулмаджиду, но так и не получил от последнего реальной помощи. Поэтому имам был вынужден продолжать борьбу, «имея малое количество людей, припасов и вооружений».

О Шамиле турецкий султан вспомнил, и это не случайно, лишь тогда, когда началась Крымская война. Он направил предводителю горцев Дагестана и Чечни письмо, о котором говорит Хайдарбек, но поддержка султана выразилась в том лишь, что имаму были присланы медаль с драгоценными камнями, знамя и молитвенный коврик. Даже тогда, когда Шамиль предпринял поход на Грузию и находился в 60 км от Тбилиси, султан не оказал ему военной помощи.

Свое поведение османы объясняли сложившейся в то время обстановкой. Сам же Шамиль думал об этом совершенно иначе и, что особенно важно, позже, находясь уже в России, он доверительно сказал как-то приставу А. Руновскому: «Если ты веришь [мне], то поверь и тому, что я действительно не хотел быть султанским» наместником-*валием*⁵². Здесь имам был искренен. Об этом, кстати, хорошо знали и в России. «По показаниям некоторых лиц, хорошо знавших Шамиля, — писал официальный историограф Кавказской войны акад. Н. Дубровин, — видно, что он не желал соединяться с турками»⁵³.

Своеобразно, хотя быть может и несколько упрощенно, наш автор объясняет причины, приведшие к падению имамата. Местные историки второй половины XIX в.: Мухаммадтахир Карахский, Хаджиали Чохский, Абдурахман Согратлинский и другие во многом обвиняли здесь наивов, представляя их чуть ли не главными виновниками отхода народных масс от движения против царизма. Они прямо указывали на гнет, злоупотребления и лихоимство со стороны наивов, которые отталкивали народные массы от борьбы за свободу Северо-Восточного Кавказа. «Наивы, — писал Хаджимухаммад Согратлинский, — оказались подобно волкам над стадами, из-за их несправедливостей и злонамеренных наказаний стеснялись просторы земли для народа»⁵⁴. Кстати сказать, аналогичную мысль высказал и Хаджимурад. «Доходы наивов, — свидетельствовал он, — состоят в помощи рук веренного им края»⁵⁵. Обо всем этом хорошо знал, естественно, и сам имам. Не случайно ведь он, стремясь укрепить государственные устои, усиливал угро-

⁵² АКАК, т. XII, с. 345.

⁵³ Дубровин Н. История войны и владычества России на Кавказе. СПб, 1871, т. I, кн. I, с. 322.

⁵⁴ Хроника, с. 270.

⁵⁵ АКАК, т. VIII, с. 527.

зы и репрессии, и очень круто, не считаясь с былыми заслугами, снимал наибов с занимаемых должностей; за время правления Шамиля было отстранено от управления несколько десятков наибов. Хайдарбек обострен, однако, эти факты молча и всецело сосредоточил свое внимание лишь на одной причине, приведшей к поражению государства горцев Дагестана и Чечни. Таковой он считает широкое наступление самодержавия и с этим, пожалуй, нельзя не согласиться. Действительно, после Крымской войны против Шамиля была направлена огромная, хорошо вооруженная армия, которой командовал ген. А. И. Барятинский, превосходящая по численности все население имамата. Рядом с царскими войсками против Шамиля боролись также и довольно многочисленные отряды кавказской милиции. Далее, российское командование в течение целого ряда лет широко использовало подкуп и другие подлые «политические» меры воздействия на боровшихся горцев. В итоге к лету 1859 г. А. И. Барятинский и проник в глубь гор Северо-Восточного Кавказа. Сначала народ, а потом и наибы, по свидетельству Хаджнали Чохского, начали вести переговоры с пограничными русскими начальниками, которые ласково принимали их и делали им довольно щедрые подарки⁵⁶. На сторону кавказского командования перешел даже Кебедмухаммад Телетлинский вместе с задержанным им тарикатским наставником-мюршидом Джама-лудином Казикумухским. В начале августа сдались *мудир* Даниялбек Елисуевский, а также другие наибы. Они поступали так, говоря словами Хайдарбека, «ради личного преуспеяния — ради денег и наград».

С имамом остались теперь лишь немногие. Покинутый своими сторонниками, Шамиль с 400 приближенных вынужден был отступить на Гуниб. Здесь он попытался было организовать сопротивление, но, поняв безысходность своего положения, под нажимом семьи, вынужден был капитулировать. 25 августа 1859 г. князь Барятинский телеграфировал Александру II: «Гуниб взят, Шамиль в плену и отправлен в Петербург».

Путь Шамиля в Россию лежал через Темир-Хан-Шуру, Чирюрт, Ставрополь. В Чугуеве, куда его привезли специально, с ним встречался император Александр II. Оттуда имама отправили в Москву и далее в Петербург. В столице Шамилю «была организована», по словам Н. Г. Чернышевского, «великолепная иллюминация, какой еще никогда не было в Петербурге, даже та, которую устраивали во время коронации, далеко не так была блистательна, как нынешняя»⁵⁷. Шамиля ознакомили с достопримечательностями столицы великой империи. Побывал имам Дагестана и Чечни и в Кронш-

⁵⁶ Гаджи-Али. Указ. соч., с. 76.

⁵⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 381.

тадте. Местом постоянного жительства для Шамиля была определена Калуга.

В 1870 г. Шамилю с семьей разрешили отправиться на поклонение в Мекку. Позже разрешили поехать к отцу и его старшему сыну Газимухаммаду. Недолго, однако, пробыл Шамиль в Аравии. Он скончался 4 февраля 1871 г. на пути из Медины в Мекку.

Заключительный очерк, включенный в данную работу, посвящен восстанию 1877 г. Он очень краток. В связи, видимо, с этим в очерке не нашел своего отражения целый ряд сюжетов из истории восстания 1877 г., о которых известно из других источников. И тем не менее, небольшой, но «свежий» материал этого очерка, который не встречается в других письменных памятниках, представляет ценность для характеристики отдельных событий, происходивших в период названного восстания. Интересен этот очерк, наконец, и своими оценками.

Проведенный здесь далеко не полный анализ сочинения Хайдарбека Геничутлинского подводит нас к единственному беспорочному выводу — предлагаемые любознательному читателю исторические материалы в большинстве случаев содержат весьма ценную информацию о событиях, а также — интересные во многих отношениях наблюдения и авторские характеристики. Внимательное изучение данных материалов, дополненное сведениями из других памятников историописания, критическое осмысление их, будут, несомненно, способствовать значительному углублению наших познаний о прошлом, а также послужат достижению качественно нового уровня кавказоведных изысканий и укреплению их концептуальной целостности.

Проф. В. Г. Гаджиев.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Первый очерк, включенный в данную публикацию был доступен автору этих строк в единственном списке. Последний входил в состав рукописной брошюры, которую принес однажды в Институт ИЯЛ, (кажется, в 1977 г.) для ознакомления научных сотрудников с ее содержанием, вышеупомянутый Мансур Гайдарбекович Гайдарбеков — прямой потомок родного брата Хайдарбека Геничутлинского. Брошюра эта была небольшой по формату, примерно 15 x 10 см; бумага — российская, фабричная второй половины XIX — начала XX вв. Содержала она, наряду с прочими материалами, написанный по-арабски текст первого очерка, который оза-

главлен «Накануне». С данной брошюры, переписанной, несомненно, во второй половине XIX — начале XX вв., была тогда же снята рукой М. Г. Нурмагомедова копия очерка «Накануне».

Второй очерк, обозначенный в тексте самого источника как «История хунзахских ханов», был получен нами также от Мансура Гаидарбекова. Это были записи на аварском языке, сделанные *аджамом* (арабской графикой) на листах старой школьной тетради в пределах конца XIX — начала XX вв. Архаичность аварского языка, которым излагается содержание второго очерка⁵⁸, а также упоминание в его тексте «Цатанихского участка Аварского округа» и некоторые другие моменты не оставляют сомнений в том, что «История хунзахских ханов» составлена в пределах второй половины XIX — начале XX вв. Дело в том, что современный аварец, тем более интеллигентный аварец так не напишет. Он просто не сможет писать таким языком.

Сопоставление содержания первого («Накануне») и второго («История хунзахских ханов») очерков, включенных в данную работу с различными по происхождению нарративными (повествовательными) источниками, официальными посланиями, документами и эпиграфическим материалом заставляет предположить, что оба очерка с формальной точки зрения представляют собой запись устных хунзахских преданий о прошлом Аварии. Предания эти, имевшие хождение в первую очередь, надо думать, среди членов нуцальского рода и их окружения, были записаны, как это видно из текста, не ранее середины XIX в. Особенно хорошо это видно из неверного утверждения, что первым мусульманским правителем Елису был-де Даниялсултан и что титулом Елисуйских правителей стало после этого — «даниялсултан». В ходе работы над текстами двух названных здесь очерков, лицом, записавших их, были, однако, использованы, по-видимому, и письменные материалы — памятные записи типа тех, что даются в качестве приложения к труду Хайдарбека Геничутлинского и т. п.

Происхождение обоих очерков (из селения Геничутль, из «дома» Хайдарбека Геничутлинского), их содержание — история Аварии и аварских ханов, просламская (просуннитская) оценка событий и исторических деятелей и, наконец, существующие ныне представления о культурной жизни Аварии и ее исторического центра — Хунзаха заставляют думать, что текст обоих очерков принадлежит руке Хайдарбека Геничутлинского. Следует при этом, однако, отметить, что арабский язык, которым написан первый

⁵⁸ Текст составлен культурным, информированным в истории Восточного Кавказа человеком, который, однако, не испытывал на себе (в своей письменной речи) влияния современного литературного аварского языка.

очерк («Накануне»), а также особенности в расположении материала в тексте второго очерка («История хунзахских ханов») наводят на мысль, что перед нами незаконченные (как стилистически, так и по содержанию), «неотшлифованные» работы. Скорее, это даже заготовки, черновики для задуманных Хайдарбеком — как законченных впоследствии, так и оставшихся втуне работ.

Третий очерк, которому авторы этих строк дали условное название «Уммахан Аварский», получен также от Мансура Гайдарбекова. Это был текст на арабском языке, написанный рукой самого Мансура Гайдарбековича и причем рифмованной прозой, в подражание, вероятно, известному средневековому сочинению «Макамат ал-Харири». В конце данного очерка прямо указано, что он является сочинением Хайдарбека Геничутлинского. Написано оно на основании как устных источников — хунзахских преданий, так и (судя по заключенной в данном очерке обильной исторической информации) письменных материалов, отнесенных Хайдарбеком к эпохе Уммахана.

Остальные четыре очерка, включенные в эту книгу, дошли до нас в рукописи Абдурахмана Казиева из сел. Нижний Дженгутай и датированы 1940 г. Переписчик — кумык по национальности — родился то ли в 1894 г., то ли в 1900 г., а умер в 1942 г. Это был знаток арабского языка, который с 1936 г. и вплоть до своей кончины работал научным сотрудником Дагестанского научно-исследовательского Института истории, языка и литературы, по заданию администрации которого он фиксировал, собирал или же копировал «исторический и фольклорный материал»⁵⁹.

Все четыре очерка, два из которых получили свое название со стороны авторов этой работы («Имам Газимухаммад» и «О восстании в Дагестане и Чечне в 1877 г.»), составляют один рукописный сборник. Завершается он так: «Здесь две брошюры: 1) Сочинение Генечокского Гайдар-Бека «Горсток» (о трех имамах: Гази-Магомед, Гамзате и Шамиле), 2) Его же «О согратлинском имаме Магомед Гаджи»; приписка эта сделана по-русски, несомненно, несколько десятилетий тому назад.

Тексты (арабские и аджамский) всех семи очерков, принадлежащих Хайдарбеку Геничутлинскому, хранятся у авторов этих строк.

Перевод сочинений Хайдарбека Геничутлинского выполнен, как отмечено выше, с расчетом на широкий круг дагестанских читателей. Проявляется это прежде всего в отказе от затрудняющих вос-

⁵⁹ Абдурахманов Абдурагим. Материалы об Абдурахмане Казиеве из Нижнего Дженгутая и его наследии. // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала. 1991. С. 176—182.

приятне текста квадратных скобок, куда при научном, академическом переводе принято вставлять русские слова, без которых перевод становится плохо понятным, либо вообще не понятным. В отдельных случаях, однако, там, где арабский текст представлялся нам не совсем понятным, квадратные скобки поставлены.

Т. Айтберов.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

A decorative rectangular border with a repeating floral and scrollwork pattern, enclosing the central text.

П Е Р Е В О Д

[НАКАНУНЕ]

Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Хвала — Аллаху, который возвысил ислам, его приверженцев и этим унижил неверие, сам его корень. Да будут благословения над Мухаммедом, который ясно изложил исламское вероучение, а также над его родичами и сподвижниками, которые перенесли мусульманскую религию в Дагестан.

А далее.

Всевышний Аллах захотел, чтобы над Дагестаном, обитатели которого были людьми заблудшими, несправедливыми, неверными-многобожниками, воссияло солнце ислама. Поэтому Он внушил халифу ^а по имени Хункар¹, чтобы тот отправил к дагестанцам человека, который бы призвал их к принятию мусульманских догматов и шариата. Хункар этот отправил к ним тогда святого человека, познавшего величие Аллаха — знатного араба Абулмуслима Сирийского (*Шами*), вместе с которым отправилось множество великих ученых и славных праведников, а также огромная масса воинов.

Войска Абулмуслима прибыли наконец в Джарский (*Чар*) вилайат. Произошло это уже после того, как сподвижники Абулмуслима обратили в ислам жителей встреченных им прежде селений; в каждом из таких селений Абулмуслим для обучения законам ислама ставил по одному или по два ученых, в зависимости от величины селения.

В то время повелителем (*эмир*) Дагестана был заблудший многобожник по имени Суракат². Услышав о прибытии Абулмуслима в Джарский вилайат, этот нечестивец собрал свое войско, снарядил его и двинулся в направлении названного вилаята с намерением

^а В тексте: «величайший имам».

сражаться и тем самым, не пропустить мусульман дальше. Воинов с этим Суракатом было, кстати, множество. И вот это войско, состоявшее из неверных, подошло к тем местам и остановилось вблизи лагеря Абулмуслима.

Услышав о прибытии Сураката, Абулмуслим послал человека, который должен был разузнать: каков он, этот Суракат, сколько у него воинов — мало их или много? Человек тот возвратился через некоторое время назад, пораженный количеством воинов Сураката, и заявил: «Мы их не одолеем». Шейх Абулмуслим сказал тогда: «Если так, то необходимо применить хитрость, которая уничтожит их без боя». Организовав затем забой жирного крупнорогатого скота, Абулмуслим приказал приготовить различные яства. Были сварены полные котлы мяса и много риса, но туда подмешали смертельный яд.

Неверный Суракат отправил тем временем человека, который должен был тайком изучить положение дел в войске шейха Абулмуслима. По возвращении назад этот человек доложил: «Воинов у шейха мало. Да и те, забив жирный скот и сварив в одних котлах мясо, а в других — рис, заняты едой и питьем. Это не бойцы, а пьяницы и чревоугодники». Суракат обрадовался и сказал: «Это в нашу пользу. А ну-ка, прежде чем они успеют доесть свои яства, произведите на них неожиданную атаку. Их пища должна после победы достаться нам». Воины Сураката бросились тут на мусульман.

Когда шейху Абулмуслиму сообщили, что неверные пошли в атаку, он вместе со всем своим войском сделал вид, что обратился в бегство, оставив, однако, упомянутые яства на месте. Сделал он это для того, чтобы враги, не знавшие, что они отравлены, съели бы их и умерли.

Воины же проклятого Сураката, приблизившиеся к котлам, заполненным мясом и вареным рисом, не найдя поблизости Абулмуслима с его войском, действительно занялись поеданием яств. Они при этом смеялись и радостно повторяли: «Мы в начале съедим их пищу, а уж затем перебьем и их самих до последнего человека».

Еду эту воины названного неверного повелителя съели так, как голодные волки съедают жирных баранов. Подмешанный яд начал вскоре, однако, оказывать свое воздействие на поевших и они умерли — все, кроме Сураката и немногих его товарищей, которые не ели тех яств.

Враг Аллаха Суракат после этого происшествия бежал к себе на родину. Был он при этом разочарован и опечален, словно пастух, у которого погибли все овцы.

Шейх Абулмуслим вместе со своими победоносными войсками двинулся тем временем дальше. Жителей селений, которые попадались на его пути, он призывал при этом к принятию исламской религии. В каждый покорившийся вилайет, в каждую область он назначал по одному эмиру из числа своих товарищей-корейшитов, а в каждое селение — по одному мулле (*кади*), чтобы тот обучал сельчан законам ислама. Наконец, этот удачливый шейх, благодаря всевышнему Аллаху, достиг Казикумуха (*Гази-Гумук*).

В каждый округ, как уже сказано, Абулмуслим ставил по одному эмиру из числа своих товарищей. Так, в Елису он поставил тогда Даниялсултана³, и поэтому елисуйских эмиров именуют ныне даниялсултанами. В вилайет Казикумуха—Ханбуттая⁴, и поэтому там многих именуют ханбуттаями. В вилайет Кайтаг (*Хайдак*)—

эмира, которого звали Уцуми, и именно поэтому кайтагских эмиров именуют сейчас уцмиями (*усуми*). В Мехтулинский (*Махди-улу*) юрт был назначен тогда эмир, которого звали Махдихан⁵, из-за чего ныне этот вилайет и именуют Мехтулой, то есть Махдиевским. В Тарки — эмир родом из Шама, вследствие чего таркинских эмиров именуют ныне шамхан-ханами⁶. Таким-то вот образом и оказались различные эмиры в разных вилайетах.

Шейх Абулмуслим передал названным эмирам в полную собственность замеченные им горные кутаны. Дело в том, что эмиры имели разрешение от халифа брать в свое распоряжение земли, которые они завоюют; кутаны и горные пастбища, находящиеся ныне в руках дагестанских эмиров — из числа тех земель, которые отдал их предкам шейх Абулмуслим.

Шейх Абулмуслим, таким образом, обосновался в Дагестане. Зимой он жил при этом в Тарках, а летом — в Казикумухе, откуда наблюдал за положением дел у неопитов и их эмиров. Время от времени, однако, Абулмуслим объезжал дагестанские города и селения, и обучал их жителей религиозным и житейским вопросам, которые оставались еще скрытыми для них, как мусульман.

Так Абулмуслим провел много лет, не уделяя при этом никакого внимания областям, которыми управлял тогда враг Аллаха — неверный Суракат, сидевший в селении Тануси вилайата Аваристан.

Суракат же боялся названного шейха и внимательно следил за его действиями. Он как будто чувствовал, что со временем его в покое не оставят.

После того как лучи ислама распространились на большей части Дагестана и сердца ее жителей заблестали под влиянием сияния, исходящего от этой религии, шейху Абулмуслиму стало ясно: последователи ислама из числа дагестанцев уже ни за что не от-

клонятся от шариата — даже если их бросят в огонь, будут пилить пилами или рубить саблями. Вот тогда-то названный шейх вместе со своими победоносными войсками и выступил на врага Аллаха Сураката. Последний же, услышав о выступлении Абулмуслима, изготовился к бою.

Суракат разослал послания ко всем, кто был под его властью, даже к жителям селения Мосокиб^а, расположенного в Тушетии (Туш)^б. Около него собрались многочисленные отряды. И тут со стороны Гоцатля к местности Тобтида (Тубтида), расположенной на землях хунзахцев, подошел Абулмуслим со своим войском; это — местность, где ныне стоит русская крепость. Там мусульмане и остановились.

Суракат и его воины двинулись против мусульман. Сойдясь, эти две группировки — неверные и мусульмане — вступили в сильнейшее сражение. Когда же наступила ночь, шейх Абулмуслим и его войско повернули назад, так как там, в Тобтида, было убито тогда большое количество мусульман.

Через небольшой промежуток времени победоносный и удачливый Абулмуслим выступил против Аваристана с войнами в два раза более многочисленными, чем те, что были у него ранее. Услышав об этом, Суракат вместе со своими домочадцами бежал. Он, однако, успел назначить повелителем царства одного из своих приверженцев, поручив ему по мере сил сражаться с шейхом Абулмуслимом.

Абулмуслим и его воины вторично, таким образом, пришли в область хунзахцев. В сам же Хунзах Абулмуслим вступил тогда при помощи некоторых мужей из квартала Самилал^в, с их согласия; из-за этого-то жителей названного квартала и именуют ныне Хамилал, [что означает в переводе с аварского «Ослы»], хотя правильнее было бы именовать их львами.

Абулмуслим именно таким образом захватил город хунзахцев и остальные селения Хунзахского (Авар) вилаята. Что же касается того мужа, которого Суракат, убегая, поставил на свое место в качестве повелителя, то он убежал вслед за ним.

После того как шейх Абулмуслим поставил в каждое селение по мулле, обучил хунзахцев догматам исламской веры и шариаду, и назначил над ними наиба для проведения шариата в жизнь, обитатели Хунзахского вилаята похоже стали наконец богопослушными мусульманами. Лишь тогда шейх решил возвратиться назад, в Казикумух. При этом, однако, он сказал своему наибу: «Смотри.

^а В тексте: *Мускуб*, то есть Москва.

^б В тексте: *Тушал* (чит.: *Тушалъ* — «в Туше» с авар.)

^в В тексте: *Хханилал*.

не доверяй хунзахцам (*авари*). Я подозреваю, что их вера в Аллаха не безусловная, не полная, а напротив — перемешанная с сомнениями и лицемерием. Будь бдительным!»

Хунзахцы и правда вскоре раскаялись в том, что, приняв ислам, отказались от религии своих предков. Придерживаться шариата и в том числе не пить брагу, к чему они уже давно привыкли, оставить другие запретные дела, противоречащие исламу, оказалось для них делом слишком трудным. Поэтому они тайком послали верных людей к своему старому повелителю — Суракату, прося, чтобы тот прибыл к ним. Через них хунзахцы говорили ему: «Мы раскаялись в том, что оставили религию наших отцов, приняли ислам и подчинились Абулмуслиму. Ты со своим войском приходи, а мы убьем наиба, которого поставил над нами Абулмуслим для проведения шариата, и будем подчиняться тебе. Мы предпочитаем служить тебе».

Посланцы хунзахцев посетили Сураката несколько раз и, наконец, тот направил к ним своего сына вместе с проверенными храбрцами. Сам же он так и не пошел из боязни, что в речах этих хунзахцев кроются коварство и обман, цель которых — убить его.

Когда сын Сураката и его товарищи прибыли в Хунзах, хунзахцы выказали восторг. Они действительно убили тогда наиба, поставленного Абулмуслимом и его товарищей, отклонились от почитания Аллаха и занялись удовлетворением запретных страстей, унаследованных ими от предков.

Когда шейх Абулмуслим услышал эту горькую весть, выступил против Хунзаха с огромным количеством воинов. Подойдя к названному городу, Абулмуслим отправил посланцев, чтобы те хорошо попугали хунзахцев, сказав им от его имени: «Повинуйтесь мне! Во всем следуйте за мной! В противном же случае мы перебьем вас всех до последнего человека и сожжем вашу обитель». Жители Хунзаха так ответили тогда посланцам Абулмуслима: «Мы согласны повиноваться Абулмуслиму и выполнять его приказы, если только он назначит над нами правителем сына Сураката — нашего старого эмира. Если же нет, мы не станем повиноваться вашему шейху, а если вы затем нападете на нас, то будем сражаться с вами и ни один из вас не войдет в Хунзах, пока мы будем живы». Абулмуслим дал на это следующий ответ: «Мы назначим над вами правителем сына Сураката, если, однако, он примет ислам, причем по-настоящему».

Затем шейх и его воины вступили в Хунзах. Вот тут-то к нему и был подведен сын Сураката.

Абулмуслим потребовал от него принять ислам. Тот согласился и тогда шейх обучил его формуле единобожия — *шахаде*. Сын Сураката произнес ее, после чего шейх обучил его всему тому, чему следует обучать мусульманина. Лишь затем он сделал его повели-

телем-эмиром и одновременно своим наибом в вилайете хунзахцев; кроме того Абулмуслим обучил и жителей хунзахских селений тому, чему следует обучать мусульман — догматам веры, исламскому образу жизни и т. п. Тогда же одного из своих ученых товарищей Абулмуслим поставил кадием над хунзахцами; говорят, что нынешние хунзахские кадии — Нурмухаммад⁷ и прочие происходят из рода этого ученого.

Абулмуслим после введения шариатских законов в областях Аваристана и в других местах двинулся дальше. Наконец он достиг Тушетии⁸, но тут заболел и тогда сказал своим товарищам: «Мы возвращаемся в Хунзах! Вполне возможно, что я буду погребен именно там».

Они пошли назад и наконец достигли окраины Хунзаха. Абулмуслим слез тут со своего арабского мула и сказал: «Отпустите его, пусть этот мул идет. Там же, где он остановится — похороните меня, ибо я умру в этот четверг, а похоронен буду в пятницу».

Болезнь Абулмуслима усилилась и он действительно умер в тот четверг. Похоронили его в пятницу, причем, как он сам приказал, в том месте, где остановился его мул — в центре квартала Самилал, жители которого помогли ему в прошлом; они, как уже было сказано, ввели Абулмуслима в Хунзах, когда он приходил туда в первый раз.

Над могилой Абулмуслима возвышается ныне красивый мавзолей, внутри которого лежат куски войлока и дорогие ковры; рядом с могилой стоит флаг. Там же хранятся меч Абулмуслима и его одеяние, на котором написаны аяты Корана и арабские стихи.

Имеется и дата — 111/729—30 год по хиджре.

Из числа потомков того сына Сураката, по имени 'Андунник-нуцал'⁸, которого Абулмуслим назначил эмиром в Хунзахе, люди знают конкретно лишь Дугри-нуцала⁹. Говорят при этом, что Дугри-нуцал был святым чудотворцем. Могила этого Дугри-нуцала находится на кладбище, именуемом «Квегадатель (*Кугадал*)»⁶ хабал» и люди посещают ее.

СТАРШИЙ БУЛАЧ И ЕГО СЫНОВЬЯ

Из числа хунзахских повелителей-эмиров известны также: Старший (*Кудияв*) Булач и его сыновья — Мухаммад-нуцал и Мухаммадмирза¹⁰.

У Мухаммадмирзы — сына Старшего Булача была жена по

⁸ В тексте: *вилаят Туш.*

⁶ В тексте: *К-р-'у-д-л.*

имени Патимат, племянница князя Хасаймусы Аксайского. От нее Мухаммадмирза имел дочь по имени Китлилай.

У Мухаммад-нуцала — другого сына Старшего Булача, было две жены: Хыстаман и грузинка Мариям. От первой из них у Мухаммад-нуцала было четверо детей: сын Уммахан и три дочери — Бахтика, Хыстаман и Аймесей. От второй — два сына: Сурхай и Гебек. В 1187/1773—74 году этого Мухаммад-нуцала после всяких там разговоров коварно убили шемахинцы¹¹.

ПРАВЛЕНИЕ УММАХАНА — СЫНА МУХАММАД-НУЦАЛА

После того повелителем был сделан Уммахан¹², сын Мухаммад-нуцала. Через небольшой промежуток времени этот Уммахан со своими победоносными войсками вознамерился выступить против города Шемахи, чтобы отомстить его жителям за убийство отца, о котором было упомянуто выше.

Уммахан начал поднимать народ. Вначале он пошел в Игали, оттуда — в Инхо, оттуда — в вилайет Гумбет, оттуда — в вилайет Анди, оттуда — в Ботлих, оттуда — к каратинцам (*калалал*), оттуда — в вилайет гидатлинцев. Продвигаясь так, Уммахан дошел наконец до вилайета Карах. Он таким образом отмобилизовал тогда и поднял на битву людей изо всех тех, что названы здесь и иных областей.

Уммахан и его войска остановились затем в местности, именуемой «Боре шутуниб тляра». Это — переданная в *вакф* местность, где откармливали коней останавливавшихся там отрядов, которые поджидали пока люди не примкнут к войску все, до последнего человека.

Во время того похода в названной местности вокруг Уммахана собралось множество воинов. Все они пошли потом к городу Шемахе. Внезапно напав на названный город, воины Уммахана захватили его и, перебив жителей, подожгли; сожжен тогда был город Кухнашахар («Старый город» — Т. А.), находящийся близости от современной Шемахи, который, кстати, и ныне хранит следы огня. После того Уммахан и его воины возвратились назад победителями, с добычей в руках, восхваляя и благодаря всевышнего Аллаха¹³.

У Уммахана, когда он объезжал селения, был обычай — останавливаться в мечетях. Он при этом не выбирал себе определенного кунака, а говорил: «Я кунак всего селения». Желание сделать приятное людям, установить равенство между ними — вот, что

было мотивом этих его действий. Как прекрасно поступал этот Уммахан!

После того, кстати, победоносный Уммахан завоевал еще много крепостей: крепость Вахани (*Вахан*), Гумуш и другие.

Уммахан и его войска находились как-то в Джарском вилайете. Целью их был поход против города Гянджи: они намеревались уничтожить население Гянджи и убить гянджинского эмира Джавад-хана¹⁴ и тут вдруг пришло от Аллаха повеление — умереть. Уммахан заболел. Болезнь его заметно усилилась и тогда он решил возвратить своих воинов в их родные места. Лишь примерно сто особо близких товарищей остались около смертельно больного Уммахана.

Умер Уммахан в городе Белоканы (*Биликан*) в усадьбе Абдуллы — сына Халаджа¹⁵, в 1215/1800—801 году. Похоронен он был там

же, в Джарском вилайете. Над могилой его воздвигли мавзолей.

Говорят: «Распространился слух — причина-де смерти Уммахана в том, что Джавад-хан, эмир Гянджи, передал яд служанке упомянутого Абдуллы, которая подмешала его в еду Уммахана, отчего, мол, он, отравленный, и умер¹⁶. Мухаммад — сын Абдуллы, сына Халаджа, услышав эти разговоры, развел большой костер и бросил в него ту женщину. Там она и сгорела».

Уммахан оставил после себя: жену по имени Хыстаман-бике, дочь уцмня Кайтага; дочь по имени Баху, которую родила Хыстаман-бике; жену-грузинку по имени Дариджа; дочь по имени Пати-мат, которую родила Патимат Аксайская, умершую затем в селе-нии Ках во время чумы, могила ее, кстати, и поныне находится там, около дороги; жену по имени Китлилай — дочь Мухаммадмирзы, своего дяди по линии отца.

Свою дочь Баху-бике Уммахан выдал за Султанахмад-хана, сына своей сестры и Алисултана — эмира Мехтулы¹⁷.

ГЕБЕК-ХАН И ЕГО УБИЙСТВО

После смерти Уммахана аварским повелителем-эмиром был сделан в Хунзахе его брат по отцу, Гебек-хан¹⁸, матерью которого была грузинка Марьям.

Через небольшой промежуток времени, однако, произошли следующие события. Дочь Мухаммадмирзы, жена покойного Уммахана, Китлилай вдруг почувствовала страсть к Султанахмад-хану. Дело дошло до того даже, что она направила несколько посланцев и посланий к этому Султанахмад-хану, предлагая, чтобы он соче-

тался с ней законным браком. В письмах Китлиляй говорилось примерно следующее: «Я хочу, чтобы ты стал моим супругом. Я сделаю все ради того, чтобы убить Гебека, и чтобы власть в Хунзахе была затем передана тебе». От Султанахмад-хана она получила тогда примерно такой ответ: «Я обязательно женюсь на тебе. Но ты постарайся убить хунзахского повелителя».

Китлиляй обрадовалась и призвала к себе 'Андалава Хунзахского¹⁹ — сына Чупана. Побеседовав с ним, прощупав его настроения, она сказала ему: «Я хочу стать твоей женой. Если ты твердо обещаешь жениться на мне, я уже сейчас буду во всю строить козни, чтобы убить эмира Гебека и передать затем символы власти — пектораль (*килада*)^а и корону тебе». 'Андалав ответил: «Слушаюсь и повинуюсь!». Тут Китлиляй сказала ему: «В такую-то ночь я сделаю так, чтобы Гебек пришел сюда, в мою усадьбу. В ту же ночь приходи и ты. Спрячешься с обнаженным кинжалом за дверь, ведущую в мою большую комнату. Когда кахский раб-гёрги, которому будет поручено убийство, ударит Гебека топором, я сразу побегу к комнате, где будешь находиться ты. Если Гебек — после того, как раб ударит его — бросится вслед за мной, воткнешь кинжал ему в живот, когда он будет пробегать через двери». 'Андалав ответил «Есть!»

Китлиляй сделала знак: подойти, — своим рабам-воинам (*гулам*), среди которых был и некий Иса, намеченный ею для совершения убийства, и сообщила им о своем намерении пригласить Гебека. Китлиляй сказала этим рабам-воинам: «Когда придет эмир Гебек, окажите ему уважение — снимите с голов шапки и, не садясь, встанете затем позади него. Пусть Гебек думает, что вы стоите из почтения к нему».

В ночь, намеченную для приглашения Гебека, Андалав пришел к Китлиляй. Как то было сказано ему ранее, он встал за дверь, ведущую в ее большую комнату, спрятавшись там. Китлиляй же объявила тут упомянутому выше Исе: «Когда Гебек придет и сядет около меня, я вначале поведу с ним беседу, затем — дважды ударю щипцами по пеплу. При моем третьем ударе ты изо всей силы ударишь Гебека по голове топором, который должен быть у тебя в руках. Ударь при этом так, чтобы голова его раскололась надвое».

Затем Китлиляй послала человека, чтобы тот привел повелителя-эмира Гебека. При этом она сказала ему: «Ты объяви Гебеку: «Китлиляй-де приглашает тебя по важному делу. Она-де нуждается в тебе». Гебек прибыл.

Когда этот повелитель вошел в помещение, где находилась Кит-

^а Нагрудное украшение, которое носят на цепи.

лилай, ее рабы-воины поднялись якобы из уважения к нему и затем встали позади него. Гебек же сел рядом с Китлилай. Они начали беседу и вдруг Китлилай стукнула по пеплу щипцами, которые были у нее в руке. Через небольшой промежуток времени она стукнула ими вторично. Когда же Китлилай собралась стукнуть ими третий раз, Иса нанес Гебеку топором сильнейший удар по голове. Китлилай сразу побежала тут к своей большой комнате. Гебек же, вскочив, обнажил кинжал и с криком: «Что? Для этого ты пригласила меня? Ух, подлая тварь (*гурумсак*)!» — бросился

за Китлилай, чтобы прибить ее. Когда, однако, Гебек врывался в ту комнату, Андалав вонзил ему в живот кинжал. Там Гебек и умер.

Китлилай сказала затем своим слугам: «Если спросят: «Почему убили повелителя-эмира?», — вы отвечайте: «За его распутные, развратные намерения».

Упаси нас Аллах от женского коварства! Ухищрения их поистине велики. Ведь недаром сказано в Коране: «О, женщины! Воистину, ваши ухищрения велики!»

Дата убийства эмира Гебека — 1216/1801—802 год.

У Гебека была жена, именуемая Чурк и сын от нее — Сурхай²⁰.

Чурк тайком отправила тогда этого Сурхая к своему верному человеку, Нуричу Большому Тукитинскому, чтобы тот сохранил его. Она боялась, что убийцы отца будут затем строить козни и в отношении мальчика.

Во время похорон своего мужа Гебека Чурк продекламировала следующие строки:

*Инсул кьибил кьалаб кьурул милъиршо
Кьун арабин дица тукладерихъе.
Кьолбода рихараб цо лочнол хоно
Аманат туклал. Шулаго руклаян!*

Горную ласточку, с которой враждует ее же отцовская родня, Передала я тукитинцам.

Хранителями соколиного яйца, которое возненавидела своя
же родня,

Назначены, таким образом, вы — тукитинцы. Так храните
же верность!

II

ИСТОРИЯ ХУНЗАХСКИХ ХАНОВ

История хунзахских ханов, начиная с 'Андуник-нуцала — сына 'Умма-нуцала'¹ и до Сурхая — сына Гебека включительно, такова:

'Андуника, сына 'Умма-нуцала, именовали вроде бы еще и именем его отца, то есть Умма-нуцалом. Умер этот Андуник в ...^а году по хиджре.

От 'Андуника остался сын по имени Дугри-нуцал². Так как в Хунзахе ханская власть была наследственной, то в указанном году она перешла в руки Дугри-нуцала, сына 'Андуника. Отметим, что этого Дугри-нуцала вроде бы именовали еще и Туруравым³.

Дугри-нуцал, по рассказам, был самым справедливым и религиозным среди хунзахских ханов. При всей, однако, приписываемой ему справедливости и религиозности, этот Дугри-нуцал на протяжении шестнадцати лет воевал из-за податей (*магало*) со своими подданными (*раиййа*) — общиной селения Орота, входящего ныне в Цатанихский участок Аварского округа. Оротинцы же твердо отказывались тогда от внесения подати, заявляя: «Пока живы, вносить ее не будем».

Засев в труднодоступном ущелье Ахудуниб, там, где находилось селение Чинква, оротинцы в течение шестнадцати лет, сражаясь, давали отпор Дугри-нуцалу. И поныне на оротинской земле, кроме руин селения Чинква, сохраняются еще и развалины шестидесяти башен. Сорок из них при этом были воздвигнуты Дуг-

^а Лакуна в тексте.

Письмоводителем (*мирза*) и одновременно кадем [Дугри-нуцала, сына] Умма-нуцала, был Шабан⁴ — сын Исмаила из селения Обода, входящего в Аварский^а округ.

В то, что селение Орота, не имеющее и ста семидесяти домов, шестнадцать лет противостояло хунзахскому войску, воевало с Дугри-нуцалом, трудно поверить даже дураку. Несомненная истина, однако, что оротинцы и игалинцы, объединившись с унцукульцами, опираясь на помощь других койсубулинцев (*гойсубуюн*), оказали противодействие Дугри-хану и в конце-концов сбросили с плеч оротинцев и игалинцев гнетущие ханские подати.

Гидатлинцы, узнав о побойше, которое произошло тогда между оротинцами и унцукульцами, с одной стороны, и хунзахцами, с другой, поступили согласно своей поговорке: «Враг моего врага это даже не друг, а брат!». Они написали [поздравительное] письмо и отправили его в Унцукуль с одним человеком⁵.

[Хунзахцы] рассказывают, что жители трех названных выше селений — оротинцы, игалинцы и унцукульцы, которые взялись тогда [за попавших в окружение хунзахцев], в течение трех дней не смогли нанести им ощутимого вреда. Последние же, мол, дали твердую клятву: «Пусть мы — сто человек, просидим в осаде хоть сто лет, но поодиночке сдаваться не будем». Тут, однако, с миротворческой миссией в дело вмешались ученые мудрецы, почетные старики и суфии. Они порешили: передать унцукульцам в качестве залога подать, которая была ранее наложена на оротинцев и игалинцев в пользу хунзахских ханов. В качестве опять же залога было отдано еще и тридцать шесть крымских ружей.

Сына Дугри-нуцала по имени Умма-нуцал вроде бы именовали еще и Старшим Булачем. У этого Умма-нуцала⁶ было три сына: Мухаммад-нуцал, Мухаммадмирза и Уммахан, который умер в 1125/1713 году по хиджре, не достигнув совершеннолетия.

Мухаммадмирза был женат на Патимат, родственнице Хасай-мусы Аксайского. От нее у Мухаммадмирзы было двое детей — дочь Китлиляй и сын Булач⁷, которого называли Младшим Булачом. Других детей у Мухаммадмирзы, кажется, не было.

Этот Мухаммадмирза, взяв своего сына Булача, повел хунзахское войско в Ширван, на помощь Хусайн-хану Шекинскому и Агаси-хану Ширванскому⁸ — сражаться с Фатаали-ханом⁹ Дербентским. В сражении, произошедшем на территории Ширвана, с обеих сторон было убито много людей, пролито много крови. Тогда же были убиты и оба хунзахских хана — Мухаммадмирза и его сын Булач Младший.

Во время того похода значительный ущерб претерпели и другие люди из состава хунзахского войска. Причиной этому было то,

^а В тексте: «Хунзахский».

что войска Хусайн-хана и Агаси-хана, потерпев поражение, бежали прочь, и тогда противостоявшая им ранее часть войска Фатали-хана, повернув в сторону хунзахцев, напала на них. Последнее, впрочем, и тогда защищались очень дружно¹⁰.

У Мухаммад-нуцала было две жены.

Одной из них была дочь Ханмухаммада¹¹ из рода кайтагских уцмиев. Звали ее Баху. Она родила Мухаммад-нуцалу четверых детей — одного сына и трех дочерей.

Одну их дочь звали Хыстаман. Она впоследствии была выдана замуж за Алисултан-хана Дженгутаевского, сына Хасан-хана¹². Хыстаман родила Алисултан-хану двух сыновей: Хасан-хана и Султанахмад-хана.

Вторую дочь Мухаммад-нуцала звали Аймесей. Она была выдана за Шахмардана Казикумухского — сына Мухаммад-хана. Ему Аймесей родила сына Арслан-хана.

Третью дочь звали Бахтика. Она была выдана за Карабахского хана, известного в Дагестане как Шушу-хан; действительным именем последнего было Ибрахим-хан, а выдал за него Бахтику ее собственный брат Уммахан после смерти их отца Мухаммад-нуцала¹³.

Бахтика была не согласна на этот брак. За то, что ее выдали за Ибрахим-хана, Бахтика впоследствии обвиняла и Уммахана, и его визиря Алискандара Гоцатлинского¹⁴. Осуждению были подвергнуты также Ибрахим-хан и его местопребывание^а—Шуша. Существует, кстати, и песня, сочиненная Бахтикой такого примерно содержания: «Если бы не были мертвы мой отец Мухаммад-нуцал, его брат Мухаммадмирза и Булач — сын Мухаммадмирзы, то старший брат^б Уммахан меня бы за Ибрахим-хана не выдал», — которая начинается так:

«Я косы чесала гребнем золотым,
И вдруг сообщили, что новость пришла из Шуши».

Сына, рожденного Мухаммад-нуцалу вышеназванной Хыстаман, звали Уммахан.

Вторую жену Мухаммад-нуцала звали Марьям. Это была грузинка, принявшая ислам. Она родила Мухаммад-нуцалу сына по имени Гебек.

Ханская власть (*ханлы*) находилась в общем распоряжении Мухаммад-нуцада и Мухаммадмирзы — детей Умма-нуцала. Оба они, будучи родными братьями, пребывали в мире и согласии, делились друг с другом думами и действовали, словно бы один че-

^а Букв.: селение.

^б В тексте: «Брат отца».

довек. Внешне, однако, ханская власть принадлежала лишь Мухаммад-нуцалу.

Во время правления Мухаммад-нуцала и Мухаммадмирзы, в 1153/1740-41 году по хиджре, Надир-шах с многочисленными войсками прибыл в Казикумух. Чулак Сурхай¹⁵ и его жена, не сумев противостать Надир-шаху, сдались ему. Дети же Чулак Сурхая — Мухаммад и Муртузали¹⁶, которым их честь и достоинство не позволили согласиться с капитуляцией, убежали тогда в Хунзах к Мухаммад-нуцалу и Мухаммадмирзе — хунзахским ханам, просить у них помощи. Названные ханы, оказав детям Сурхая — Мухаммаду и Муртузали большое уважение, сказали затем^a...

УММАХАН — СЫН МУХАММАД-НУЦАЛА

Уммахан — сын Мухаммад-нуцала родился в 1175/1761-62 году по хиджре от жены по имени Баху, дочери Ханмухаммада Кайтагского.

Мухаммад-нуцал — отец Уммахана, был, как сказано выше, предательски убит в Шемахе, в шатре Фатаали-хана Дербентского¹⁷. Уммахан, которому во время убийства отца было лет двенадцать — тринадцать, в том же 1188/1774-75 году приступил к управлению своим наследственным ханством, хотя и был тогда еще несовершеннолетним.

У этого Уммахана было три жены и двое дочерей. Сына у него вроде бы не было.

Имена его жен и дочерей таковы:

Имя первой жены Уммахана — Китлилай. Это была двоюродная сестра Уммахана, дочь Мухаммадмирзы, его дяди. От Китлилай детей у Уммахана не было.

Имя второй жены — Хыстаман. Была она из Кайтага, из рода учмиев. От этой Хыстаман у Уммахана родилась дочь Баху, которую он затем отдал за вышеупомянутого Султанахмада Дженгутаевского — сына своей сестры.

Имя третьей жены Уммахана — Дариджа. Это была принявшая ислам грузинка, которую грузинский царь (*хан*) Ираклий (*Гьерекли*) прислал в подарок Уммахану со всем имуществом, обязательно даваемым знатной невесте — с тремя кобылами, тремя жеребцами, тремя рабами (*лагъ*) и одной рабыней (*гъара-баш*). Дариджа эта была в то время знаменита своей красотой. Проживала она в селении Тлайлух.

^a Слова хунзахских ханов в доступном нам аджамском тексте отсутствуют.

Дочь, которую эта Дариджа родила Уммахану, звали Яхсипатимат. Последняя получила такое имя в честь Патимат — жены Мухаммадмирзы, дяди Уммахана, которая была родом из Яхси (т. е. Аксая — Т. А.). После смерти отца и матери сестра — Баху оскорбила эту Яхсипатимат, заявив: «Тот, кто рожден грузинкой — раб». Не получившая и малой части отцовского богатства, Яхсипатимат проживала на «Ханском хуторе», который располагался к западу от хунзахского селения Ках. Эта молодая женщина, не выходящая замуж, умерла от чумы на указанном хуторе в 1229/1813-14 году по хиджре. Могила Яхсипатимат находится на краю большой, проходящей по кахским полям дороги, по которой люди ходят из Хунзаха на равнину¹⁸.

Визирем Уммахана был 'Алискандар Гочатлинский — сын Алихана, сына Мухаммада. Этого Алискандара люди называли Старшим 'Алисканди¹⁹.

Письмоводителем Уммахана был Дибир-кади Хунзахский²⁰, сын Максуда-кади. Этого Дибир-кади звали еще и Мухаммад [шапи]-мирзой.

Среди народа известны ныне такие слова, приписываемые Уммахану: «Ни у кого из прежних ханов не было такого мудрого визиря и такого просвещенного письмоводителя, какие есть у меня». Столь сильно, оказывается, были известны они своей ученостью!

III

УММАХАН АВАРСКИЙ

Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Хвала — Аллаху! Да будут благословение и мир над основателем ислама Мухаммедом, его родичами и благородными сподвижниками!

В этом трактате излагается биография одного из знатных властителей (*султан*) — Уммахана, который величием своего характера мог бы соперничать с самыми могущественными из числа прославленных эмиров. Данный трактат, состоящий из нескольких глав, раскрывает нам находившиеся в забвении, чуть было не исчезнувшие из памяти достоинства названного властителя.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

(родословие и черты характера: великодушие, мягкость, красноречивость и храбрость)

Этот Уммахан — сын Мухаммад-нуцала, сына Дугрип-нуцала¹, был красивым мужчиной, преисполненным глубокого достоинства, человеком выдержанным и в тоже время отважным, приветливым и благодетельным. У него было прекрасное лицо, приятный тембр речи. Говорил он на литературном языке и обладал хорошей памятью. С людьми, находившимися в унылом состоянии, он старался перекидываться шутками, чтобы редким, интересным словом или выражением, успокоить их и даже развеселить. Из уст его никогда не исходили гнусные слова и гневные речи. Будучи и в радости и в горе, при виде народной массы он постоянно улыбался: людям как знатым, так и самым что ни на есть низким, и этим заставлял их забывать свои тревоги и печали. Уммахан вообще

относился к людям с состраданием, был щедр по отношению к ним и оказывал помощь любому несправедливо обиженному человеку, который обращался к нему с просьбой об этом. Уммахан регулярно обследовал положение дел в своей войске, кормил голодных, дарил одеяния плохо одетым, выслушивал тех, что приходили к нему со своими нуждами, а также оказывал помощь беднякам с учетом, однако, их реального состояния. Он справедливо разрешал тяжбы, возникавшие между жестокими притеснителями и потерпевшими-бедняками. Сам никого не притеснял, даже по мелочам.

Этот Уммахан был человеком чрезвычайно мягким и щедрым. Занимаясь политикой, управляя народом, он максимально избегал жестокостей. Если ему и случалось гневаться, гнев свой он скрывал. Когда одерживал победы, получал над кем-нибудь в чем-либо превосходство, соответствующих этому горделивых речей не произносил. Испытаний не проводил. Человека, поступившего дурно или допустившего оплошность, он прощал. По отношению к беднякам был милосердным, [потомству] пленных оказывал уважение, раздавал многие богатства и в результате удостоивался наивысших похвал. Он одарил тысячи людей и, естественно, поэтому его щедрость и великодушие получили широкую известность. Характеризовался он лишь с похвальной стороны.

В качестве даров Уммахан преподносил обычно рабынь, рабов и сабли. К числу его похвальных качеств и особенностей характера относились отвага, выдержанность и стойкость в бою, проявляемая, причем и тогда, когда вся масса людей уже дрогнула. На фоне простонародья этот Уммахан воистину был как луна-победительница среди звезд. На фоне же князей и властителей он был подобен свирепому льву. Он презирал страх. Прославленные эмиры при встрече с ним вели себя как ягнята. Уммахан никогда никому не завидовал, а если кто проявлял зависть по отношению к нему, то ничего не добивался. Если кто-либо делал зло Уммахану, ссорился с ним, то он отвечал такому человеку обильными подарками. Этим он побеждал своего противника, привлекал к себе завистника и в результате добивался того, чего хотел — соперник оказывался у его ног.

По отношению же к одному особо настырному завистнику, в течение длительного времени отказывавшемуся от предлагаемых ему денег, Уммахан применил такую хитрость: несколько рабов Уммахана были тайно посланы с поручением украсть коней и угнать скот названного завистника, находившийся тогда в разных местах, в том числе и на горных пастбищах, а затем — доставить все это на окраины Чеберлоевского (*чарбиял*) и Киялальского (*киялал*) вилайатов. В результате Уммахан по сути дела побе-

дил своего упрямого противника и тот превратился в его верного слугу.

Важным достоинством Уммахана было то, что, не рассмотрев обстоятельств дела лично, он не наказывал никого из своих подданных (*раиййа*) за проступки якобы совершенные ими.

Величие Уммахана проявлялось и в том, что казнь мусульманина он считал событием экстраординарным. За все, к примеру, время своего правления он пролил кровь лишь одного-единственного человека: то ли гортколинца, то ли ободинца — здесь информаторы расходятся — за то, что тот в уединенном месте беседовал с чужой женой.

Но сколько раз Уммахан говорил потом: «Лучше бы я не убивал того человека, не проливал его крови!» Этим он высказывал свое сожаление по поводу происшедшего и горечь из-за того, что случилось тогда без его на то внутреннего согласия и желания.

Одним словом: этот Уммахан был человеком с большой буквы, одним из острых мечей всемилостивого Аллаха! Всех особенностей его характера здесь, однако, не охватить. Его достоинства воистину неисчислимы! Да вознаградит его Всевышний раем в день Страшного суда!

ВТОРАЯ ГЛАВА

(образ действий)

Прежде чем вступить на путь священной войны, Уммахан вместе со своими храбрыми сподвижниками поступал для сбора воинов следующим образом.

Сначала он устанавливал свой шатер, примерно на неделю, в местности Талта, затем, примерно на месяц,— в Тобтида, а за-

тем, примерно еще на один месяц,— в Бутти ккал. После всего этого Уммахан приблизительно на десять дней разбивал свой шатер еще и в местности «Чадир чвалерб тляра». Делал он это исключительно для того, чтобы к определенному сроку, который заранее сообщали народу, воины смогли бы как следует подготовиться и исправить свое снаряжение.

Когда наконец шатры появлялись в последней из названных здесь местностей, и весть об этом доходила до всех башен и крепостей, к Уммахану отовсюду начинали стекаться воины. Передвигались они при этом удивительно красиво — с оружием в руках пешие и конные, с флагами и знаменами, не оставляя дома никого

из гордых и действительно храбрых мусульман. Продолжалось сие до тех пор, пока лев Уммахан — вместе с колоннами своих героев, распеваящих священный гимн: *ля иляха илля ллах Мухаммад расулюллах* и возносящих хвалу великому Аллаху и его пророку Мухаммеду, — не достигал равнинной части Джарского вилаята.

Затем «с полками, против которых»^а врагам «не устоять»^а, Уммахан начинал продвигаться к намеченной цели. Под руководством и постоянным наблюдением этого льва божьего, находившегося всегда впереди, но окруженного со всех сторон джигитующими витязями и знаменосцами, полки мусульман шли против людей, обреченных на гибель. При этом дисциплина и воинский порядок бывали у бойцов Уммахана такими, что жители населенных пунктов, расположенных на пути, при виде их испытывали истинное удовольствие.

Обладавшие многими похвальными качествами воины Уммахана в боях вели себя подобно львам и были всегда готовы принять мученическую смерть за веру. Поэтому назад, в горы, они возвращались постоянно с огромной добычей. Каких-либо мучений, или строгих наказаний вкушать им тогда не приходилось.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

(захваченные им крепости, разоренные замки и города, покоренные территории)

Сколько крепостей взял своей саблей этот Уммахан! Сколько населенных пунктов он разрушил, перебив сидевших в них героев! Сколько женщин, детей и взрослых мужей увел он в плен!

Так, Уммахан разрушил крепость Вахани (*Бахан*) и увел в плен прятавшихся в ней женщин и детей. Против обитателей Вахани он действовал до тех пор, пока над ними не проухали совы — символ смерти, пока их не охватил всепожирающий огонь, пока опустевшая земля их не превратилась в убежище для завывающих волков.

Уммахан захватил также Нахичеванскую (*Нахчуван*) крепость, после чего нахичеванцы впали в самое что ни на есть униженное состояние.

Благородный, высокочтимый и прославленный эмир Уммахан мастерски продержал тогда город Нахичевань в осаде в течение семнадцати дней. Наконец он взял его саблей. И вот, когда воины Уммахана спокойно отдыхали, на них напали вдруг войска семи

^а Коран.

ханов Азербайджана. Дело в том, что последние возымели намерение сначала искоренить с лица земли всех дагестанских воинов, а затем — установить свою власть над подчиненным Грузии кочевым населением (*мамалик ийалат*). Этими семью ханами были: Мухаммад-хан Ереванский, Хусайн-хан Хойский, сын марагинского Ахмад-хана, Мустафа-хан Карадагский^а, сын урмийского Мухаммад-хана и Абдал-бек Курдский². С ними были еще и воины, пришедшие из других краев и городов, многочисленные, как песок.

Войска ханов вступили в бой, но были побиты. Они были тогда по милости Аллаха опрокинуты и этим посрамлены, а затем при Его помощи обращены в бегство в состоянии крайнего озлобления. Лучшие витязи-кавалеристы из войска победоносного Уммахана приступили к их преследованию. Кавалеристы эти поражали ханских воинов, убивали их, сдирали с них оружие и одежды, брали в плен, ибо они — часть * победоносной партии приверженцев Аллаха⁶. В итоге из войска перечисленных выше великих властителей Азербайджана только убитых было как минимум около пяти-сот человек. Среди них оказался и особо удачливый ранее богач Абдал-бек Курдский — личность широко известная как среди мирных поселян, так и среди воинов.

Затем была произведена еще одна атака. В ходе ее, однако, часть дагестанских воинов обратилась в бегство. При этом было убито несколько молодых дагестанцев.

После вечерней молитвы обе враждебные друг другу группировки разошлись в разные стороны. Войска, собранные ханами Азербайджана, понеся потери, отошли к берегам Аракса (*Араз*), разочарованные тем, что поставленных целей достигнуть не удалось. В названном месте, проглотив унижение и позор, они и остановились. Что же касается воинов Уммахана, то они еще целых два дня спокойно присидели в Нахичеване³.

Тут вдруг к дагестанским воинам прибыла из карабахских провинций делегация с просьбой о помощи. Члены ее сообщили им, что на них, карабахцев, напали с грабительскими (*чапавул*) целями конные отряды из Карадага. Дагестанцы согласились выступить на бой против этой вооруженной черни и двинулись в путь.

Кизилбаши же, собравшиеся [на берегах Аракса], услышав о движении дагестанцев, предположили: «Воины Уммахана по своей давней привычке идут в набег (*чапкен*)^в в сторону Еревана»⁴. Из-за отсутствия согласия: как во мнениях, так и по чисто военным вопросам, кизилбашские войска тогда, однако, рассеялись.

^а В тексте: Карабахский.

^б Коран.

^в В тексте: *джанкун* (>*джафкун*; чит. *чапкѣн*).

Часть армии Уммахана вместе с небольшим по численности подразделением из войска Ибрахим-хана Карабахского⁵, двигаясь на зов о помощи, подошла тем временем к пределам Карабаха. Около моста через Аракс дагестанцы настигли, наконец, грабителей — карадагских воинов и тут случилось обратное тому, чего те корыстно желали. На земле этой им стало тесно — множество карадахцев было убито и взято в плен. Остатки же этих грабителей были при помощи Аллаха обращены в бегство вместе с войсками своего владыки Мустафа-хана. Последний, удирая, оставил тогда в руках у воинов Уммахана даже свои палатки и прочее имущество.

Дагестанцы, благополучно достигнув арочного моста через Аракс, остановились в том месте. Успешно действуя оттуда, они разорили многочисленных райтов и прочих сельских жителей Карадага, прежде чем те успели принять меры предосторожности. Дагестанцами были таким образом распространены, при помощи всемилостивого Творца, военные действия и на часть Азербайджана.

К числу деяний Уммахана относится также уничтожение населения крепости Гумуш, когда воинами были захвачены богатства, находившиеся в ней⁶. Одним словом: в каждом селении, в каждом городе, куда врываются войска Уммахана, налицо были всегда смерть и разрушения.

Что касается мелких крепостей и замков, завоеванных Уммаханом, то их не счесть.

При всем этом, однако, войны, которые он вел, как и отдельные сражения, предаются ныне забвению. Никто не вспоминает о них. Но это потому лишь, что даже при простом перечислении их у слушателя пропадают терпение и степеньность. Для подробного же описания их требуются, воистину, целые тома. Тот же, кто сомневается, пусть вспомнит ну хотя бы трехкратное взятие города Гавази (*Каваз*)!

Уммахан не сумел, однако, сдержать силу русских, которые тогда были более известны своими серебряными и медными монетами; правда, столкнуться с ними ему пришлось лишь однажды.

Произошло это совершенно неожиданно на берегу реки Йоры (*Карбу*), когда с ним были: хаджи Ахмадхан⁸, смелый властитель

Асла-хан, а также красивый, благородный, мудрый и храбрый визирь Алискандар-бек. Последний — человек, во всех отношениях совершенный, был, кстати, для Уммахана мощной связующей опорой. Он послушно служил названному властителю, который, в свою очередь, любил Алискандар-бека более, чем зеницу ока. более, чем драгоценную жемчужину.

Во время той встречи с русскими вместе с Уммаханом были.

между прочим, и грузинские воины. Последние, однако, во всем тогда подчинялись ему, подобно мусульманам.

Мусульманские войска, вступившие в сражение без разрешения своего владыки Уммахана и его знаменитого визиря Алискандар-бека, пошли в атаку. Русские войска начали было быстро отступать. Эти неверные, среди которых было к тому времени уже множество убитых, попали в очень тяжелое положение. Но тут надо же: отступающим русским преградили путь дагестанские герои и отряд грузинских витязей-кавалеристов. Увидев, что бежать теперь некуда, убедившись, что их ждет неминуемое унижение, русские укрылись тогда в одном подходящем месте и решили сражаться до тех пор, пока у них будут силы и возможности. Вот тут-то они и стали воевать как свирепые львы. В результате мусульманские войска потерпели поражение⁸.

В этой битве, хорошо известной народу, был убит, кстати, и Гушу Хунзахский — военачальник, имевший прекрасное вооружение, кузнец, испытанный герой, убивший много врагов, специально обученный свирепый лев, постоянно помогавший мусульманам бесподобный человек, который неоднократно показал свою мощь неверным, могучая личность, не отступавшая и тогда, когда к этому звали звуки рога.

Мы, таким образом, ограничиваемся здесь упоминанием лишь минимального количества подвигов Уммахана. Для людей умных, однако, и этого вполне достаточно. Тот же, кто желает узнать больше, да еще с подробностями, пусть обращается к старикам и тогда он услышит много удивительного и увидит перед собой нечто подобное морской пучине.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

(раздел добычи)

Величайший эмир, прославленный Уммахан, даже во время коротких поездок и заседаний не прекращал общения с учеными-богословами и юристами. Уммахан консультировался у них по тем или иным религиозным вопросам. С ними же он совещался и о том, что именно будет полезным для мусульман.

Добычу Уммахан делил между пехотинцами и кавалеристами-аристократами, согласно тому, как сказано в Коране. При этом однако, из массы рабов и рабынь, ставших добычей, он отбирал для себя дворян (*раис*)^а. Отметим также, что ни один из поддан-

^а Букв.: «главарей».

ных Уммахана, ни один из главарей не проявлял жадности при разделе добычи, подобно тому, как небо не жалеет весной водяных капель.

К числу тех [дворян], которых Уммахан отобрал для себя из массы рабов и рабынь принадлежат: Кардун и Фирудун, а также— Марьям, Анай и Маяй.

Всего здесь, однако, не охватить. Того, что упомянуто, вполне достаточно.

ПЯТАЯ ГЛАВА

(его военачальники)

Всевышний Аллах еще более усилил победоносного Уммахана, даровав ему истинно верующих храбрых дружинников и прекрасных военачальников. Вот, к примеру, Адалав Балаханский — сын Мусы⁹. Не было, клянусь, в лесу дерева, под которым хотя бы раз не переночевал этот воин, подобный героям раннего ислама. Не было такой пещеры, где Адалав хотя бы раз не укрылся. Это был воистину отличный знаток дорог и тропинок, а также — различных далеких земель.

К названной категории людей принадлежали и совершенные во всех отношениях каратинские герои, борцы за веру: Гари, Ша'и и Али. Да возвысит их всевышний Аллах до самого седьмого неба! Во время кровопролитных сражений эти каратинцы стояли в первом ряду и дрались, всегда готовые к единоборству. В боях они — подобны львам, у них был какой-то особый стиль. При стесненных обстоятельствах и Гари и Ша'и, и Али действовали словно вожаки волчьей стаи. Тираны и прочие притеснители страшились одного их вида.

Кроме названных каратинцев и Адалава Балаханского были у Уммахана и другие славные военачальники и командиры подразделений, причем в большом количестве. К числу их принадлежал и вышеупомянутый Гушу Хунзахский.

Сочинение юного историка хаджи Хайдарбека Генничутлинского по прозвищу «Краса исламской религии».

IV

[ИМАМ ГАЗИМУХАММАД]

Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Хвала — Аллаху, господу миров! Да будут благословение и привет нашему господину Мухаммеду, его роду и его сподвижникам, всем вместе!

А далее.

Это — краткое изложение событий, происшедших на глазах у населения Дагестана со времени выступлений на арену [истории] имама-новатора Газимухаммада¹. Да помилует его всевышний Аллах!

Создал этот труд благородный, богобоязненный ученый, уникам для своей эпохи — хаджи Хайдарбек Геничутлинский. Да помилует его всевышний Аллах и да сделает Он его могилу цветущим садом!

Знайте, что дагестанцы были людьми сильными, стойкими и храбрыми. Самые свирепые враги не могли ничего поделывать с ними. Мощь противника, нападавшего даже внезапно, была не в состоянии ослабить дагестанцев².

Среди дагестанцев имелись тогда большие ученые и на редкость достойные люди, которые, однако, были словно бы отверженные и пребывали поэтому в удрученном состоянии духа. Дело в том, что к их проповедям и предостережениям не прислушивались, а исходившие от них решения и директивы не выполняли³. Именно поэтому названные ученые и достойные личности были вынуждены отдалиться от своего народа³.

Пребывая в неизвестности и забвении, они искали путь к божественной истине, держась за сунну и Коран, и занимались сохранением для шариата и будущих речей как собственных душ, так и душ своих людей.

Что касается победоносных повелителей княжеств (*эмир*) и чанок (*султан*), то они в своей среде давали ход обычному праву (*расм*) и местному, нерелигиозному суду (*диван*). Шарнат же и прочие столпы исламской религии эта знать вводить не разрешила. В результате блестятельные божественные установления оказались в забвении. Привычными стали интриги, исходящие от людей заблуждающихся и капризных. Одним словом, истинно мусульманская община стала в Дагестане большой редкостью, а полное неверие в Аллаха — близким!

Вследствие всего этого Дагестаном и овладели неверные. Вчерашние исламисты, опустив головы, склонились на их сторону. Ради горстки медаков дагестанцы стали теперь угождать неверным-развратникам.

[1824/25 г.]

Несколько поколений прожило так со времени пресечения государственности, созданной потомками Хамзата и Аббаса⁴. Затем, однако, всевышний Аллах пожелал возвысить в Дагестане божественное Слово: через распространение догматов своей религии, оказавшейся было в забвении, и придание должной силы своему народу, пребывавшему в заблуждениях. Примерно в тысяча двести сороковом (1824/25) году Он-всевышний послал на землю Дагестана ученого-новатора, большого труженика, святого угодника эпохи ослабления веры, выдающегося храбреца, играющего роль сабли, обнаженной против людей заблудших и тиранов, героя-очистителя мусульманской религии от всякой накипи, нового главу исламизма — имама Газимухаммада Гимринского. Да помилует его всевышний Аллах!

Газимухаммад приступил к оживлению почти исчезнувших было следов шариа и к одновременному ниспровержению — вопреки воле врагов исламской религии — различных обрядов, связанных с мерзким обычным правом. Этот деятельный и мудрый человек, обладавший весьма большими достоинствами, взглянул как то на дурные поступки, совершаемые людьми, на отсутствие в Дагестане настоящего ислама и полились тут слезы из его очей. Прозвнеся слова из Корана, соответствующие тому, что предназначено ему Аллахом: «Мы все принадлежим Аллаху и к Нему затем возвратимся» — Газимухаммад пропел:

О, отчужденный от исламского мира! Ты двинулся в путь наконец.

Так поприветствуй же похороненного в земле

благородного хашимита, у которого ищут заступничества мусульмане, посланника Аллаха — великого Мухаммеда. Прежде дагестанцы пребывали под сенью покоя, не ведая бед и не имея врагов.

Хотя положение их дел, их деяния и находились тогда в противоречии с предписаниями и запретами Аллаха, с единственно верным путем, который наметил Он.

Из-за своих разногласий и грехов дагестанцы в конце-концов, однако, раздробились, и тогда ими стали править неверные и враги.

Я выражаю сочувствие жителям нагорий и ущелий в связи со страшной бедой, поразившей их головы, и говорю:

«Если вы и ныне предпочтете непокорность Господу, то да будьте рабами своих мучителей и в дальнейшем!»

Обдумав затем позицию большей части народа и то, как искушает людей сатана, чтобы они отошли от истинного пути, Газимухаммад пропел:

Таблицы с записью норм обычного права — собрания трудов поклонников сатаны.

Господь, однако, еще рассудит между пророком Мухаммедом

и создателем этого мерзкого права, которое противоречит божественным установлениям.

Если последователи пророка получают в виде шариата прочную путеводную нить,

то у сторонников обычного права не будет даже и самого слабого помощника.

Последние еще узнают: кто действительно выполняет свои обещания — Аллах или сатана,

Когда однажды увидят последнего хмурым.

Милостивый Аллах отдалил, между прочим, людей, любивших обычное право

от райского водоема в день Тайных помыслов!

Если человек, придерживающийся обычного права, будет и ныне считаться равным шариатисту,

то это значит, что в нашей среде нет разницы между праведником и нечестивцем.

А ведь уже сколько раз на Землю были отправлены пророки, сколько раз устанавливались божественные законы и наконец — ведь ниспослан Коран с его предостережениями!

Газимухаммад увидел, что дурные поступки и прочие непристойности продолжают распространяться, что исчезают даже жалкие остатки добрых дел и благодеяний. В то же время среди мусульманского народа получали силу решения, исходящие со стороны неверных. Тогда-то он и пропел:

Как же можно жить в стране: где не имеет покоя
сердце и где власть Аллаха неприемлема,
Где святой ислам отрицают,
а приговоры беспомощному человеку выносит дьявол,
Где презреннейший человек считается славным, а разврат-
ник —
справедливым, где разложенное переворачивает дьявол,
Где человек, отдающий приказы о совершении благодеяний,
подозревается в том, что он портит дело,
а запрет совершать порицаемое исламом не имеет силы?
Если бы наш пророк был сейчас жив,
то его индийский меч, клянусь, был бы обнажен!
Если кто-либо станет этому возражать, я скажу ему:
«Выступать с отрицаниями экспромтом—просто неразумно»

Затем Газимухаммад отделился от людей и занялся самовоспитанием: мало кушал, много постился, почти не спал и не разговаривал. Делал он все это под руководством познавшего Аллаха святого тарикатского шейха, источника божественных истин (*хаккика*), руководителя-*муршида* лиц, идущих к великим тайнам, спасителя гибнущих, великого чудотворца—светоча исламской религии Абу Исхака Мухаммада Ярагского (*ал-Яраги*)⁵. Да сделает Аллах святой душу этого ярагского шейха и да осветит его мавзолеей!

[1826/27 — 1829 гг.]

Газимухаммад стал теперь призывать дагестанцев прежде всего к поклонению Аллаху. Он принялся также воскрешать в среде исчезнувшее было влияние шариата и порицать за ложность, алчные устремления и страсти, которыми были охвачены люди. Газимухаммад приложил тогда много стараний для распространения шариата во всех городах Дагестана, а также—повсеместного назначения грамотных мулл (*имам*), которые бы давали наставления и читали проповеди, соответствующие тому, что гласят сунна и Коран, но при этом увлекающие сердца и умы слушателей.

Часть дагестанцев подчинилась Газимухаммаду и встала на верный путь. Другая — продолжала превозноситься. Мало того, она проявила враждебность.

В деле наставления народа слова, таким образом, не оказали желаемого воздействия. Приводя различные ложные аргументы, отдельные люди начали даже спорить с Газимухаммадом в надежде опровергнуть великую Истину. Дело в том, что золотые монеты уже склонили их на сторону неверных и поэтому они стали относить Газимухаммада к числу глупцов и тупиц. Видя все это, он пропел:

Мы прочли этим людям суры Корана,
а они в ответ заявили: «Глупости!» Но ведь это самый
что ни на есть порочный поступок!

Или вот — напомнили мы им один коранический аят,
а они отвернулись и сказали: «Этого бродягу не удер-
жишь».

Если же ты вдруг будешь с ними спорить регулярно,
то они обязательно сговорятся и начинают строить тай-
ные, самые что ни на есть коварные интриги.

О, Господи! Эти люди находятся в заблуждении, охва-
чены соблазнами,
они несправедливы, притесняют других и не подчиняют-
ся предводителям!

В ответ названные люди, обнажив оружие, кинулись на Гази-
мухаммада и его сподвижников. Целью их было погубить Газиму-
хаммада или, по крайней мере, причинить ему вред. Тут все во-
круг словно бы перевернулось вверх ногами: родственники отда-
лились друг от друга, вчерашние товарищи стали врагами.

С Газимухаммадом остались тогда лица лишь особо верные
ему — те, что отличались набожностью, богобоязненностью и в
прошлых испытаниях и бедах уже показали свою способность
к терпению. В числе их были: знатный и родовитый храбрец, но
при всем этом человек на редкость рассудительный и проицатель-
ный — блистательный Хамзат Гоцатлинский, сын Искандар-бека;
победоносный воевода, избавитель истинно религиозных мусуль-
ман от мук и печалей, меч Аллаха Шамиль; набожный ученый,
аскет, знающий Коран наизусть — хаджи Али Харахинский; бла-
городный ученый, остроумный мудрец Абдулла Ашильтинский,
сын превосходного Курбанали. В числе лиц, оставшихся тогда
с Газимухаммадом, были, впрочем и другие благородные вожди
и аристократы (*наджиб*).

Газимухаммад уже было отчаялся в том, что дагестанские не-
честивцы примут божественные шариатские установления. Дело

в том, что к его проповедям, призывающим к священной войне с христианами, они никак не прислушивались, а власть славнейшего халифа, [то есть турецкого султана] на них не распространялась. Исламская религия вступила вроде бы в период своего заката. Даже благороднейшие из людей сидели тогда по различным косным уголкам.

Газимухаммад, однако, выступил еще раз. Он призвал каждого, у кого в сердце есть хоть немного любви к исламской религии, дать присягу об участии в священной войне и о принятии шариата. Все те мусульмане, в чьих душах сохранялись еще следы религиозного энтузиазма и стремление проявить себя в реальной жизни, присягнули тут Газимухаммаду. Он, таким образом, стал имамом — имамом истинным, справедливым, готовым сражаться за дело Аллаха и мечом и словом.

Газимухаммад постоянно выходил теперь на сражения за дело Аллаха. С маленьким отрядом он боролся против многочисленных войск врага. Впрочем, когда распространялся слух об очередном выступлении Газимухаммада на священную войну, к нему ради возвышения славы Корана целыми группами присоединялись в качестве помощников борцы за веру (*гази*), прибывавшие из самых различных мест. Вместе с ними Газимухаммад устраивал в темных ущельях и мрачных лесах базы, а затем совершал оттуда набеги на врагов. С последними Газимухаммад поступал при этом так, как кошка поступает с мышью, а затем вместе со своими сподвижниками, радостный и веселый возвращался победителем назад к своим людям.

Имам тогда лично участвовал в битвах, не обращая внимания на то, что людей с ним бывало мало. Так действовал он в течение примерно трех лет.

За это время Газимухаммаду подчинилось большое количество мусульман.

[1830 г.]

Когда десница Газимухаммада приобрела наконец настоящую силу, а его помыслы и устремления достигли надлежащей высоты, он решил выступить со своими полками против хунзахцев⁶.

Газимухаммад прибыл и встал лагерем поблизости от города Хунзаха, который был населен людьми сильными, могучими, но очень уж надменными, словно язычники. Хунзахцы вступили с Газимухаммадом в сражение.

После того как авангард войска имама уже ворвался в дома, расположенные на краю города Хунзаха, его последователи, чья религиозность, как оказалось, была слабой, вдруг остановились,

а затем обратились в бегство. В результате там получилась настоящая бойня для гумбетовцев и других бойцов имама, вследствие чего они повернули от Хунзаха назад. Произошли эти события в первую ночь месяца рамадан тысяча двести сорок пятого (1830) года.

[1831—1832 гг.]

Газимухаммад был сильно огорчен тем, что люди его, в сердцах которых все еще крепко держалось обычное право, не вынесли тягот связанных с делом исламской религии, а также наказаний, налагаемых согласно шариату. Поэтому он, оставив их, уединился с небольшой группой своих сподвижников и искренних друзей.

Газимухаммад засел тогда в крепости Агач. Оттуда он стал водить свои отряды против русских крепостей. Туда возвращался с пленными и прочей добычей.

Рука Газимухаммада дотянулась тогда даже до Кизляра — величайшей из русских крепостей. Набег на нее он совершил во главе довольно маленького отряда. Не смотря, однако, на это, мусульмане своего добились. Люди имама захватили там столь огромную добычу, что обращать внимание стали лишь на серебро.

Газимухаммад захватывал добычу и из других крепостей. Мало того, он завладел крепостью Тубаши. В результате, к Газимухаммаду с разных сторон, из разных областей опять стали собираться *мухаджиры*. Появились и помощники из числа местных жителей той или иной территории. В это-то время и произошло Таркинское сражение, а также затянувшаяся почти на месяц осада Эндирея, после чего имам двинул свои войска в сторону Чечни.

Находясь в Чечне, Газимухаммад совершал нападения на неверных. Тогда же он призвал тамошних мусульман держаться религиозных установлений.

Так как Газимухаммад не давал многобожникам покоя, так как он уменьшил подвластную им территорию, они выступили против него со многими своими полками. Окружив [в Агач-кала] небольшой отряд имама, эти неверные попытались было разгромить борцов за веру, но те при каждом нападении саблями поворачивали их вспять. В течение только одного дня неверных три раза гнали в наступление под грохот барабана, но все три раза они были отражены, причем многие из них были тогда уничтожены.

Во время третьей атаки, предпринятой неверными, герой Чурилав Гидатлинский с обнаженной саблей в руках выпрыгнул из-

за стены укрепления и бросился на барабанщика, как сокол на воробья. Чурилав нанес этому барабанщику удар саблей, выхватил у него из рук барабан и повернул назад. Ускользнуть в укрепление ему удалось и при этом Чурилав не претерпел какого-либо ущерба.

Как только звук барабана исчез, неверные обратились в бегство, а имам Газимухаммад и те, кто были вместе с ним, сами перешли в атаку. В течение того дня ими было перебито множество многобожников. Ночью же имам и его люди сами оставили свою крепость.

После этого, восхваляя Аллаха, Газимухаммад вернулся к себе на родину — в Гимры.

[1832 г.]

Враги увидели, что исламское государство стало увеличиваться изо дня в день и усиливаться благодаря мухаджирам и борцам за веру, прибывавшим целыми группами. Тогда-то верховный глава русских и приказал своему визирю — проклятому *салдару* выступить со всеми находящимися в его распоряжении полками, сформированными в Гурджистане, а также — с дагестанскими *мунапиками* и ренегатами-союзниками русских.

Они, придя в движение, устремились на Гимры — селение имама. Имам же, перекрыв проходы, ведущие туда, возвел в глубине гимринского ущелья стену, которая запирала дорогу, проходящую по верхней террасе горного склона. Позади этой оборонительной стены он построил несколько хорошо укрепленных домов.

Проклятые неверные напали на мусульман со стороны горы. Прося помощи лишь у Аллаха, Газимухаммад встал против них тогда примерно с четырьмя сотнями своих храбрых сподвижников, принесших ему клятву верности. Подготовившиеся к битве воины имама, обновив свое раскаяние за совершенные ранее грехи, вступили в священную войну.

Вражеские полки начали осаду мусульманского укрепления. Бой шел с утра и до вечера, когда волны Газимухаммада начали постепенно рассеиваться. В конце концов около имама осталось примерно десять человек — особо верных его сподвижников. Проявляя терпение и хладнокровие, они не покинули своей позиции, но позднее были все же вынуждены укрепиться в комнатухе (*худжра*), которую тут же окружили враги.

Последние принялись пробивать отверстия в плоской крыше этой комнатухи, причем часть их стояла тогда же рядами по обе стороны от двери, выставив вперед свои штыки. Затем они, сделав

свободный проход перед той дверью, потребовали у засевших внутри борцов за веру, чтобы они сдавались, обещая пощаду. Последние, однако, отказались, будучи согласны лишь на священную войну и мученическую смерть за дело Аллаха. Уповая на Него и крича: *ля хавля ва ля куввата илля биллахи ал-алийи ал-азим*,— они с обнаженными саблями в руках стали из той комнатки выпрыгивать на бой с неверными и разрывать вражеские ряды. Вот тогда-то и вкусил мученическую смерть имам Газимухаммад. Какое же счастье это, однако!

Вместе с Газимухаммадом мучениками за веру стали его лучшие товарищи, а также благородные вожди: превосходный ученый, святой хаджи Али Харахинский; блистательный, чрезвычайно одаренный ученый-богомolec Нурмухаммад-эфенди Инховский; мудрый ученый, большой труженик, борец за веру Саид Хариколинский; достойный ученый, имамский муфтий Мухаммад Кудутлинский и другие благодетельные и благочестивые люди.

Произошло это в понедельник месяца джумада ал-ухра тысяча двести сорок восьмого (1832) года, на закате.

Существуют и такие рассказы:

После той битвы мученики за веру в течение восьми суток оставались на земле, в Гимринском ущелье; вооружение и прочее было с них сорвано. В ущелье же стояла тогда жара. Несмотря на это у бездыханных мучеников за веру не изменилась даже кожа. С них не упал ни один волос.

Затем, когда враги ушли из Гимры, мусульмане убрали трупы мучеников с мест их гибели.

Когда [домой] принесли носилки с телом мученика за веру Саида Хариколинского, его бабка и его наследницы, взяв Саида за ногу, заплакали. Тут из тела Саида выступила влага. Он словно бы вспотел от приступа лихорадки. Люди же смотрели на Саида.

Теперь о другом мученике за веру — Али Харахинском. Он, получив в бою страшные раны, перебрался со своего места в сторону и принялся читать следующий стих Корана: [О мусульмане! Не показывайте спины наступающим на вас неверным. Если же в такой момент кто-либо из вас повернется к неверным спиной] с целью иной, чем сражение [или вступление в плотный ряд воинов, то его поразит гнев божий и он окажется в аду]. Когда же раны ослабили этого Али слишком сильно, он упал наземь. Тут, лежа, он стал хватать рукой куски земли и камешки, и швырять их в лицо врагам, приговаривая: «Ах, вы свиньи! Ах, собаки! Ах, враги Аллаха!»

Или вот еще. Пользующегося поддержкой Аллаха, победоносного Шамиля та битва утомила и ослабила. Он ведь получил колотую рану в грудь, выше сосца, откуда при дыхании выходил

воздух. Поэтому Шамиль передвинулся с места боя немного в сторону, чтобы не снес его людской поток. Там Шамиль пролежал до позднего вечера и удивительно при этом, что враги не заметили его, хотя он и находился в поле их зрения! Затем Шамиль встал и потихоньку пошел в сторону Унцукуля, причем в попутчиках у него оказался один человек так же, как и он сам, раненый. Это был муэдзин борцов за веру, который находился вместе с ними в вышеназванном укреплении и спасся оттуда с позволения всевышнего Аллаха.

Неверные вступили затем в Гимры, родное селение имама, и установили свою власть над тамошними мусульманами. Мунапики и развратники подняли тут головы, а у истинно правоверных и благонравных мусульман согнулись от отчаяния спины.

Такая ситуация сохранялась затем в течение еще небольшого промежутка времени.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

V

ЭПОХА ИМАМА ХАМЗАТА

[1832 г.]

С согласия авторитетных и влиятельных койсубулинцев (*гуй-субун*) — знатоков шариата, а также людей, согласных с ними по вопросу путей оказания помощи мусульманской религии, имамом стал знатный аристократ и храбрец Хамзат Гоцатлинский¹, сын Алискандар-бека, которому дана была присяга после мученической смерти имама Газимухаммада. Правил Хамзат в течение примерно двух лет.

[1833 г.]

Хамзат начал призывать народ твердо держаться мусульманской религии, а также распространять шариат. Держась за канат Аллаха, он затем выступил во главе войска, чтобы возвысить священный Коран.

Хамзат двинулся к селениям Қорода, Хоточ, Хиндах и Чох с увещеваниями, обращенными к их жителям. Он побуждал их принять шариат и прочие установления ислама и в этом они подчинились ему. Кородинцы, хоточы, хиндахцы и чохлы стали, таким образом, подданными имама.

Затем Хамзат пошел к селению Ругуджа. Ругуджинцы, однако, стали тут упорствовать, повели себя слишком гордо. Дело в том, что жители этого селения были людьми грубыми, склонными к беззаконию и при всем этом весьма сильными. Имам поэтому начал сражаться с ними и ругуджинцы вкусили тогда и пули и удары меча. Их укрепленная обитель была взята, причем было

убито около пятидесяти человек из числа ругуджинских насильников — вельмож и лиц, судивших по адатам (*русам*).

Главарем ругуджинцев был грубиян по имени Султанав, который успел было укрепиться в своем замке. Люди Хамзата хитростью заставили, однако, этого Султанаву выйти наружу, а затем, наложив на него оковы, отправили в гимринскую тюрьму. Богатства же Султанаву они разграбили. Впоследствии, уже в дни правления Шамиля этот человек был там убит; в книге «Блеск дагестанских сабель» говорится: «Первым, с чего начал Шамиль — было убийство Султанаву Ругуджинского, который тогда находился в гимринской тюрьме»^а.

Хамзат, возвратившись назад, направился затем в такие города, как Телетль, Батлук, Карата, а также к тем, кто поддерживал их. Жители этих городов и люди, поддерживавшие их, подчинившись имаму, вошли в число его подданных^б.

[1834 г.]

Хамзат со своими полками двинулся затем к городу хунзахцев^в (*авар*). Последние же, укрепившись при своих замках, заблокировали дороги, ведущие внутрь Хунзаха, куда, кстати, стеклись те жители окрестных селений, чей дух был не здоров^б. Хунзахцы при этом взяли тогда под арест тех своих земляков, которые были известны склонностью к шарияту — выдающегося храбреца Алибека и людей, подобных ему.

Воины Хамзата, окружив хунзахцев, продолжали осаду до тех пор, пока та не утомила последних. Они при этом отравили еще зеленые хунзахские поля на глазах у их хозяев. Наконец, хунзахцы сдались на милость^в имама.

Хамзат взял Хунзах на основании, однако, мирного договора (*сулх*). Главари и эмиры хунзахцев дали ему присягу, причем последние передали имаму своего младшего брата Булача — в качестве гаранта своей верности. Хамзат же и словом и делом проявил тогда любезность по отношению к хунзахцам, а когда затем положение вроде бы стабилизировалось, даже пригласил их на совместное заседание.

Имам, когда к нему прибыли хунзахские эмиры, советники (*вазир*) и ученые, стоял в местности Тобтида. В знак якобы уважения он завел эмиров — Нуцалхана и Уммахана, сыновей Сул-

^а Данная выдержка из сочинения Мухаммадтахира Карахского написана на полях рукописи.

^б Букв. «боль в сердце».

^в Букв. «приговор; власть (*хукм*)».

танахмад-хана, в свою палатку. После обмена воспоминаниями и беседы, Хамзат, взяв в руки кумган, вышел, однако, наружу, словно бы по нужде, оставив обоих эмиров внутри палатки. Вот тут-то палатку и окружили его воины, которые, подрезав державшие ее веревки, дали залп из ружей по эмирам и убили их обоих прямо там, в палатке.

Говорят, впрочем, что хунзахские вельможи не соглашались с приказаниями и запретами Хамзата, и даже, якобы, вознамерились нарушить заключенный уже договор, гарантировавший им безопасность. Дело с их стороны дошло-де до обнажения оружия и первым сделал это смутьян Мирзал Хаджияв. В результате, мол, и произошла та беда. Аллах лучше знает!

В тот день были убиты: кадий хунзахцев — известный ученый-исследователь Нурмухаммад, ученый Хассанил Мухаммад Хари-колинский, советник эмиров Мирзал Хаджияв и другие лица. Из числа же товарищей Хамзата: брат его Мурадбек, Чупан — двоюродный брат Хамзата по линии отца, и еще кое-кто. Через несколько дней была убита и Баху-бике, мать названных эмиров. Что же касается Булача — их младшего брата, то он был отвезен тогда в Гоцатль. После убийства Хамзата, однако, его, еще мальчика, бросили в Койсу (*Большая река*).

Хамзат, сломав хребет могучим тиранам и накрутив носы спесивым гордецам, вознося хвалу Аллаху, вступил затем в обитель власти — княжеский дворец (*дар*)^а.

Имам, таким образом, овладел могущественнейшим городом и одержал наконец верх над людьми, сопротивлявшимися особенно сильно. После этого религиозная страсть толкнула его на мусульманизацию народа и расширение территории, где бы действовали законы ислама, а также на удаление людей, поклоняющихся кресту^а.

Собрав войска, имам Хамзат двинулся к Салта. Глубокой ночью его воины бросились на это селение и ворвались внутрь, да так, что никто не успел и почувствовать. В Салта, где стояла тогда охрана из цудахарцев, воины имама вступили, распевая громкими голосами: *Ля иляха илля ллах, ля иляха илля ллах*. Охрана обратилась тут в бегство. Кое-кто из цудахарцев был при этом убит. Других взяли в плен. Что же касается жителей селения Салта, то они выказали имаму повиновение.

После того, как салтинцы подчинились, к имаму Хамзату прибыли жители Кудали. Они выказали ему свое почтение и стали его подданными. Хамзат же установил тогда для кудалинцев, в соответствии с Кораном, наказание (*хадд*) за пьянство, а те, со

^а Можно иначе: «идолопоклонников».

своей стороны, дали ему присягу — пребывать в спокойствии и оказывать необходимую помощь. Затем к Хамзату прибыла еще и делегация из Кегера, чтобы заключить мир, дать присягу и принять на себя определенные обязательства.

Цудахарцы упорно продолжали непризнавать Хамзата. Мало того, они привели на помощь акушинцев и казикумухцев, а затем со всеми своими полками, массой выступили [из Цудахара]. Навстречу им выступил и имам. В местности, где расположены цудахарские ^а хутора, эти две группировки столкнулись и там произошло великое побоище.

С обеих сторон было множество убитых. В числе мучеников за мусульманскую веру, павших в тот день, был и считавшийся опорой имама великий храбрец Амирхамза Шототинский — верный помощник делу ислама, могучий лев, чья фамилия является ответвлением рода благородных эмиров.

Люди, давшие присягу, изменили тут Хамзату из-за того, что желание жить по шариату было у них еще слабым. Мало того, они начали даже подыскивать момент, чтобы напасть на имама и его последователей.

Из того исламского похода Хамзат вернулся разгневанным на нарушителей договора о пощаде и ожидал теперь помощи от Аллаха для искоренения людей окончательно заблудших, а также — злостных притеснителей. В качестве имама он засел в городе Хунзахе, в княжеском дворце, и принялся переводить хунзахцев на путь благородного шариата. Продолжалось все это до осени тысяча двести пятьдесят первого (1835) года.

Хунзахцы (*ахл авар*) были людьми пылкими, мужественными и гордыми. Они, однако, сумели тогда скрыть свою враждебность и ненависть по отношению к имаму Хамзату и его партии. Наконец, у них сложилась группа, которая дала клятву: либо умереть, либо отомстить за хунзахскую знать.

В одну из пятниц 1251/1835 года члены этой группы, заявившись якобы на пятничную молитву, стали поджидать Хамзата, чтобы напасть на него. Когда же Хамзат вошел в хунзахскую мечеть, один из них — Осман, брат Хаджимурада, встал со словами: «Что с вами случилось, хунзахцы? Вы не встаете, когда входит ваш глава!» Затем этот Осман выхватил пистолет и выстрелил в Хамзата, но и Хаджиясул Мухаммад успел выстрелить в Османа. И Хамзат и Осман, оба упали тут наземь и сразу же умерли.

Хаджиясул Мухаммад выскользнул тогда из мечети и укрылся было в замке, но хунзахцы, осадив его там, в конце-концов заставили выйти наружу. Говорят, что они стали выкуривать Хаджия-

^а В тексте: «их».

сул Мухаммада дымом. Наконец, де, он вынужден был выпрыгнуть через амбразуру наружу, и вот тут-то хунзахцы его и убили.

Хунзахцы, устроив таким образом смуту, пропустили пятничное моление. Мало того, они нарушили действие божественного закона и воссоздали свои мерзкие обычаи.

Правление имама Хамзата закончилось. Во всей своей прежней мощи вновь засверкало мерзкое обычное право. На все, однако, божья воля!

Имамом Хамзат был в течение примерно года и нескольких месяцев.

VI

ЭПОХА ИМАМА ШАМИЛЯ

{1834 г.}

Примерно через год после мученической смерти Хамзата власть принял пользующийся поддержкой Аллаха имам¹ Шамиль — верный помощник делу религии, активный борец за веру, которому и дали присягу. Людей по доброму пути повел теперь он.

Прежде всего Шамиль приложил значительные старания для исполнения того, в чем состояла выгода простому народу (*амма*). Затем, засучив рукава, он решил устремиться на священную войну с христианами, ибо вокруг него уже собрались мухаджире, прибывшие из различных краев и областей, и помощники-*ансары* из числа местных жителей.

Шамиль, вместе с которым находились тогда герои из числа [местных] борцов за веру и храбрецы из числа мухаджиров, выступил таким образом в поход, чтобы возвысить Коран и оказать помощь шариату. Свою систему управления он начал устанавливать с территорий расселения унцукульцев и гимринцев. Дело в том, что Шамиль надеялся, что унцукульцы и гимринцы быстро подчинятся ему, а за ними последуют жители и прочих селений и городов, расположенных как в низменных местах, так и на плоскогорьях.

Шамиль, таким образом, призвал унцукульцев и гимринцев оказать ему помощь при проведении в жизнь законов ислама, а также — выступить на священную войну с врагами мусульманской религии и христианами. Люди и ранее покорные Шамилю согласились с ним тогда добровольно. Грубиянов же из числа унцукульцев и гимринцев он просто-напросто подчинил себе, уже по-

мимо их воли. При этом в тех местах произошли многочисленные стычки и вооруженные столкновения с *мунапиками* и неверными, но результатом их было то, что по милости всевышнего Аллаха, с названной территории исчезли темные пятна несправедливости и междоусобной вражды.

[1836 г.]

Затем Шамиль вместе со своими товарищами-*мухаджирами* и помощниками-*ансарами* направился против хунзахских областей. Передовая часть его войска подошла было к Кородинскому мосту, однако, так как охрану этого моста уже взяли в свои руки андалальцы, переправиться через реку тогда не удалось. Шамиль возвратился поэтому в Гоцатль и тут против него выступили полки хунзахцев под предводительством Ахмадхана. Войско же андалальцев, предводителем которых был сын согратлинского кадия, остановилось напротив названного селения.

Враги окружили Гоцатль и начали портить его поля и сады, а с Шамилем, между прочим, было в то время людей в сто раз меньше, чем хунзахцев и андалальцев. По милости однако, всевышнего Аллаха в сердца этих притеснителей вселился страх. Перепуганные, они обратились в бегство, а мусульмане бросились вслед за ними, нанося удары и убивая. Из числа названных врагов была перебита тогда масса людей, а кроме того множество их попало в плен; храбрец Газияв Андийский сказал, что только от его руки пало в том бою пятнадцать *мунапиков*.

Причиной такого поражения, нанесенного мунапикам, было то, что лев божий, отважный Алибек — сын Хирнясулава, появившийся над ними со стороны Буцра во главе маленького отряда прокричал им оттуда: «Эй, люди! Мюриды вошли в город Хунзах!» Этим был вселен страх в души мунапиков и они обратились в бегство. Хвала Аллаху — Господу миров!

[1837 г.]

Начальники неверных и вельможи из числа нечестивых развратников разослали как-то приглашения, имея при этом свой тайный умысел. Призвали они к себе тогда главарей койсубулинцев, а также грубиянов и хамов из числа хунзахцев и андалальцев. Туда же незванными гостями явились порочные и упрямые люди и из прочих областей.

Все они заключили крепкий договор с неверными. Условием его было: воевать в качестве союзников со всяким, кто начнет

войну против них. Затем указанные посетители были возвращены назад с подарками в руках и возвеличены привилегиями. Почти все низкие и глупые люди заявляли при этом: «Если бы только и нам было дано то, что дано этим людям, уподобившимся в результате счастливицу Корею (*Карун*)!»¹; говорившие не знали, однако, что данное им оказалось смертельным ядом. Мало того, хунзахцы притащили тогда в свой вилайет даже войско неверных. Так они поступили в надежде иметь в лице неверных помощь против растущего могущества Шамиля.

Произошли эти события то ли в тысяча двести пятьдесят втором (1836/37), то ли в тысяча двести пятьдесят третьем (1837/38) году².

В то время эмиром хунзахцев был Ахмадхан — сын Хасанхана³. Этот Ахмадхан неоднократно говорил хунзахцам: «Не тащите вы этих неверных в свою страну. Это тяжелые люди. Вначале, правда, они покажутся вам хорошими, но в конце-концов вы увидите, что они — зловредны. Эй, образумьтесь! Вы еще будете раскаиваться. Хватит с нас и тех, кто уже сейчас враждует с нами. Мы и сами сможем отразить тех, кто попытается вредить нам»⁴. Хунзахские мунапики, однако, ответили ему: «Мы любим всех тех, кто помогает нам, будь то мусульмане или неверные».

Вскоре хунзахцы привели на свою землю неверных. Они стали тогда друзьями этих неверных, во многом положились на них. Неверные же построили там удивительную по архитектуре крепость с прочным основанием. В дружественном общении с неверными хунзахцы провели несколько лет.

Когда победоносный Шамиль услышал, какие козни устроили эти хунзахцы, он пришел к мысли о необходимости выступить в поход. С имамом было тогда примерно сорок человек из числа его благороднейших офицеров (*накиб*). Среди них находились,

кстати, и два ученых — Алибек Хунзахский и Амирхамза Гацалухский. Шамиль поступил на сей раз подобно пророку Мухаммеду, — да благословит его Аллах и приветствует! — пришедшему к мысли о необходимости продолжить войну с неверными после неудачного сражения при Оходе.

[1836 г.]

Шамиль пошел тогда на игалинцев. По милости всевышнего Аллаха город игалинцев был взят, причем большого ущерба ему нанесено не было. Игалинцы подчинились Шамилю и взяли на себя обязательство придерживаться шарната.

Затем Шамиль пошел на Орота. Оротинцы были тогда разделены на две группы. Одна группа стояла на стороне Ахмадхана,

эмира Хунзаха. В составе же другой находились люди, ожидавшие появления шарпата. Шамиль призвал оротинцев подчиниться тому, что приказано Аллахом, и они после небольшого сражения выказали ему свое повиновение.

Затем Шамиль остановился в Харахи и тут против него выступили полки, сформированные из жителей Андии, Хунзаха и иных мест. Полки эти расположились около названного селения с намерением рассеять воинов имама. Там-то и произошел бой. Враги имама были разбиты и обратились в бегство. Победу эту мусульманам даровал Аллах!

После этого люди несколькими группами пришли и выказали повиновение Шамилю. Этот благословенный поход оказался, таким образом, как бы лекарством для больной тогда религии.

Шамиль возвратился затем в Чирката, к своей семье. Пробыв там недолго, имам направился в область гумбетовцев. Последние при появлении имама прибыли к нему и без боя подчинились. Кстати, уже тогда часть видных (*аян*) гумбетовцев выступала в качестве помощников Шамиля.

[1838 г.]

Затем Шамиль двинулся на область андийцев. Последние также подчинились ему, правда, после небольшого сражения. Именно там пал мучеником за веру лучший из мухаджиров Амирхамза Гацалухский — верный помощник делу ислама, ученый с острым умом.

Из области андийцев Шамиль направился в сторону вилаята технуцальцев с намерением посетить затем багвалинцев, чамалинцев и каратинцев. Когда, однако, Шамиль подошел к Мунинской реке, к нему прибыли туда для заключения мирного договора делегации, состоявшие из ученых и главарей всех племен (*кабила*),

проживавших в том регионе, и обитателей всех тамошних ущелий. Посланцы дали имаму присягу в том, что их земляки: во-первых, не будут противиться ему; а во-вторых, будут придерживаться шариатских решений, опирающихся на сунну и Коран. После этого они попросили имама возвратиться назад. Шамиль согласился и ушел.

Затем, однако, затеяли интригу мунапики из числа каратинцев. Они направили послание к эмиру хунзахцев Ахмадхану, а также попросили помощи у главы неверных. Истинные же мусульмане [сел. Карата] обратились тогда за помощью к повелителю правоверных Шамилю. Повелитель правоверных, опередив врагов шариата, прибыл тут к ущелью Зоноб, где к нему присоединились полки борцов за веру, прибывшие из Багвалинского и Тиндинско-

го вилаятов, а также из других мест. Полки же врага расположились тогда на краю Ингердаха.

Когда неверные увидели, что войска мусульман весьма много численны, они побоялись спускаться в Зонобское ущелье и вознамерились уйти. Покинув Ингердах, неверные вдруг двинулись вниз по направлению к селению Инхело и напали на инхелойцев причем совершенно неожиданно для тех. К полудню, однако, на помощь инхелойцам прибыли люди, отправленные полками мусульман, [стоявшими в Зонобе]. Тогда-то инхелойцы разбили многобожников и обратили их в бегство. При этом значительная масса последних была перебита. Из числа же мусульман мучениками за веру стали лишь немногие. На сей раз бой закончился так.

[1837 г.]

Тут пришли в движение друзья сатаны — воины проклятого Аргута⁵. Они устремились к селению Телетль — крепости ислама ибо апостол имама, набожный ученый, шейх Кебедмухаммад активно⁶ занимался там оживлением ислама и проведением в жизнь шариатских решений.

Проклятый неверный — Аргутинский со своими многочисленными воинами спустился с горы и расположился напротив Телетля. Что же касается имама Шамиля, то он вместе со своей родней и детьми находился тогда в Ашильта, куда перебрался в качестве мухаджира⁷. Услышав, однако, о приближении неверных к Телетлю, Шамиль тотчас выступил в поход примерно с сорока товарищами. Отправившись в путь ночью, он вскоре добрался до названного селения. Целью его было — оказать поддержку Кебедмухаммаду.

Многобожники тем временем, окружив в Телетле войско правых, двинули против них мусульманские полки, сформированные из хунзахцев и жителей иных областей⁸. С самого раннего утра неверные обстреливали борцов за веру. Они выпускали по ним пушечные ядра и в результате попортили замки, имевшиеся в Телетле, и разрушили дома телетлинцев. Кроме того, против мусульман ежедневно направлялись войска, состоящие из пьяных которых подстрекали. Мусульмане, однако, встречали врагов саблями, оборачивали вспять и затем повергали на землю, как живые.

Так дело обстояло на протяжении полутора месяцев. Мусульмане пребывали в очень напряженном состоянии и испытывали сильный голод. При таком-то вот положении дел прибыл вдруг от

имени имамских мухаджиров, оставшихся в селении Ашильта, человек, отправленный просить помощи. Он сообщил, что на них устремился генерал (*енарал*) Пулло с двенадцатью тысячами бойцов. Мусульмане пришли тут в замешательство из-за бедствий, поразивших их уже с двух сторон, однако понадеялись во всем на Аллаха, который знает то, что скрыто от других, и устраняет печаль. И действительно, по безграничной милости Всевышнего ашильтинцы и мухаджиры избежали тогда попадания в руки неверных. Слабые из числа их — женщины и дети успели удалиться в одно крепкое и безопасное место, а домочадцы имама Шамиля были переведены в богохранимое селение Чирката⁹.

Отметим также, что часть истинно верующих мусульман не пошла вместе с имамом в Телетль, а осталась в Ашильта. Эти-то рыцари и встали при появлении там неверных как каменные твердыни. Многобожники же, придя, остановились тогда рядом с Ашильта. Грянул бой. Мужьи вступили в сражение. После, однако, великой битвы многобожники все же захватили названное селение и сожгли его. Затем, в течение двух дней, они спокойно стояли на развалинах Ашильта. А на третий день этих многобожников атаковали прибывшие на помощь ашильтинцам борцы за веру — храбрцы из числа койсубулинцев, гумбетовцев и багваллинцев. Вспыхнул бой, подобного которому еще не было, продолжавшийся с обеда и до сумерок. В конце-концов Аллах вселил страх в сердца многобожников. Они были разбиты и обращены в позорное бегство.

Начальник многобожников, мерзкий сатана Аргут смог теперь увидеть мощь и стойкость исламистов, засевших в Телетле, а также то, что смерть, царящая вокруг, не делает их слабыми и вялыми. Мало того, они даже не обращают внимания на нее. Поэтому он и предложил мир повелителю верующих Шамилю. Сделал Аргутинский это при посредничестве кумухских князей-эмиров¹⁰ на условии, что обе воюющие стороны прекратят войну со всеми ее тяготами и предоставят друг другу соответствующие документы и залог. Учитывая интересы простых мусульман и в соответствии с пожеланиями жителей селения Телетль, особенно женщин и детей, повелитель верующих Шамиль согласился тогда на перемирие, которое было им соответствующим образом оформлено. Беда была таким образом устранена. Благодаря мудрости и милости всевышнего Аллаха враги удалились¹¹.

Рассказ. Глава тариката, руководитель-*мюршид* в вопросах *хакиката*, шейх, подобный луне, сияющей во тьме, наш господин Мухаммад Ярагский находился в то время в городе Согратле. Во время каждого из проводимых тогда молебнов он читал молитвы

о необходимости повиновения Аллаху, направленные против сподвижников и воинов проклятого Аргутинского. Однажды, после очередного пятничного молебна один вульгарный согражданин задал вопрос: в чем-де мудрость такого чтения и польза от него? Когда сей деревенщине попытались было разъяснить это, он прокричал примерно следующее: «Молитвы и повиновение Аллаху не избавят нас от вреда, наносимого сподвижниками сатаны-Аргута. Не слова избавят нас от них, а сабли, всегда готовые к бою. Пусть лучше каждый юноша подготовится к тому, чтобы отправиться в путь и присоединиться к Шамилю!» В мечети многие начали тут разговаривать и тогда шейх Мухаммад Ярагский попросил перевести речь человека, который задал указанный вопрос. Дело в том, что он не знал аварского языка. Слова согражданина Ярагскому перевели, и он понял, что тот хотел сказать. С присущей ему великой пронзительностью этот шейх тут же произнес по-тюркски следующее: *Урда уч вали вар. Гьич зарар олмас.* — «Там есть три святых человека (*вали*). Поэтому никакого вреда нанесено не будет».

Когда сограждане услышали после того, что повелитель верующих Шамиль жив-здоров и что вооруженные силы многобожников отведены от Телетля — местопребывания мусульман, они поняли, что пронзительность святых людей и их прочие достоинства — истина.

[1838 г.]

Когда приказы повелителя верующих Шамиля приобрели наконец действительную силу и мусульмане действительно подчинились ему, русские начальники собрались около своего злополучного главара. Они поговорили и сошлись на том, что пожертвуют всеми своими войсками и всей своей казной ради искоренения военной силы имама и уничтожения мусульман.

До имама Шамиля дошла тут весть о выступлении в поход *сардара* вместе со всей массой неверных. Воинов этих вели *мунаники*, а вероотступники оказывали им поддержку. Шамиль вынужден был приступить к поискам неприступного для врага места, какого-либо прочного угла.

С избранной частью своих мудрых сподвижников Шамиль провел совещание по данному вопросу. Мнения их сошлись на том, что они, исламисты, устроят неприступную крепость в гористой местности, расположенной на берегу реки на ашильтинской территории. Там-то мусульмане и соорудили затем места, удобные для ведения сражений, убежища для детей и домочадцев, а также вы-

рыли окопы, создали завалы на путях и дорогах и высекли в каменной земле помещения, над которыми возвели толстые крыши и покрытия. Вокруг всего этого мусульмане построили вал и крепостную стену. В образовавшейся таким образом крепости укрылись все мухаджеры, а также помощники Шамиля из числа местных жителей с их семьями и домочадцами¹².

[1839 г.]

При таком положении дел у мусульман авангардные части преступных многобожников двинулись вдруг на область гумбетовцев. Видя это, повелитель правоверных Шамиль поспешил к городу Аргвани, ибо тот представлял собой как бы ворота в страну, охраняющие путь к крепости ислама — Ахульго.

Шамиль по прибытии остановился в самом городе Аргвани, а войска неверных встали тогда поблизости от него. Окружив мусульманские полки, они напали на них со всех четырех сторон. Простые воины-многобожники, однако, вскоре побежали было прочь, но тогда их стали подталкивать к наступлению, напоивая предварительно допьяна. Всякий раз, впрочем, как начальникам неверных удавалось подстрекнуть своих воинов к наступлению, против них с обнаженными саблями выходили борцы за веру и отбивали их ударами по шеем и головам.

Так сражались они в течение двух дней. На третий же день неверные напали на мусульман с одного лишь направления, с верхней стороны. Половина борцов за веру была тут обращена в бегство. Часть же их, запасаясь терпением, осталась в городе Аргвани сражаться за дело Аллаха. Эти борцы за веру вплоть до позднего вечера убивали своих врагов, но и их самих так же убивали.

По улицам Аргвани потекли реки крови, ибо там, отбивая наступающих, пало мучениками много борцов за веру. Их было тогда более двухсот человек. Сто из них — аргванийские герои. Осетальные были из числа тех, кто явились на поле боя из других мест. Среди них оказался и испытанный в деле герой, тренированный лев, ученый Хаджияв Тлохский.

Всего в той аргванинской битве пало мучениками за мусульманскую веру около пятисот душ аргванийцев и пришельцев из других мест. В огромной же вражеской армии количество убитых было таково, что не сосчитать.

Многобожники сожгли затем Аргвани, не оставив, как говорят, даже мусора и следов от строений, а также попортили посевы

аргванийцев. Несмотря на это, они затем еще долго сидели на его развалинах.

Повелитель правоверных Шамиль вместе со своими людьми возвратился тем временем в богохранимое Ахульго. Там же укрылись тогда ашильтинцы и чиркатинцы, а также все те выходцы из других мест, которые полюбили шарият.

На Ахульго двинулись затем полки многобожников, находившиеся в то время в Аргвани, а также иные войска, которые наступали с востока. Главой многобожников был проклятый генерал Пулло¹³.

Многобожники окружили наконец исламскую крепость Ахульго. Пушки свои они установили при этом по краям горок и холмов. На помощь этому войску неверных выступил и эмир хунзахцев Ахмадхан, который вывел в поле все свои полки, состоявшие как из искренних мусульман, так и из нечестивых мунапиков. Враги, таким образом, полностью окружили единобожников и затем обрушили на них дождь ядер из малых и больших пушек. Они также закрыли единобожникам путь к воде.

Утомительная осада, война против единобожников шли уже целых три месяца. У осажденных иссякли продукты питания и питье. Они испытывали сильную жажду и голод. Сон покинул их. При всем этом, однако, единобожники проявляли терпение и хладнокровие. Потеряв надежду сохранить свою тленную мирскую жизнь, они напрягли все свои силы и сражались, пылая страстью встретиться затем в райских кущах. У борцов за веру не было ведь убежища, кроме их сабель, которые только и могли спасти их от многих тысяч врагов!

Против борцов за веру были многократно направляемы русские воины, но те с обнаженными саблями сами выступали против них. Они рубили неверных по шеем и головам, и те падали наземь, подобно гнилым пальмовым стволам. Но не было видно конца их войску.

Самым же удивительным из того, что когда-либо видели глаза и слышали уши, было следующее. Выдающийся храбрец, мухаджир, аварец (*ал-авари*) Алибек, сын Хириясулава, был ранен в правое плечо ядром, выпущенным из большой пушки, причем так, что локоть был оторван, но висел на сухожилиях. Алибек же, продолжая сражаться с огромной страстью, сказал тут бойцам, которые находились вокруг него: «Отрубите-ка это!» — и указал на свой висящий локоть. Те, однако, не стали отрубать его и Алибек, наступив тогда на этот локоть ногой, сам отрубил его саблей. а затем продолжил битву, держа оружие в другой руке.

Наконец, Алибек был все же убит. Локоть Алибека, который был оторван ядром, отправили тогда к его раненой матери, кото-

рая лежала в постели. Когда мать увидела эту часть его руки, она сказала: «Хвала Аллаху, который предопределил сыну моему погибнуть в бою с неверными, а не умереть в кровати». Как же прекрасны эта мать и ее сын! Как прекрасны эта львица и этот лев!

Когда до Шамиля-повелителя правоверных дошла печальная весть о переселении Алибека в мир вечности, он произнес фразу из Корана: «Мы принадлежим Аллаху и к Нему мы затем возвращаемся», а потом сказал: «Горе нам! Как же мы теперь будем противостоять врагам!» После этого Шамиль, обращаясь к пророку Мухаммеду, пропел следующий стих:

«О пророк истинной религии! У тебя просит помощи попавший в беду,

Человек, которому нанесла вред грешная душа.

Тебе надоели те преступления, которые я совершил. День ныне угрожает мне гибелью и лишь ночь защищает меня».

Проклятый Пулло увидел тут: сколь многие из приведенных им людей уже погибли от рук мусульман и какую стойкость проявляют повелитель правоверных Шамиль и его сподвижники-борцы за веру, и тогда он предложил повелителю правоверных перемирие. Сей мужлан потребовал при этом у повелителя правоверных его сына Джамалудина в качестве залога. Шамиль не согласился на это, ибо не чувствовал себя в безопасности от возможного коварства и обмана с его стороны. Затем, однако, усилились бедствия, испытываемые детьми и женщинами, а также умножились жалобы со стороны раненых, голодных и слабых. Учитывая слабость перечисленных лиц, претерпеваемые ими бедствия, тяготы, которые они вкушают — голод, жажду, недосыпание, а также обязательность перемирия с точки зрения шариата в случае, если отказ от него влечет за собой нанесение вреда мусульманам, Шамиль согласился все же передать многобожникам усладу своих очей Джамалудина. Последние при этом обязались выполнить следующее условие имама — прекратить бой и возвратиться на свою территорию.

Когда, однако, сын Шамиля очутился в руках многобожников, те нарушили договор¹⁴. Война возобновилась. Произошло это из-за того, что чиркеевский мунапик Биякай сообщил им о малочисленности мусульман, об истощении у них припасов, а также указал многобожникам слабые места в их обороне. Дело в том, что этот Биякай, будучи послан к осажденным мусульманам для заключения мира, успел ознакомиться с положением последних.

Многобожники, собрав все свои силы, сраженные, таким образом, возобновили. Они напали на мусульман отовсюду, где проходили дороги, ведущие на Ахульго, как легкие, так и трудные. Мусульмане же — все, кто только был в силах держать оружие или швырять камни, и мужчины, и женщины, вступили тут на путь священной войны.

Большая часть осажденных на Ахульго погибла мучениками за веру, способными к продолжению боя оставались лишь сам имам и несколько мужей. В результате мусульманская крепость Ахульго под давлением силы врага в конце-концов пала. Имам же Шамиль и те, кто были тогда вместе с ним, прошли под покровом ночи между неверными, с обнаженными саблями в руках. Они прорвались через их ряды.

Итак, часть тех, кто находились на Ахульго, погибла мучениками за мусульманскую веру. Кое-кто попал в плен. Кое-кто спасся.

Эх! Было, что было. «Сошлись-таки два кольца подпруги»^а. То был воистину день, подобный малому светопреставлению. Люди были словно пьяные. Матери, кормящие грудью, забывали о своих грудных детях. Высокое и низкое сравнивались. Одна, к примеру, женщина из числа мухажиров, сказала своему мужу: «Что же мы будем делать с нашим ребенком?» Муж ответил: «Это не тот день, когда заботятся о своих чадах. На каждом из нас лежит сейчас прежде всего обязанность участвовать в священной войне. Поэтому бери кинжал и сражайся. Мальчика же нашего оставь на этом камне». Женщина взяла тогда кинжал, а затем, расстелив свой платок и положив на нее свое чадо, вступила в бой. Она сражалась рядом со своим супругом до тех пор, пока оба они не стали мучениками за веру. Да будет Аллах доволен ими обоими!

К числу женщин, которые пали тогда мученицами за веру, принадлежит и жена повелителя правоверных Шамиля — Джавхарат, имевшая двухлетнего грудного ребенка. Этот ребенок, когда его затем нашли, сосал грудь своей мертвой матери. Вскоре и он умер.

Что касается другой жены имама — матери Газимухаммада, то она вместе с ним спаслась тогда от неверных; Газимухаммад был в то время семилетним мальчиком, который получил тяжелую рану.

Далее, к числу женщин-мучениц за веру принадлежит сестра выдающегося храбреца, красноречивого ученого, мученика за веру Сурхая Колобского — меча, обнаженного против неверных и тиранов. После гибели родного брата, дорогого ей Сурхая она одела его плащ (бурку — ?) и чалму, затянула на себе его боевой

^а Пословица.

пояс, взяла в руки его саблю и бросилась на вражеское войско. Она принялась бить и крушить врагов. Так действовала тогда сестра Сурхая Колобского! Наконец и она пала в бою и стала мученицей за веру, вслед за своим братом, которого она так жалела. Да будет Аллах доволен ими обоими!

Битва при Ахульго — это великая битва, подобной которой не было в веках! Многие благочестивые и добрые мужи приобрели там вечное блаженство!

Отметим также, что благодать, исходящая от мучеников за веру, погибших на Ахульго, велика и широко известна. Многие божьи люди побывали там и приобрели столько божественной милости и благодати, сколько пожелал Аллах.

Благородный шейх, совершенный в своей святости Алискер-хаджи (*Али ал-Аскар*) выявил там, к примеру, труп мученика за веру, который находился в пещере, расположенной высоко и в труднодоступном месте. Покойник был словно живой. Он не был подвергнут тлению, по сути дела вообще не изменился; к стати и сейчас труп этого борца за веру в таком же состоянии и каждый может лицезреть его. Шейх Алискер возвел у входа в пещеру стену, в которой оставил оконце, откуда можно смотреть на покойника. Ныне это — великая святыня, которую посещают полонники ради приобретения благодати.

После того, как крепость Ахульго была взята врагами, повелитель правоверных Шамиль с семьей своими товарищами, борцами за веру из числа оставшихся в живых, направился искать труднодоступную местность и верных людей. В конце концов Шамиль остановился на просторах Шатоя (*Шубут*). Шатоевцы дали ему приют и выказали соответствующее почтение, поступив по отношению к Шамилю точно так, как арабское племя бану-кайла — по отношению к пророку Мухаммеду. Да вознаградит Аллах этих шатоевцев — благочестивых мусульман, за их добрые дела!

[1840 г.]

В Шатое Шамиль успокоился и вновь приступил к оживлению шариата. Неверные же, овладев к тому времени значительной частью страны ислама и построив в различных местах, принадлежавших мусульманам, свои крепости, вознамерились теперь силой установить свою власть над всеми государственными образованиями горной страны. Так, проклятый генерал Клюки фон Клугенау¹⁵ двинулся тогда в сторону областей-вилаятов: Герменчик, Шали, Гехи, Мартан и Алда. Он при этом приказал жителям названных вилайатов сдать больше платки (*изар*) своих жен, чтобы

переслать их затем к самому главному начальнику неверных. Сделано это было для того, чтобы главный начальник знал: отныне вся страна горцев (*Дагестан*) находится под его высокой властью и никто из горцев не смеет уклоняться от подчинения его приказам и несения бремени, которое будет возложено на них.

Объявив о необходимости сдать платки, проклятый Ключи фон Кругенау возвратился в конце осени назад, в крепость Грозную (*Сунч*). Повелитель же правоверных Шамиль продолжал спокойно сидеть тем временем в Шатое, приглядываясь и прислушиваясь: когда наконец названные тяготы навлекут несчастья на головы неверных?

Нижние чеченцы (*мичихич*) были людьми горячими и молодежатыми. Они обладали славой и мужеством. Вот их-то главари и прибыли к повелителю правоверных Шамилю с просьбой оказать помощь в борьбе с врагами исламской религии, а ведь «если попросили у вас помощи ради дела, касающегося религии, вы обязаны оказать ее»^а.

Названные главари заключили тогда соглашение с повелителем правоверных Шамилем, взяли от него соответствующие акты и, со своей стороны, обязались объединиться с ним в борьбе с многобожниками. Во исполнение этого соглашения, как только зима сбросила свои снежные тулупы и надела весна свое зеленое платье, победоносный и дерзкий лев Шамиль, уповая на Аллаха, выступил в поход под зелеными знаменами во главе отряда, состоявшего из мухаджиров и помощников из числа местных жителей — чеченцев.

Остановился Шамиль в области Гехи-Мартан и жители тех мест, все до единого, выказали ему тогда свое повиновение. Затем Шамиль двинулся в направлении Шали и других городов Чечни. Чеченцы с радостью вступали в подчинение повелителю правоверных, который распространял в их среде законы ислама и переносил на них действие шариатских установлений. В результате канат ислама, который ранее был как бы разрезан, вновь превратился в единое целое. У населения Чечни усилилась тут страсть к боям, а неверные, испытав бедствия, вынуждены были отказаться от своих мечтаний.

Шамиль назначил своим наместником (*амил*) в одной из областей аварца (*ал-авари*), являвшегося для тех мест мухаджиром — Мухаммада, сына Ахберди, — набожного ученого, активного борца за веру, помощника делу религии, сокрушителя неверных и мунапиков, опору имама, верного слугу ислама¹⁶. В другой

^а Коран.

области Шамиль назначил своим наместником известного храбреца, дерзкого, как лев, Шуаиба Центароевского¹⁷. Над Шалинской областью повелитель правоверных назначил тогда своим наместником испытанного в деле героя Джавадхана из Дарго¹⁸. Таким же образом Шамиль поступал и впоследствии — назначая того или иного витязя правителем над каждым краем, жители которого заявляли о своей предрасположенности к признанию его имамской миссии и подчинении его приказам.

Призывы Шамиля и молва о преимуществах его системы управления были услышаны затем жителями селений Салатавин (*Салату*) и салатавского города Черкей. Все они заключили тогда с Шамилем соглашение, а кроме того в союз с ним вошли гумбетовцы и андийцы. Таким образом, благодаря всевышнему Аллаху, сфера власти ислама расширилась. Он приобрел силу.

Затем Шамиль напал на Ишкартынскую (*Ишкатоли*) крепость и перебил там много неверных. Он захватил также Чирюртовскую крепость и то, что находилось вблизи от нее: Янгиюрт, Гельбах, Миатлы (*Миярти*) и Зубутль.

После того, как Шамиль, осветив названные места светом шариата, устранил отсюда саблями своих победоносных, наводящих страх воинов темное, как ночь, обычное право, он поселился в прекраснейшем месте, именуемом Дарго, в центре указанных вилайатов. Рядом с собой Шамиль позволил тогда поставить палатки мухаджирам, своим помощникам из числа местных жителей, а также благородным ученым и благонравным людям.

В начале лета тысяча двести пятьдесят шестого (1840) года, имам Шамиль услышал, что проклятый *сардар* с отрядами своих многобожников двинулся на город Чиркей. Имам выступил против них. Встретившись с многобожниками, он вступил с ними в бой, в котором, однако, принял участие лишь авангардные части его войска. Арьергардные же части войска имама проявили тогда медлительность, в связи с чем сила неверных по отношению к авангарду как бы удвоилась. Вот потому-то и смогли высокомерные многобожники ворваться в Чиркей.

Часть чиркеевцев убежала тут туда, где действуют законы ислама. Оставшиеся на месте попали под длань христиан. Что же касается сих проклятых врагов, то они заложили тогда на землях Чиркея, за речкой, крепость, которую заполнили своими людьми.

Чиркеевцы, оставшиеся в родном селении, вынуждены были тогда скрывать свою враждебность по отношению к многобожникам и стали поджидать удобного момента, чтобы изменить им. И вот, в год взятия крепости Хунзаха, когда имам Шамиль при-

был и остановился в Казанище, чиркеевцы направили к нему делегацию, состоявшую из кадия Таймазхана и лиц подобных ему. Одновременно чиркеевцы объявили войну неверным,* которые сидели в крепости, стоящей за рекой^а.

Эти неверные, ведя и днем и ночью артиллерийский обстрел из своей крепости, наносили чиркеевцам большой ущерб. Чиркеевцы в течение целых семи месяцев терпели эти тяготы. Наконец имам Шамиль переселил их оттуда вместе с прочими салатавцами и расселил в различных местах, лежащих на подвластной ему территории. Хвала—Аллаху, Господу миров!

[1842 г.]

Имам услышал тут, что злополучные русские подходят к Чоху. Он выступил против них и повел войска. Мусульмане через известный брод форсировали уже реку голотлицев и тогда их проклятые враги, до которых дошел слух о силе и мощи войск Шамиля—повелителя правоверных, повернули назад. Они ушли туда, откуда пришли.

Имам, остановившись тогда в селении чохцев, подверг их соответствующей дрессировке, а затем подстрекнул к участию в войне с врагами ислама. Потом он пошел к согражданам и поступил с ними таким же образом.

Когда страшные слухи, что скоро появится Шамиль с многочисленным войском, усилились, под его могучую руку перешли жители областей-вилаятов: 'Андалал, Гидатль, Тленсерух и Карах.

В результате войско имама численно возросло и тут он возымел намерение направить свои полки на вилайт казикумухцев¹⁹.

Войско Шамиля после полуденного отдыха резко рванулось вперед и остановилось лишь вблизи города Казикумуха. Тут-то к Шамилю и прибыл тарикатский наставник (*устаз*) Джамалуддин²⁰. Шамиль что-то сказал тогда этому Джамалуддину, посоветовался с ним и затем после небольшого сражения ввел свое войско в пазванный город.

Главарь казикумухцев засели было в крепости, которую вскоре окружили и подвергли осаде воины Шамиля. Наконец, люди, паходившиеся в этой крепости, сдались на милость имама. Тринадцать мужей из числа сдавшихся, среди которых находился и Яхья Дженгутайский—сын Будая, Шамиль перебил. Группу их

^а Эта фраза, находящаяся между строками основного текста, написана мелким шрифтом и кончается так: «Блеск [дагестанских сабель]».

он объявил пленными, а остальных самоличным решением распустил по домам.

Шамиль, простояв в Казикумухе неделю, назначил казикумухским повелителем хаджи Яхью — сына Джабраила. После этого войны имама с добычей в руках живые и здоровые повернули назад и, вознося благодарность Аллаху, восхваляя Его, прибыли к своим семьям. Хвала — Аллаху Господу миров!

Благодаря именно этой победе потух огонь в сердцах унцукельцев, хунзахцев и их покровителей-неверных. Произошло данное событие зимой тысяча двести пятьдесят восьмого (1842) года.

Через небольшой промежуток времени казикумухцев все же одолела сила многобожников. Дело в том, что установленная у них шариатская государственность оказалась слабой: наиб хаджи Яхья и его помощники не сумели проявить необходимую твердость и сохранить исламскую систему управления. Потому-то они и обратились за помощью к имаму. Шамиль вторично выступил в сторону Казикумуха вместе с виднейшими своими советниками и наиболее храбрыми из числа своих товарищей, с такими, к примеру, личностями, как Ахбердиль Мухаммад.

На казикумухской территории мусульманские воины остановились вблизи вражеского лагеря. Там-то и произошел бой.

Тут вдруг к имаму Шамилю, который находился в Казикумухе, прибыл человек с просьбой о помощи. Он сообщил, что русские двинулись со стороны Курчалоя (*Курчули*) к его, имама, богохранимой обители — Дарго. Сообщение это сыграло роль реки, пре-

градившей путь селевому потоку. Имам с конницей быстро двинулся назад, к своей семье. Когда же он, наконец, прибыл в Дарго, увидел: его семья и домочадцы переведены в Анди; враги огромной массой действительно продвигаются со стороны Курчалоя; храбрый наиб Шуаиб Центароевский и другие наибы уже выступили навстречу врагу со своими людьми и своими войсками.

Проклятый враг приблизился тем временем к Белгатою (*Баргути*) и тут в лесу на него напали со всех сторон борцы за веру.

Произошло сражение, в котором, благодаря всевышнему Аллаху, неверные были разбиты и отступили. Победенные в том месте, они были затем вынуждены двинуться назад, будучи при этом уничтожаемы и лишаемы одежд руками борцов за веру. Хвала — Аллаху, Господу миров!

[1843 г.]

В конце лета следующего (1259/1843) года имам Шамиль собрал войско против города Унцукуля и находившейся там крепос-

ти неверных. Затем он выступил в поход со своими победоносными полками, состоящими из *мухаджиров* и помощников-*ансаров* из числа местных жителей. Авангард мусульманского войска по прибытии на унцукульскую территорию наткнулся неожиданно на группу унцукульцев, состоявшую примерно из ста человек; говорили, что они-де вышли косить траву для русских. Воины Шамиля напали на этих унцукульцев и перебили их до последнего, вследствие чего унцукульские мятежники пришли в уныние, а у людей, находящихся в заблуждении, опустили головы. Сам же имам встал тем временем над Унцукулем, расставив свои полки вокруг вышеуказанной крепости. Враги были таким образом осаждены мусульманами, как *мединские евреи* — сподвижниками пророка Мухаммеда.

Тут, однако, на помощь осажденным из крепости Моксох вышло около шестисот многобожников. Когда последние подошли к местности *Микитль (Миккил)*, — там имеется канал, который затем протекает напротив города Унцукуля, со стороны *Харачи* — против них выступила группа борцов за веру из войска имама Шамиля. Там-то, в поле зрения осажденных и осаждающих эти две группы и сошлись.

Преступные многобожники были тогда разбиты в пух и прах и обращены в бегство. Мусульмане же, не ограничившись этим, бросились вслед за пришедшими из Моксоха многобожниками, избивая и убивая тех, кто вел их. Продолжалось это до тех пор, пока последние из многобожников, остававшиеся тогда в живых, не добрались до берега реки.

Клянусь Аллахом! Из числа их живым остался было лишь один-единственный солдат. Он убежал из Микитля, перейдя реку вплавь. За этим солдатом, однако, последовал храбрый мухаджир Мухаммад Батлаичинский, сын Османа. Он также переплыл ту реку, убил солдата, а затем возвратился назад. Из того, прибывшего из Моксоха войска, не спасая, таким образом, ни один человек. Хвала Аллаху!

По прошествии четырех дней после названной битвы в Микитле Унцукуль был взят. Часть, однако, унцукульцев, которая особенно сильно боялась за себя и свое имущество, укрылись тогда вместе со своими детьми и богатствами у неверных в крепости. Когда война против этой части унцукульцев и осада усилились, когда им стало очень уж плохо, они капитулировали. Во главе с хладнокровным Кебед-хаджиевом они, хотя и опасались мести, сдались на милость имама.

Что касается многобожников, которые находились в унцукульской крепости, то они были либо убиты, либо уведены в плен. По

отношению же к мусульманам — жителям Унцукуля имам проявил милость.

В этом бою пало мучениками за веру около ста двадцати человек.

Победоносный имам Шамиль выступил затем против балаханской крепости и остановился на балаханских просторах в ожидании удобного момента для нападения. Балаханцы, учитывая сделанное им в отношении унцукульцев, уразумели, что с воителями за ислам следует примириться без боя. Те же из числа людей заблудших, кто пребывал в крепости, были уведены в плен.

Затем Шамиль двинулся к моксохской крепости. Произошло небольшое сражение. В результате его, крепость эту он взял. Всех многобожников, которые оказались в ней, Шамиль увел в плен.

Затем Шамиль направился к цатанихской крепости, где произошла великая битва. С позволения всевышнего Аллаха крепость эта была взята силой. Все до единого неверные, которые находились в цатанихской крепости, были поэтому перебиты, а тела их изувечены.

В цатанихской крепости были найдены: большой, причем полный пороховой погреб и множество ядер; это была крепость с высокими стенами, заполненная необходимым количеством людей и снаряжением, при взятии которой мучениками пало много борцов за веру. Хвала могучему Аллаху за помощь правоверным и уничтожение неверных, а также — за покорение в течение одного года своему рабу Шамилю, воителю за веру, одиннадцати крепостей, принадлежавших ранее многобожникам!

Помощь Шамилю со стороны Аллаха стала в конце концов очевидной для обитателей и прочих населенных мусульманами округов. Тогда-то к нему и прибыли делегаты от селений Хунзахского вилаята. Они пригласили Шамиля в свои селения, а когда он прибыл, вывели навстречу ему всех своих сельчан.

Главой делегатов был превосходный ученый, храбрый как лев кадий Мухаммад Танусинский. Это был тренированный, крепкий человек и при этом весьма совестливая личность. Подобно Аббасу, дяде пророка Мухаммеда, оставшемуся с его разрешения среди язычников в священной Мекке, Мухаммад Танусинский с разрешения повелителя правоверных Шамиля терпеливо сидел среди многобожников, и выявляя для мусульман их слабые места. Этот Мухаммад Танусинский был, кстати, советником великого шейха Мухаммада из Гортколо — проницательного ученого, муфтия, человека, с которым он делился своими тайнами.

Главой же мусульманских войск, знаменосцем, ведущим их на священную войну был тогда выдающийся герой Хаджимурад — лев, настроенный против неверных и отступников (*мулхид*). Это

был человек, в бою прекрасный, победоносный и удачливый, ставший мухаджиром ради возвеличения Корана, активный воитель за божье дело. В управлении отрядами этот Хаджимурад превосходил остальных командиров. Враги боялись одного имени «Хаджимурад». Прочие же люди, как близкие, так и далекие, из почтения к нему старались вести себя смирно. Одним словом, к тому времени слава о Хаджимураде уже разнеслась среди народа. Для более подробного перечисления достоинств Хаджимурада здесь, однако, не хватит места.

Победоносный Хаджимурад прибыл тогда в Хунзахский вилайет по Тлохской (К-х)^а дороге, подобно знаменитому полководцу Халиду ибн ал-Валиду²¹. Имам же Шамиль прибыл туда по дороге, проходящей через Арак-меэр во главе огромного войска, подобно пророку Мухаммеду, двигавшемуся на Мекку. Остановился имам в селении Тануси, и в это самое время на помощь врагам мусульманской религии прибыл проклятый генерал Аргутинский (Аргут) с войсками, состоявшими из преступных многобожников.

Враги встали лагерем вблизи селения Тануси, в котором находился имам. Они затем обстреляли было это селение из пушек, но против них выступили войска имама Шамиля и там произошло сильное сражение. В ходе его было перебито большое количество врагов ислама, после чего, не имея поддержки от Аллаха, они отошли назад. Одержать победу над мусульманами войска Аргутинского, таким образом, не смогли.

У людей, ставших по сути дела неверными, глаза буквально вылезали тут на лоб. Они пришли в смущение. Одним словом, все те, у кого на сердце было нечисто, решили укрыться в крепости Хунзаха вместе с многобожниками. Что же касается хунзахцев и прочих жителей Хунзахского вилаята, то они добровольно перешли тогда под власть имама.

Имам Шамиль был вынужден, однако, предав огню подчинившиеся ему селения и разрушив затем имевшиеся там дома, эвакуировать их жителей в центральную часть своего государства, что было сделано ради взятия хунзахской крепости. Началась эвакуация в начале месяца рамазан, соответствующего концу лета, тысяча двести пятьдесят девятого (1843) года и затянулась она примерно на три месяца.

После эвакуации жителей Хунзахского вилаята Шамиль пошел к крепости Гоцатля. Ее он взял без боя.

^а В тексте: К-н-и-х.

Затем, по окончании поста месяца рамазан, Шамиль выступил против крепости неверных, расположенной в Гергебиле (*Каркаби*), которая была заполнена людьми и снаряжением. Война против засевших в гергебильской крепости затянулась примерно на пятнадцать дней. Наконец, с помощью всевышнего Аллаха, крепость была взята. При этом было перебито столь большое число многобожников, что в местах их гибели из-за обилия трупов было не возможно пройти. Люди, сраженные за смерть, лежали там подобно стволам гнилых пальм; их потом оттащили в сторону и сбросили с высоты на берег реки. Хвала Аллаху за такую победу!

Затем Шамиль направился в сторону Равнины^а. * Остановившись тогда в Дженгутае, он сжег стоявшую там усадьбу Ахмадхана Мехтулинского^а. Население Равнины подчинилось имаму без боя. Что же касается повелителя-эмира Абулмуслим-шамхала, то он бежал в шуринскую крепость, а в его усадьбе, находившейся в Казанище, расположился повелитель правоверных Шамиль.

В Казанище, рассылая свои отряды к стенам крепостей неверных, Шамиль простоял около двадцати дней. К нему приходили туда делегации от всех жителей соседних округов и в конце концов имаму покорились почти все население Равнины. Даже тамошние тираны и князья из почтения к нему склонили свои головы.

Услышав об этих победах имама, неверные, которые находились тогда в Хунзахской крепости, перепугались и побежали оттуда. Мусульмане двинулись следом за ними и стали сражаться. Просторная было земля оказалась тут тесной для неверных. Их вынудили возвратиться в зиранинскую крепость, где они были окружены мусульманскими полками. Затем туда подошел еще и отряд Хаджимурада, возвращавшийся с Равнины. Мусульмане продержали тогда неверных в осаде в течение почти целого месяца.

Осада в Зирани утомила неверных. Голод поразил их столь сильно, что они были вынуждены съесть своих лошадей и тут, надо же, к ним подошла помощь — неверные из крепости Темир-Хан-Шура. При их только содействии войска, осажденные в Зирани, и смогли выйти из названной крепости, сбросив в реку то, что было невозможно взять с собой.

Неверные начали, таким образом, удирать, а мусульмане стали с боем преследовать их. В шуринскую крепость неверные тогда все же проскользнули, но при этом вкусили-таки поражение в упомянутом выше месте и в результате пришли униженными.

Имам тем временем возвратился в свое убежище. Дело в том,

^а Отмеченная фраза написана мелким шрифтом над основной строкой текста и кончается аббревиатурой: «Б[леск дагестанских сабель]».

что он увидел идущие на помощь огромные войска неверных. Последние все собирались и собирались в крепости Темир-Хан-Шура и это при том, что сподвижников имама и его помощников из числа местных жителей было тогда мало; существовала также опасность вероломной измены со стороны определенных групп людей.

[1844 г.]

В начале лета тысяча двести шестидесятого (1844) года начальник русских — проклятый *салдар* Воронцов ^{а 22} собрал отряды своих многобожников и двинулся в сторону города Чиркея. Услышав об их продвижении, повелитель правоверных Шамиль выступил было в поход, но узнав, что сила проклятых врагов ныне вдвое больше, чем прежде, счел за благо эвакуировать жителей Салатавии. Завершив их эвакуацию, Шамиль повернул затем в область ^б Алмака. В результате город Чиркей и прочие населенные пункты Салатавии попали в руки неверных.

Жители Чиркея были разделены тогда на две группы. Одна находилась на стороне повелителя правоверных Шамиля. Другая — стояла вместе с врагами мусульманской религии. Что касается русских, то они, предав Чиркей огню, разрушили его, не оставив камня на камне.

[1844 г.]

По прошествии довольно длительного промежутка времени проклятые враги вновь пришли в движение. Они начали подниматься в горы по Буртунайской дороге с целью захватить город Анди. Повелитель правоверных Шамиль с полками единобожников вступил тогда на путь войны, имея рядом подобных львам благородных наибов, готовых на глазах у имама пожертвовать своими душами ради того, чтобы сохранить названный исламский центр. В числе этих наибов были: кадий Галбац Каратинский — набожный ученый, подобный рыкающему льву; опора имама и правоверных кадий Абакар Аргванийский — свидетель принесения присяги [всем трем] имамам-борцам за веру, участник всех собраний, человек, который претерпел все мыслимые несчастья из-за

^а Имя командующего-салдара (Воронцов) написано над строкой основного текста мелким шрифтом.

^б Можно иначе: *в сторону*.

того, что затянул на себе пояс шарната; подобный Халиду ибн ал-Валиду дерзкий волк Хаджимурад — лев божий, напущенный на неверных и врагов ислама, символ нападения на тиранов и отступников, умелый предводитель конных и иных отрядов, воинственный борец за веру; превосходный ученый Гитин Данухский — отчаянный храбрец.

Когда повелитель правоверных Шамиль увидел, что войска многобожников многочисленны, он приказал поджечь город Анди и андийские селения. Вскоре в большой силе подошли и сами многобожники. Мусульмане были не в состоянии оказывать им сопротивления и многобожники вступили в названный город, но он был уже сожжен. Многобожники двинулись тут в направлении группы мусульман, которая стояла вместе с имамом Шамилем на краю горы, принадлежащей селению Тандо (*т-нда*). Названная группа,

однако, не вступая в бой, обратилась вдруг в позорное бегство, в результате чего рядом с имамом осталось тогда лишь порядка десяти сподвижников. Это в свою очередь, привело к тому, что силы, объединенные вокруг Шамиля, рассыпались и он возвратился в Чечню просить помощи у чеченцев.

Проклятый *салдар* Воронцов, простояв в Анди около месяца, направился затем во главе авангарда своего войска к селению Дарго, которое тогда было также уже сожжено. Воронцов-*сал-*

дар встал там лагерем. Аррьергард же его войск оставался еще на Андийских горах, вместе со своими пушками, палатками и прочим провиантом.

Борцы за веру поспешили тут к дороге, по которой продвигались многобожники, чтобы напасть на них из лесу, который находился вокруг. Они устроили в этом лесу засаду и начали следить. Наконец, мусульманам представился удобный момент и возможность погубить врагов. Они напали на неверных и те обратились в бегство, бросая свою казну и оставляя свои пушки. Мусульмане тогда очень сильно потрясли их.

Проклятые многобожники простояли в Дарго несколько дней. Наконец их одолел голод, а сердца их поразил страх. Они начали бежать, а мусульмане стали преследовать их и избивать. Обстреляв многобожников из лесу и справа, и слева, они вступали в рукопашные сражения с ними. В результате всего этого, при помощи Аллаха большое количество последних было перебито.

Многобожники были тогда столь сильно напуганы, что не смели оказывать сопротивление нападавшим на них мусульманам и ударам их сабель. Так дело обстояло в течение трех дней и ночей, пока, наконец, последние из числа бегущих не добрались до крепости Хасавюрт.

В том сражении было убито несколько тысяч многобожников. Мусульмане кроме того захватили столь огромную добычу, что о подобной ей до сих пор никогда и не слышали. Далее, в том сражении, происшедшем зимой тысяча двести шестидесятого (1844) года, пал мучеником за веру шедший по пути истины нанб Сухайб²³. Да помилует его Аллах!

Через небольшой промежуток времени Шамилю пришло на ум поднять людей и выступить в сторону Цудахарского и Акушинского вилайатов. Целью его было подтолкнуть цудахарцев и акушинцев к принятию шариата и укрепить их в неприязни к врагам мусульманской религии. Итак, Шамиль повел свое войско. Остановился он у Акуша, а затем около Балхара и Цудахара. Акушинцы, балхарцы и цудахарцы выказали имаму вначале полное повиновение. Когда, однако, к ним на помощь прибыли неверные, то они все вместе вероломно изменили Шамилю и тогда воины имама были вынуждены бежать назад. При этом каждый, кто встречался на пути отступавших борцов за веру, вступал с ними в сражение, и это в то время, когда отряды местных тиранов и неверных с боем преследовали их. Продолжалось все это до тех пор, пока воины ислама не дошли до Корординского моста.

Враги встали затем лагерем на восточном берегу реки, а войска имама — на западном. Простояли они там целую неделю, ведя взаимный обстрел и сражаясь. Кстати, у Корординского же моста во время вечерней молитвы пал мучеником за веру известный ученый Исиниль Мухаммад из Итля. Было там убито тогда и множество неверных.

По милости всевышнего Аллаха в сердца неверных был наконец вселен страх. Они повернули назад. Мусульмане же стали тут их, отступающих, преследовать. Они сражались с этими многобожниками до тех пор, пока не достигли Дарада-мурадинского горного прохода.

Произошли эти события в том же тысяча двести шестидесятом (1844) году.

[1845 г.]

По прошествии времени имам Шамиль направил мусульманские войска к городу Чох. Командиром над ними он назначил тогда Даниялсултана. Причиной же их отправки было то, что жители Чоха, руководствовавшиеся ранее указаниями имама, чрезмерно возгордясь, перешли все границы. Произошло все это из-за принятия чохскими вельможами награды и подарков от проклятого генерала Аргутинского.

Двигавшиеся к Чоху воины имама встали лагерем на Ходобской равнине (*майдан*), откуда командующий мусульманским войском Даниялсултан отправил чохцам письмо. В нем он призывал их покориться имаму и установить у себя шариат. Они на это, однако, не согласились. Дело в том, что чохцы обратились перед этим за помощью: к эмиру Аглару Казикумухскому²⁴, а также к

акушинцам и цудахарцам и те незаметно уже подходили к Чоху с разных сторон. Наконец они спустились в названный населенный пункт. Что же касается мусульманских полков, то они встали тогда в нижней части Чоха. Затем на протяжении восьми дней между ними шел бой, причем внутри города действовали два шамилевских наиба — Хаджияв 'Инкав и хаджи Муса. На десятый день

боев отряды противников имама и шариата были наконец разбиты и в руки мусульман попала солидная добыча.

Затем воины имама разошлись по всему Чоху, где им удалось заполучить и золото, и серебро, и дорогую мебель, и прекрасные одежды и прочие богатства. Причем все это досталось им в количестве, которое не сосчитать.

На следующий день Чох был сожжен. Что же касается его жителей, то они были переселены тогда в другое место.

В этой битве за Чох, которая произошла в конце зимы тысяча двести шестьдесят первого (1845) года, мучениками за веру пали более ста человек. Столько же борцов за веру получили тогда ранения.

[1847 г.]

По происшествии года и нескольких месяцев русские приблизились к селению Салта. Против них выступил, однако, имам, кото-

рый поднял еще и наивов. Когда последние подошли к Салта, имам послал часть их внутрь салтинской крепости, а остальных рассадил по вершинам близлежащих гор и холмов. Войска же неверных расположились тогда поблизости от селения и затем приступили к осаде крепости.

Неверные приблизились наконец к Салта настолько, что люди, находящиеся внутри этого селения, слышали бряцание их подков. Затем они отрезали борцов за веру от путей, по которым к тем поступала пища и вода. Мало того, из-за препятствий со стороны неверных, даже к речке они могли ходить лишь глубокой ночью. Неверные при этом постоянно сбрасывали в речку трупы и помет, а борцы за веру украдкой по ночам брали эту оскверненную воду и из-за сильной жажды пили ее. И вот в столь стесненных обстоя-

тельстввах при всех этих тяготах, павших на плечи мусульман, всевышний Аллах подверг их еще одному испытанию — среди осажденных распространилась холера. Они, однако, стойко и безропотно претерпели и это. Уповая на Аллаха, борцы за веру, засевшие в Салта, лишь еще сильнее затянули тогда пояс своего усердия в деле священной войны.

Враги придумали тут новую хитрость, чтобы взять салтинскую крепость. Под крепостной стеной они проложили подземную галерею, заходящую под самый низ крепости. В галерею эту неверные заложили много пороха, который затем и подожгли. Крепость вздрогнула, она оказалась как-бы подброшенной в воздух, вследствие чего фундамент крепости оторвался от нее самой. В Салта, несмотря на дневное время, стало тогда темно, как ночью.

Борцы за веру, засевшие там, вытерпели, однако, и эту беду. Они хладнокровно перенесли все тяготы, связанные со священной войной. С обнаженными саблями в руках они вышли из салтинской крепости лишь тогда, когда полностью убедились в невозможности сохранить свою жизнь, оставаясь там. Готовые к смерти, они двинулись сквозь ряды врагов, которые сами тогда освободили им дорогу.

В Салта пало мучениками много борцов за веру, хотя, правда, многобожников было перебито тогда в несколько раз больше. Много юных воинов ислама умерло, кроме того, и от холеры. В общем эта битва была для мусульман, можно сказать, тяжелейшей. Ведь в течение целых трех месяцев, и днем и ночью, на них дождем сыпались ядра. Все это время они не имели ни сна, ни покоя.

Началась салтинская битва в последнем месяце весны тысяча двести шестьдесят третьего (1847) года, а закончилась в конце лета.

[1848 г.]

Затем примерно через год отряды преступных неверных подошли к мусульманской пограничной крепости Гергебиль. Повелитель правоверных Шамиль с войсками, сформированными из единобожников, выступил на священную войну с ними.

Проклятые враги остановились тогда на открытом пространстве, расположенном перед селением Гергебиль. Мусульмане же заняли края [близлежащих] холмов, а кроме того, они подстерегали своих врагов в садах, где затем в ходе боев наносили им много вреда, но зачастую и сами страдали от их действий. Успехи в войне бывают ведь то у одной стороны, то у другой.

Затем, однако, враги сумели зайти в тыл защитникам гергебильской крепости. [Оттуда] они постепенно приблизились к ней и в результате окружили ее со всех сторон. Мало того, на путях, ведущих в эту крепость, в отдельных местах многобожники возвели тогда башни, куда поставили большие пушки.

Сражаясь с мусульманами и осаждая их, они в конце концов полностью отрезали последних от провианта. Этим многобожники ослабили сопротивление мусульман и их активность в священной войне. Вот тогда-то глубокой ночью мусульмане и ушли из Гергебиля. Тамашнюю крепость они оставили при этом пустой и разрушенной.

В Гергебиле пало мучениками много видных борцов за веру. Среди них были: ученый наиб Хаджар Гигатлинский, набожный ученый Абакар Чиркеевский, ученый кадий Шихша Батланчинский — муфтий Хунзахского округа, проникательный ученый Хаджив — сын ученого кадия Мухаммада Танусинского и, наконец, ловкий храбрец Гимбат Ободинский. Да будет им земля пухом!

Гергебильская битва продолжалась три месяца.

Неверные сожгли затем селение гергебильцев и порубили их сады. Там они простояли тогда столько времени, сколько пожелал Аллах.

Имам Шамиль счел затем целесообразным воздвигнуть неприступную крепость на берегу Койсу, на высоком холме, именуемом Ули. Воздвигнув Улинскую крепость, он посадил в ней в качестве стражей храбрецов из числа гергебильских *муртазиков*, а также героев-*мухаджиров*. Стражи эти соорудили затем крепостную стену на берегу Койсу, в результате чего названный форпост ислама стал для врага полностью закрытым. Улинская крепость защищала отныне мусульман от вражеских атак подобно тому, как вуаль защищает женщину.

[1848 г.]

Осенью того же года имам Шамиль, взяв одну из своих пушек, выступил со своими воинами в поход. Вместе с ним находились тогда видные мухаджиры и другие герои-борцы за веру. Войска эти имам направил в сторону ахтынской крепости. Остановившись в Ахта, мусульманское войско осадило затем в названной крепости группу неверных. Что же касается ахтынцев, то они были тогда разделены на две группы: одна действовала рядом с повелителем правоверных Шамилем, а другая вместе с неверными находилась в крепости.

Во время осады Ахтынской крепости и происходивших тогда сражений мусульмане оказались сильнее неверных. При всем

этом, однако, с их стороны пал мучениками за веру ряд отборных юношей.

Пушкой имама распоряжался в той битве хаджи Яхья Чиркеевский²⁵. Однажды, во время обстрела крепости, который вел он, ядро попало в пороховой погреб неверных и тот взлетел на воздух. Тогда же обвалилась часть крепостной стены, в результате чего образовалась брешь. Ворваться, однако, в Ахтынскую крепость сил хватило тогда лишь у благородного наиба Кади Ичиалинского, да еще у пронизательного героя Месеколава Андийского.

В то время, как мусульмане были заняты осадой, со стороны Чирахских гор вдруг появился проклятый Аргутинский с войсками, состоявшими из братьев сатаны. Затем эти войска начали спускаться с Чирахских гор, но тут их встретили полки имама Шамиля. Борцы за веру сразились с многобожниками и заставили их отступить назад. На следующий день Аргутинский пошел уже со стороны селения Хазра. Два враждебных скопища — мусульмане и неверные столкнулись на широком, открытом пространстве. Там они и вступили в сражение. На этот раз поражение потерпели мусульмане.

В этой битве, которая произошла в тысяча двести шестьдесят четвертом (1847/48) году, мучениками за веру пало много ученых, а также благочестивых людей и мухаджиров. Да соберет их всех Аллах в раю в обществе пророков и правдивейших людей!

[1849 г.]

Через год после этого проклятый Аргутинский со своими людьми и со всем своим снаряжением двинулся против исламской крепости, воздвигнутой в Чохе. Выступил тогда в поход и повелитель правоверных Шамиль с войсками борцов за веру. Остановившись на площадке Ходоб и обустроив как следует свои полки, Шамиль направил часть наибов командирами в чохскую крепость. Каждому наибу он по своему имамскому усмотрению определил при этом участок.

Войска проклятого Аргутинского спустились тем временем с горы [Турчи-даг] и встали лагерем поблизости от чохской крепости. Затем неверные подтянули к ней свои пушки на расстояние полета стрелы. Из этих-то пушек многобожники и обстреливали чохскую крепость, а также войска мусульман, находившиеся рядом с ней. Таким вот образом они вели сражение против мусульман, засевших в чохской крепости.

Разрушив наконец большую часть крепости, многобожники полностью блокировали выдающихся личностей, которые находились тогда в ней. Те же к тому времени уже почти не могли ни фехтовать, ни стрелять. Борцы за веру, одним словом, размякли, а у их руководителей утомился.

Имам же собрал тем временем своих набов, и со всей строгостью пригрозил им, сказав: «Я не оставлю, клянусь, желтые чалмы на ваших головах, если вы, забыв о мужестве, покинете эту крепость и она в результате попадет в руки мерзавца Аргутинского». Этими словами Шамиль взбодрил их. Тогда же он в самой строгой форме сделал необходимые распоряжения и Хаджимусе-наибу.

И вот уже люди, засевшие в чохской крепости, начали проявлять усердие. Невзирая на пост месяца рамазан, который соблюдали осажденные, и на летнюю жару, они стали носить на своих плечах лесоматериал из расположенного вдали леса. Из него они делали ящики, которые заполняли землей, а затем возводили из них крепостное сооружение типа лестницы. Так действовали они ежедневно и еженощно, а если кто-либо вдруг публично заявлял: «Русские все равно возьмут эту крепость», — то такому человеку зашивали рот.

Проклятый Аргутинский увидел таким образом, что люди, осажденные в чохской крепости лишь затянули еще туже пояс усердия — готовы к продолжению священной войны и полны терпения, и что в этом сражении они проявляют стойкость — воюют не на жизнь, а на смерть, не показывая спины. Тогда-то он со своими войсками и решил повернуть назад. На следующий день рано утром обанкротившиеся неверные действительно покинули свое местопребывание. Мусульмане же пустились тогда вслед за своими врагами — фехтуя и стреляя, согласно своему обычаю, которого они упорно придерживались.

Чохская битва, продолжавшаяся примерно два месяца, имела место в тысяча двести шестьдесят пятом (1848/49) году. В битве этой пало мучениками за веру большое количество благородных храбрецов и сильных юношей. Да вознаградит их всевышний Аллах райским блаженством!

После ухода врагов чохская крепость была вновь подготовлена к боям, причем ее обустроили даже лучше прежнего. В целостности и сохранности она пребывала затем вплоть до того дня, когда закончилось правление Шамиля. Да напоит его всевышний Аллах из райских водоемов!

Упомянутое здесь — это лишь небольшая часть многочисленных шамилевских сражений. Полного изложения их в сей брошюре не поместить.

После всего этого могущество имама Шамиля возросло. Ислам получил, таким образом, необходимую защиту.

Сын имама — Газимухаммад достиг тем временем совершеннолетия и приступил к управлению своей областью и своим войском, произнеся соответствующую речь перед войсками, он вступил на путь священной войны за дело Аллаха. Газимухаммад пошел по стопам отца — Шамиля и таким образом оживил в глазах современников подвиги имама Газимухаммада — своего знаменитого тезки.

Дела мусульман пришли наконец в полный порядок. Могущество многобожников было сломлено. Повелитель правоверных Шамиль успокоился. Он размышлял теперь о том: как бы соблюсти интересы своих воинов, — занимался установлением справедливого порядка среди своих подданных, тушил огни насилия, вспыхивавшие со стороны тех или иных людей и время от времени рассылал конные отряды в различные отдаленные страны. Так, например, отряд победоносного Хаджимурада был тогда направлен к границам Кайтага и Табасарана. В это же время Шамиля стали посещать делегации, прибывающие из самых далеких краев. Его властной силе покоряются теперь люди могущественные, вчерашние противники дела ислама.

Имам Шамиль — да помилует его Аллах! — на протяжении целых двадцати лет ожидал, что придут приятные вести из Османского государства. Мало того, он сам отправлял делегации к источнику власти — его величеству²⁶ Абдулмаджид-хану — прославленному халифу, верховному правителю многих народов, хранителю стран, населенных арабами и не арабами, потомственному султану, вонителю за веру.

[1851 г.]

Всевышний Аллах, однако, не только объединяет и обеспечивает спокойствие. Бывает и по-другому. Так, Шамилю, например, была подставлена подножка: в результате проносов со стороны клеветников и злобных интриг со стороны людей упрямых и враждебно настроенных, к русским ушел его помощник Хаджимурад — лев, борец за веру. Это, однако, было предопределено самим Аллахом!

Шамиль в результате был вынужден теперь воевать, по мере сил за дело Аллаха, имея малое количество людей, припасов и вооружений. Ради, однако, возвышения святого Корана он был согласен терпеть эту тяжкую беду.

К Шамилю, находившемуся в названном положении, поступило письмо от османского двора. В нем говорилось: «Войска Османского государства в тысяча двести семидесятом (1853/54) году двинулись в сторону Дагестана». Узелок на печальном сердце имама тут развязался. Мусульмане обрадовались и стали благодарить Аллаха.

Шамиль со всеми своими войсками выступил в направлении Грузинских вилайатов, страстно желая, чтобы всевышний Аллах одарил его встречей с армиями Османской династии. Остановился имам в горах, возвышающихся над Грузией, и затем отправил туда своего сына — воителя за веру Газимухаммада.

Газимухаммад напал на грузин подобно льву. При помощи всевышнего Аллаха он захватил грузинские города и в руки его попало тогда много богатств в качестве добычи. Кроме того, названный сын имама перебил в Грузии не мало мужчин и взял в плен немало женщин.

В Грузии мусульмане приобрели в качестве добычи много денег и товаров, и привели оттуда столько буйволов и иного скота, сколько захотели. Они также получили там столько ценностей — золота, серебряных монет, драгоценных, обычно скрываемых сосудов, собранных веками сокровищ, украшений, дорогих, особо тщательно хранимых браслетов, драгоценных шелковых одежд и блестящих шелковых постелей — что их сильные кони были не в силах нести это на себе. Мало того, в плен попали жены знатных грузин, скрываемые от посторонних глаз и благородные дети грузинских князей²⁷. Все это обрадовало мусульман и они возносили всевышнему Аллаху благодарность за те милости, которые Он оказал им.

Что же касается повелителя правоверных Шамиля, то он был тогда сильно огорчен, так как до него дошла весть о заключении мира между Османским государством и злополучными христианами, после чего в его груди потух огонь страстного желания встретиться с османской армией. Шамиль пошел в результате назад, говоря: «Так уж видно преопределил Аллах».

Произошло все это в тысяча двести семидесятом (1853/54) году.

Грузинские пленники были затем отданы в качестве выкупа: за сына имама — Джамалудина, который попал в руки неверных в дни сражений за Ахульго; за других, находившихся в плену мусульман; а также за огромную сумму денег, доходящую до нескольких миллионов монет чистым серебром²⁸.

Неверные увидели, таким образом, мощь жителей этой горной исламской страны и узнали, сколь ревностны они в сражениях.

Эти многобожники воочию убедились теперь, что горцы — мусульмане стремительны в атаках и храбро действуют в самых опасных местах, и, что они не в силах победить их, несмотря на двадцатилетние боевые действия. Мало того, многобожникам не удалось хотя бы ослабить их и помешать им следовать за имамом Шамилем. Поэтому неверные начали строить козни, чтобы пробить брешь в сплошной крепостной стене, возведенной мусульманами, и сокрушить их со стороны прелестнейшей территории, а именно — земли чеченцев-мичиковцев (*мичихич*).

Эта земля представляет собой благословенную территорию, где растут большое количество хлеба и различные растения, где низкие цены, в том числе и на продукты питания. Сами мичиковцы — люди доблестные и ревностные в боях; именно из этой Мичиковской земли, охраняемой темными лесами и чащами, поступает хлеб в другие места и города, и именно оттуда возвратились назад, в горы, религиозные законы и обряды.

Неверные двинули против Мичиковской области всех своих людей. Туда же они направили тогда свои припасы и свое снаряжение.

Начали неверные с вырубki лесов и в конце-концов превратили их в подобие скошенных полей. Они также расширяли имевшиеся дороги и узкие проходы, а на путях и в местах, где делают привалы, воздвигали крепости.

Что же касается имама Шамиля, то он постоянно сражался с неверными, которые наступали на мичиковцев. При этом то имам побеждал, то его побеждали.

Мусульмане-мичиковцы продолжали вести священную войну. За все это время они не сняли с себя походных одежд и не выпускали из рук оружия ни днем, ни ночью. Годами, за весь летний и зимний период мичиковским борцам за веру не удавалось понежиться в супружеской постели более чем одну неделю. В результате под сенью родных пенатов они чувствовали себя словно бы чужаками или гостями.

Эти тяготы, поразившие мусульман Мичиковской области, затянулись уж слишком. У них, постоянно находящихся под ружьем, не оставалось уже времени на приобретение средств к жизни и прокормление своих семейств. Вот тогда-то священная война и стала им как бы надоедать. Бедствия ради дела мусульманской религии, которые раньше переносились добровольно, мичиковцы стали терпеть лишь из покорности. Ведь эти борцы за веру превратились теперь в людей столь неимущих, столь бедных, что, бывало, не находили: какую же провизию взять им с собой в поход и чем будут питаться их домочадцы. Мало того — перед мичиковцами были закрыты к тому времени пути, по которым из княжеств Рав-

нины и прочих областей традиционно поступали к ним соль, железо и бязь. Вот тут-то и стали появляться признаки лицемерного отношения к шариатской государственности со стороны тех, кто и ранее не был искренним по отношению к исламу и не верил особо в загробную жизнь. Многие из таких людей даже перебежали теперь под сень русской власти и сделали это ради личного преуспеяния, денег и наград.

Около русских собралось постепенно большое количество неправедно живущих типов. Они со временем стали водить этих врагов исламской религии на мусульманские земли, показывать им слабые места, имевшиеся тогда у мусульман, и даже сражаться с истинными приверженцами ислама, стоя впереди христиан. Вот таким-то путем и было сломано подобное (по структуре?) стеклу единство, существовавшее ранее среди мусульман. Именно так образовалась брешь в стене религиозной крепости, после чего преступные многобожники получили удобный момент, чтобы действовать.

В это время повелитель неверных отдал приказ подчиненным ему нечестивым главарям, чтобы они непрерывно и неотступно действовали против вождя правоверных Шамиля: пока либо сами не захватят его в плен, либо не перемрут от его руки, все до единого. Проклятый *салдар*²⁹, собрав свои войска, повел их тут в поход. Войска, которые двинулись тогда вместе с ним, были при этом столь огромными, что мусульманам перед ними было явно не устоять. Мало того, на каждом направлении для ведения боевых действий этот *салдар* назначил в качестве командующего по одному мужлану.

Начали многобожники свои действия с мишкковского направления. Приближаясь постепенно, они подошли к обители имама — селению Дарго. После сражений и осады, затянувшихся примерно на месяц, многобожники все же взяли этот населенный пункт.

Имам Шамиль тем временем ушел на Гуниб, который представлял собой гору с вершиной наподобие блюда, имеющего поднятые, крутые края. Вокруг Шамиля собралось там, однако, лишь около пятисот воинов — мухаджиров и гунибцев. Что же касается союзников имама и его доверенных лиц, то многие из них тогда вероломно изменили ему и поэтому неверные смогли завладеть, правда согласно мирному договору, всем имамским государством. При этом произошло всего лишь одно небольшое сражение — у Сагринского моста.

Имам Шамиль и те, кто остались тогда вместе с ним, укрылись, таким образом, на горе Гуниб. Они заблокировали узкие горные проходы, ведущие туда, взяли под охрану отдельные края

названной горы и иные опасные места. Управляющим (*амил*) делами тех, кто находились на Гунибе, был назначен превосходный ученый, храбрый и отважный наиб, аварец Дибир — сын Инквачилава. Это был, кстати, один из самых хитроумных управляющих в государстве имама, прекрасный специалист военного дела.

В окружении имама Шамиля и его людей приняли участие все те, кто находились тогда в Дагестане — мусульмане и язычники, евреи и христианские сектанты, русские и грузины. На разных сторонах гунибской горы они выискивали теперь место, откуда можно было бы подняться наверх. Наконец им попалась на глаза щель в скалах, не имеющая караула. Через эту-то щель глубоко ночью по веревочным лестницам и поднялась большая масса многобожников, которые вскоре заполнили всю верхнюю часть Гунибского плато. Мусульмане вступили было в бой с ними и сражались столь долго, насколько у них тогда хватило сил. Вскоре, однако, у борцов за веру остался один-единственный выход — либо погибнуть, либо возвратиться в селение Гуниб. Тогда-то они и ушли с тех мест, которые охраняли.

Что касается имама Шамиля, то он находился тогда в гунибской мечети. Затянув пояс смерти, он готовился там к мученической гибели за божье дело. Человек умирает, однако, лишь с разрешения Аллаха!

В это самое время к Шамилю прибыли вдруг посланники *сал дара* с предложением заключить мир и обещанием пощады. Имам хотел было отказаться от предложенного, да попросили женщины и дети. Ради них только он и смягчился.

Шамиль, таким образом, принял предложение о мире. Условием сдачи имама было при этом то, что враги оставят его самого и его семью в стране ислама, [т. е. в Дагестане]; отметим, что на Гунибе мучениками за веру пало к тому времени уже большое количество благородных, набожных людей — и мужчин, и женщин.

После того, однако, как повелитель правоверных Шамиль оказался в руках у многобожников, их проклятый салдар допустил вероломный обман. Изменив уговору, он отправил Шамиля вместе с его семьей в Петербург. В результате затмилось в Дагестане солнце ислама, народ объяла тьма. Мусульмане растерялись. Они уподобились людям, пришедшим в состояние как бы опьянения при виде того, что наступил день Страшного суда. Сабли борцов за веру скрылись в ножнах. Шариатская система начала разваливаться. Герои-воители за веру впали в состояние депрессии. Муналики же и ренегаты подняли головы. Они повели себя так, словно бы овладели Вселенной. Удивительно, удивительно все это было видеть! О, верующие братья!

Произошли эти события в начале тысяча двести семьдесят шестого (1859) года.

Утешением для истинно верующих может, видимо, послужить рассказ о подобной же беде, поразившей в прошлом мусульманство: «Когда монголы захватили главный город ислама Багдад, в Ефрат было сброшено столь огромное количество научных книг, что конница переходила эту реку прямо по ним. Далее, тогда же были уничтожены ученые, а кроме того за один только день было перебито сорок тысяч детей. Что касается Коранов, то их подвешивали на шею собак, а мечети были превращены в церкви.

Весть обо всем этом дошла до познавшего Аллаха Афифуддина ат-Тимлисани, который тогда находился в Египте, и он сказал: «Что это? О, господи! Среди убитых имеются ведь и дети и те из числа взрослых, которые никогда не бунтовали против Тебя!» После этого Афифуддин увидел во сне какого-то человека с книгой в руках и он-де, Афифуддин, взяв данную книгу, обнаружил в ней следующие стихи:

«Не высовывайся! Это дело не для тебя.
Тайны движения небесного свода непостижимы.
Не спрашивай Аллаха о Его деяниях,
ибо тот, кто лезет в морскую бездну, погибнет».

Об этом случае шейх ал-Баджури пишет в книге «Тухфа ал-мурид ли джавхар ат-тавхид», а известный исследователь Хасан ал-Адави в «Шарх Иршад ал-мурид». Последний, однако, допускает при этом некоторые расхождения фразеологического порядка.

Здесь кончается текст, составителем которого является плод моего сердца хаджи Хайдарбек-эфенди — собиратель сведений о различных достойных поступках и должностях, человек в высшей степени добродетельный и почтенный, мой господин.

Подается все это с небольшими сокращениями, сделанными в некоторых местах, но в то же время и со значительными добавлениями, принадлежащими мне лично. Сделаны последние на основании бесед с участниками тех событий и сообщений заслуживающих доверия старшин, которым приходилось бывать вместе с повелителем правоверных Шамилем.

В конце оригинала своего сочинения покойный [Хайдарбек] сказал вкратце следующее: «Это — как бы глоток, взятый из пучины сражений победоносного борца за веру Шамиля, лишь очень малая часть подвигов этого знаменитого, совершенного правителя и шейха. Информатором моим является тут Абакар-дибир Аргванский, который повсюду бывал вместе с имамом Шамилем и претерпел множество бедствий ради возвеличения Корана.

Подробное перечисление всех подвигов Шамиля — дело просто невозможное для подобных мне слабых людей. Глубоко познать все его похвальные качества — это все равно, что пытаться переплыть море, а на это не решится никто из моих современников. Разве не так? Клянусь, если бы я, при содействии всевышнего Творца попытался собрать и описать все деяния названного имама, то образовались бы огромные тома».

Следует, однако, отметить, что [Хайдарбек] является лишь редактором текста, который по его просьбе набросал вчерне достойный дибир Абакар Аргванийский. Он резюмировал то, что слишком растянуто изложил последний. Названный [дибир] сам попросил [Хайдарбека] об этом по причине изящества оборотов, которые тот употреблял, лаконичности его стиля и красноречивости при письме по-арабски.

[1859 — 1870 гг.]

Итак, благодаря силе и милости всевышнего Аллаха!, спаситель народа, аргумент величия ислама — шейх Шамиль, на протяжении двадцати лет, или даже больше этого, сражаясь, приводил в ярость врагов мусульманской религии и христиан. Этот имам напал на них согласно законам священной войны: брал их в плен, грабил, захватывал их поселения и обители. Он перебил многие тысячи врагов ислама. Затем, однако, сам был побежден многобожниками и оказался у них в плену.

Шамиля, попавшего в руки многобожников, всевышний Аллах избавил от унижений и мести с их стороны. Они с почетом, выказывая большое уважение, доставили имама в свою столицу Петербург. Аллах при этом спас не только Шамиля, но также его семью и прочих домочадцев³⁰. От рук многобожников какого-либо вреда им претерпеть не пришлось. Мало того, Всевышний принудил их безвозмездно действовать в пользу имама — в конце концов они сами доставили Шамиля вместе с его семьей в священный город Мекку, куда, как известно, люди попадают обычно лишь с величайшим трудом³¹.

[1870 — 1871 гг.]

Жизнь в Мекке была для Шамиля приятной. Состояние его там первоначально улучшилось. Он исполнил церемонии, связанные с хаджем — как с большим, так и малым, а затем посетил светлейшую Медину и прикоснулся к благодати, исходящей от пречистой усыпальницы пророка Мухаммеда, которая находится там

После того, как все мечты Шамиля исполнились, отведенный ему срок жизни закончился. Произошло это событие в 1287/1870—71 году в Медине, куда в свое время переселился и благословенный пророк Мухаммед. Похоронили имама Шамиля на мединском кладбище Джаннат ал-баки, рядом с мавзолеем Аббаса — дяди пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует!

Да будет всевышний Аллах доволен имамом Шамилем, а также прочими имамами ислама и мусульманскими правителями! Аминь!

Переписка этого трактата рукой писца Абдурахмана — сына Абдурахмана из Большого Дженгутая завершена 12-го декабря 1940 года.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

VII

[О ВОССТАНИИ В ДАГЕСТАНЕ И ЧЕЧНЕ 1877 Г.]

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Со времени установления в Дагестане русского управления и возвращения господства обычному праву прошло девятнадцать лет. И вдруг там распространилась информация, исходившая от имени воинственного государя, прославленного османского султана Абдулхамида¹, которая гласила: «Договор о безопасности, заключенный с поклоняющимся кресту главою русских — расторгнут. Его султанское величество начинает священную войну. Армии султана к боям подготовлены»². Произошло это в тысяча двести девяносто четвертом (1877) году.

Неверные собрали тут войска со всех подвластных им территорий. Образовалась великая армия. Большую часть этой силы они, однако, направили против областей, подвластных названному османскому владыке — *хункару*. Что же касается наших земель, то там неверные оставили лишь незначительные гарнизоны, расквартированные в крепостях и некоторых [открытых] местностях.

[апрель — май 1877 г.]

По получению данной информации, отдельные группы мусульман пришли в движение с целью начать священную войну против русских-многобожников. Так, в области чеченцев-мичиковцев (*мичигиш*) против них выступил борец за веру, которого звали Алибек-хаджи³. Мичиковцы подчинились этому Алибек-хаджи, вокруг которого собралось многочисленное скопище как мухаджиров, так и верных сподвижников из числа местных жителей. В союз с ним вошли жители салатавских селений, а также часть гумбетовцев.

Против Алибек-хаджи выступили тут оставшиеся [на Кавказе] многобожники и те мусульмане, которые были их друзьями. Между ними произошло много сражений. Успеха однако, истинные мусульмане тогда не имели.

Неверные сожгли два гумбетовских селения — Данух и Артлух. Они взяли в плен тамошних мужей и захватили их богатства; в последствии данухцы и артлухцы вместе с их семьями были отправлены в Сибирь. Тогда, таким образом, в плен попало немало добрых мужей-гумбетовцев, а ряд героев из числа их пал мучениками за веру.

[конец мая — июнь 1877 г.]

Затем пришла весточка от цунтинцев (*цунтал*): «Мы объявили войну и уже захватили солидную добычу. Нашим главой является один из нас. Зовут этого человека Гарахаджи».

Против цунтинцев выступили тут полки, сформированные из мусульман-предателей⁴ и многобожников. Вся эта масса напала на цунтинцев. Те вскоре убедились, что капитуляция их не спасет и тогда укрепились в селении Асах, ибо это было неприступное селение с несколькими крепкими замками, которое до того времени еще никогда не захватывалось врагами.

Засевшие в Асах были подвергнуты сильному обстрелу из пушек и ружей, который в течение двух дней не стихал с утра и до вечера. Наконец, дома жителей Асаха превратились в развалины, а их замки рассыпались, но цунтинцы, находившиеся там, стояли непоколебимо и храбро сражались за дело Аллаха. Уповая на Всемилостивого, они образовали тогда из своих тел подобие каменной крепости. В конце концов, однако, почти все они, за исключением примерно двадцати человек, пали мучениками за мусульманскую веру.

А ведь этих цунтинцев было там около тысячи бойцов! Они стояли впереди своих женщин и детей под пулями и ядрами, сыпавшимися на них словно дождь. Один за другим падали цунтинцы убитыми, но продолжали сражаться, пока почти все не погибли за дело Аллаха!

Селение Асах было взято лишь на третий день боев. Там при этом было убито большое количество многобожников.

Огонь, разоженный цунтинскими борцами за веру, таким образом, погас. Однако в начале месяца рамазан того же 1294/1877 года ради оживления шариата и других признаков исламской религии выступили новые группы единобожников⁵. Произошло это в Согратле, Телетле, Казикумухе и в Даргинском вилайете.

Итак, в священную войну вступили казикумухцы⁶. Они захватили русскую крепость, убили ее начальника (*начаник*) и находившихся в ней солдат. Что же касается самих казикумухцев, то из их числа в тот день за дело Аллаха было убито сто добрых мужей. Главой казикумухцев, тем, кто первым ради названного дела выстрелил из ружья, был храбрый герой Джафарага — сын эмира Агалара⁷.

До мусульман дошли к тому времени послания, направленные от имени Османского государства: с сообщениями о победах, с уверениями в поддержке и обещаниями, присоединившись к ним, долго оставаться рядом с ними. Мусульмане эти сочли тогда, что, если Аллах дарует им сейчас победу, то за ними последуют и остальные приверженцы ислама, проживающие в регионе. Поэтому их охватило пылкое желание бросить царскую службу (*начавул*), а также отказаться от заключенного с русским государством договора, дарующего им безопасность. Согласившись вступить теперь в сражение с последним и быть при этом стойкими, мусульмане заключили между собой договор о взаимопомощи и поклялись держаться этого договора до самой смерти. Звание имама они возложили на Хаджимухаммада — сына^а святого шейха Абдурахмана-хаджи Согратлинского⁸.

Имам Хаджимухаммад стал тут призывать людей к соблюдению положений исламской религии и народная масса ответила ему согласием. Следует при этом отметить, что призывы имама проникли тогда даже в Кайтаг и Табасаран и были восприняты там положительно. Иной позиция оказалась только у хунзахцев (*ахл авар*) и тех из числа хиндалальцев, гумбетовцев, андийцев и жителей Равнины, которые последовали за ними, продолжая твердо придерживаться договора, заключенного с неверными.

Имам Хаджимухаммад выступил [из Согратля] и встал лагерем на Ходобской равнине вместе со своими помощниками и видными лицами государства. Он приступил там к мобилизации войск и начал руководить уже идущими военными действиями. Тогда же имам принялся рассылать конные и пешие отряды, которые должны были наблюдать за неверными, нападать на них,

^а В рукописи ошибочно: «отец (*валид*)», вместо «сын (*валад*)».

подобно львам, а также вторгаться в те или иные крупные населенные пункты и, предоставив их жителям охранные грамоты, заключать с ними соответствующие договоры.

Один такой пеший отряд пошел к Салтинскому мосту, охраняемому солдатами. Подходя к нему, люди из этого отряда выставили вперед одного, как затем оказалось, своего мужчину, шедшего со связанными руками. Когда люди имама оказались уже совсем близко от ворот названного моста, построенного наподобие крепости, стражники спросили: «Кто вы такие?» Подошедшие ответили: «Мы — слуги начальника округа. Он отправил нас с поручением — доставить куда надо этого пленника. Дорогу! Быстро давайте дорогу!» Тут стража открыла ворота моста, а подошедшие, скинув оковы с того человека, якобы пленника, используя момент, бросилась рубить солдат; они перебили тех солдат, а их было там двадцать душ, всех до единого⁶.

Из Ботлихской крепости выступил тем временем генерал [Накашидзе] вместе со своими офицерами (*ансип*) и заслуживающими доверия союзниками из числа местных жителей, который направился в сторону Казикумуха. Когда этот генерал и его люди достигли Салтинского моста, их встретила там небольшая группа мюридов. В результате в том месте произошло маленькое сражение. Затем они пошли дальше. При этом оказалось, что жители всех тех селений, мимо которых проходили русские, изменили им и приготовились к бою. Наконец, генерал и его окружение остановились на акушинской равнине.

Генерал дал тут [акушинцам] совет: не делать глупостей и не вступать на путь заблуждений. Те, однако, отказались, предпочитая сражаться с неверными.

Пути, таким образом, оказались перед генералом перекрыты. Все абсолютно мусульмане проявили по отношению к нему враждебность, поэтому генерал и его люди вынуждены были укрыться в селении Леваши.

Против генерала двинулись войска мюридов, шедшие несколькими отрядами под разными флагами. Они, обойдя генеральское войско и взяв его в клещи, чуть было уже не одержали верх над последним, но тут неверные сумели всучить взятку командиру войска, которое послал туда имам Хаджимухаммад. В результате, как только две массы людей — многобожники и мусульмане сошлись, чтобы сразиться, сей вероломный изменник обратился в бегство, удержав свое войско от сражения. Вследствие того, что одна из позиций была таким образом оставлена беззащитной, неверные и одержали тогда верх над мусульманами.

Узнав затем о принятой взятке, борцы за веру убили командира-предателя. При этом они обнаружили в его руке шестьдесят *туманов* новыми ассигнациями (*асигнас*).

В той битве, происшедшей близ Леваши, мучеником за веру пал в числе других и князь Фатаали-бек — сын князя Башира Казикумухского.

[конец сентября — октябрь 1877 г.]

Затем туда подошел шуринский генерал Меликов¹⁰ с войсками и прочей силой. Казикумух, Акуша и другие селения, расположенные в тех местах, за исключением Цудахара, сдались ему.

Цудахарцы же укрепились тогда в городе, где, кстати, укрылась часть казикумухцев и жителей других селений, пожелавших принять участие в священной войне. Войска многобожников окружили тут цудахарцев и затем, обстреляв их из ружей и пушек, разожгли пламя войны. Создалось настоящее пекло. Они в прямом смысле утопили цудахарцев в потоках ядер и пуль. По ним было выпущено целое море молний. Свинец и чугун осыпали цудахарцев словно дождь. Артиллерия, подобно грому, гремела и наносила по ним свои удары. Борцы за веру, однако, и в этих условиях стояли в высшей степени твердо, подобно неустрашимым кровожадным львам. Ничто, ни ход боя, ни смерть множества людей, не вызывало в цудахарцах слабости. Факт окружения и беспрестанные атаки не оказывали на них никакого воздействия. Какие же прекрасные бойцы за веру были эти цудахарцы! Какие они мужчины!

Падают, бывало, цудахарец на землю, словно убитый, и лежит. А как только приблизится к нему неверный, этот цудахарец вскакивает, наносит ему удар и затем продолжает сражаться, пока не гибнет за дело Аллаха.

В Цудахаре мучениками за исламскую веру стали тогда около тысячи девяносто мусульман. Многобожников погибло примерно столько же.

После трехдневного боя, однако, город Цудахар был все же неверными взят¹¹.

В те же самые дни произошли сражения и в Технуцальской области.

Там против отряда тиндинцев, которые прибыли из своей области и призывали людей к священной войне и сражениям выступил полковник Ябрав, бывший в то время комендантом ботлихской крепости. Эти две группировки, многобожники и тиндинцы, столкнулись в Годобери, где произошло великое побоище и было пролито много крови с обеих сторон. В те же дни произошел бой и у миарсинской (*ми'ас*) речки.

Имам Хаджимухаммад послал тут конный отряд из телетлин-

ских храбрецов, а также героев родом из других мест. назначив их командиром храбрейшего Джавадхана — сына Муртузали Телетлинского. Направил их имам в сторону западных селений.

Все расположенные на пути селения давали тогда приют воинам, которых послал имам. Наконец Джавадхан Телетлинский подошел к местности, именуемой Зоноб. Тут на этого Джавадхана и его людей двинулся названный выше мужлан Ябрав. Произошло кровопролитное сражение. В нем мучениками за веру пали шестьдесят мужей из селения Ахвах, которые, несмотря ни на что, не оставили своей позиции.

Вот с этого-то времени земля, при всей своей широте, стала для мусульман как бы тесной. Группы их, подготовившиеся было к священной войне, обратились теперь к русским с просьбой даровать пощаду. Мусульман поразили беды и несчастья.

Все руководители святого дела укрылись тут в Телетле и Согратле. Лишь два названных селения и остались теперь местом, где продолжалась борьба за дело Аллаха.

Войска, состоявшие из многобожников и связанных с ними мусульман, двинулись сначала против Телетля. Полностью окружив тех, кто там находился, они разожгли над их головами пламя войны. Ослабив, таким образом, этих борцов за веру, многобожники победили их после однодневного сражения.

О, сколь же ужасным было положение мусульман в тот день! Плен, грабежи, унижения, выселение, пожары, осквернение Коранов, уничтожение прочих книг! И все это происходило от рук неверных многобожников! Хвала — Аллаху, который знает то, что было и то, что будет. «Его никто не спросит о том, что Он делает, а вот с них спросят»^а.

[начало ноября 1877 г.]

Подавив обитателей мест названных выше, многобожники напали на селение Согратль, в котором находились тогда около тысячи хорошо вооруженных бойцов [согратлинцев?] и пятьсот благочестивых мухаджиров¹².

Генерал Меликов подошел к Согратлю со стороны Казикумуха и его многобожники начали сражение. Сначала они действовали против башни, стоявшей на краю Согратля, в которой закрепились мухаджиры. Там-то и произошла великая битва. Среди неверных многие получили тогда ранения. Часть мухаджиров, сидевших в башне, попала в плен, были и убитые. Итак, мусульман в конце концов рассеяли, а остатки их сдались главе неверных.

^а Коран.

В Согратле пали тогда мучениками за веру храбрый лев Джавадхан Телетлинский, чья сабля сразила там более десяти многобожников, а так же сын хаджи Умма. Что же касается мухаджира хаджи Алибека, который первым нарушил договор о пощаде и безопасности, дарованный ранее русскими, далее -- мухаджира Гитинаваса, являвшегося курьером главы османских войск, а также юношей, которые были тогда вместе с ними обоими, то все они выскользнули из Согратля и убежали.

После этого селение Согратль было разрушено¹³, жителей его выселили. В результате во всем Дагестане шарият уподобился бесплодной женщине. Его лук и меч оказались сломанными. Что поделасшь: «Мы все принадлежим Аллаху и к Нему мы в конце-концов возвращаемся»^а.

По прошествии немногих дней неверные повесили пятнадцать человек — видных ученых и благородных личностей иного плана. В числе их были: согратлинцы — имам Мухаммадхаджи сын шейха Абдурахман-хаджи, его зять Абдуллахаджи и ученый Абдулхалим; телетлинцы — ученый Хамзатхаджи и герой Муртузали; ученый Абдулла Цулдинский. Да возвысит их Аллах в день Страшного суда!

Произошло это событие в пятницу, двадцать второго числа месяца зу-л-хиджа тысяча двести девяносто четвертого (1877) года.

Закрепив свою победу над всем Дагестаном и подавив малейшее сопротивление в любой его точке, неверные отделили затем всех тех дагестанцев, которые обычно первенствовали в делах, обладали разнообразными личными достоинствами и даром речи, и при этом имели склонность к шарияту. Этих достойных мужей вместе с их семьями они отправили в самые что ни на есть отдаленные части Сибири. Неверные лишили их тогда собственности, не давали им передохнуть от утомительного труда и, таким образом, спастись от гибели. Ссылные дагестанцы вынуждены были проводить там холодные зимние ночи под открытым небом, испытывая огромные тяготы. Женщины и дети, которые находились вместе с ними, стонали, сыпали проклятиями и плакали от сильного холода, голода и грубости окружающих¹⁴. Сколь же велики были их бедствия! О, великий Аллах, ты несомненно видишь это! Ведь власть над миром, высшая мудрость и право на приговор принадлежат Тебе. Мы же обязаны терпеть, повиноваться и быть довольными тем, что есть. Хвала Аллаху! Мы не должны брать себе покровителей, кроме Тебя, о, Всевышний!

Переписал Абдурахман из Большого Дженгутая — сын Абдурахмана.

1-е декабря 1940 года.

^а Коран.

Комментарии

I

¹ Хункар (турец. из персидского) — «самодержец, государь»; в Дагестане так называли турецкого султана.

² Суракат — предпоследний правитель доисламской Аварии [Айтберов Т. М. Материалы по хронологии и генеалогии правителей Аварии // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 148].

³ Даниялсултан, или, как его еще называли, Даниялбек — правитель Елисуйского султанства с 1830 г. до его перехода на сторону Шамилля в 1844 г.

⁴ Ханбуттай — имеется в виду Сурхай-хан II, который правил Казикумухско-Кюринским ханством в 1789—1820 гг. [Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Вып. II].

⁵ Махдихан-Карамехти, первый правитель Мехтулинского ханства, образовавшегося в XVII в. [Мехтулинские ханы // ССКГ, Вып. II, С. 13; см. также: Айтберов Т. М., Шмелев А. Из истории политического строя Мехтулы (опыт хронологии и генеалогии правителей) // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 164—169].

⁶ Автор излагает одну из версий образования шамхальства. На самом же деле первым ставленником арабов был, по моему мнению (В. Г. Гаджиев), Шахбаал со столицей в лакском «городе» Кумух, который с XIII в. стал называться Казикумухом. Со временем, однако, когда «шамхалы казикумуков (газикумыков)» распространили свое господство в северо-восточном направлении до самого побережья (XVI в.), они стали зимой жить в Тарках [Бартольд В. В. Дагестан. Соч. Т. III, С. 413]. Это продолжалось до 1640 г., когда вспыхнула внутриклассовая борьба, и младшая линия шамхальской династии, возглавляемая неким Алибеком, не допустила Сурхай-шамхала в горный Кумух. С этого времени шамхалы закрепились в Тарках [Гаджиев В. Г. Шамхальство (История образования и государственное управление) // Государство и государственные учреждения ... С. 22—41].

⁷ Убит в 1834 г.; брат известного Дибир-кади. Происходили эти братья из сел. Ахалчи, куда их предки переселились ранее из Ругуджа.

⁸ Среди правителей Аварии и просто членов нуцальского рода имя собственное «Андуник» (*ГандуникI*) достоверно фиксируется в XV—XVII вв. [см.: Айтберов Т. М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 94—96, 101, 102, 118].

⁹ Умер в 1078/1667—68 г. [см.: Айтберов Т. М. Материалы ... С. 152, 153].

¹⁰ Мухаммад-нуцал убит в 1774 г.; он был сыном, скорее всего, князя Уммахана, сына князя Булача, сына Дугри-нуцала II [см.: Айтберов Т. М. Материалы ... С. 154—156]. Его брат Мухаммадмирза убит в 1186/1772—73 г. [см.: Там же. С. 155, 156].

¹¹ См.: Там же. С. 151—156.

¹² О нем см.: Там же. С. 156.

¹³ Об этом см.: Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 137.

¹⁴ Погиб в бою с русскими в 1804 г.

¹⁵ Этот человек упоминается в аварском фольклоре; род Халладжей был известен в Белоканах на всем протяжении XIX в.

¹⁶ Это сообщение малодостоверно. Насколько известно, между Уммаханом Аварским и Джавад-ханом Гянджинским особой вражды не было.

¹⁷ Об этом см.: Айтберов Т. М. Древний Хунзах ... С. 173, 174; Он же. Материалы ... С. 156, 157.

Султанахмад-хан умер в 1823 г., а его отец Алисултан — в 1224/1809—10 г.

¹⁸ Уб. в 1802 г. [см.: Айтберов Т. М. Материалы, ... С. 156].

¹⁹ Этот человек неоднократно упоминается в различных русских источниках начала XIX в. [см. например: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958. С. 267].

²⁰ В русских документах первой половины XIX в. он упоминается многократно [см. например: ИГЭД. С. 232]. В момент убийства отца этому Сурхую было около семи лет (см.: Там же), то есть он был примерно 1795 г. рождения.

II

¹ В надписи на надгробии Сурхая (уб. в 1834 г.), сына Гебек-нуцала (уб. в 1802 г.) указано, что прадедом Мухаммад-нуцала IV (уб. в 1774 г.) был Андуник-нуцал — сын Умма-нуцала, который в свою очередь являлся сыном Шванхал-нуцала, жившего примерно на рубеже XVI—XVII вв. [см.: Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2. М., 1968. С. 98; Айтберов Т. М. Материалы. С. 151, 152]. Вместе с тем есть основания сомневаться в реальном существовании правителя Аварии по имени Андуник, который бы являлся внуком Шванхал-нуцала.

² Это же говорится в упомянутой надписи на надгробии Сурхая [см.: Лавров Л. И. Эпиграфические памятники. Ч. 2. С. 98]. В действительности, однако Дугри-нуцал был сыном Умма-нуцала [см.: Айтберов Т. М. Материалы ... С. 152, 157].

³ Турурав, сын Загаштука, являлся современником Дугри-нуцала II. Привел он Гумбетом и Большой Чечней [см.: Айтберов Т. М. Древний Хунзах. С. 161].

⁴ Этот Шабан многократно упоминается в арабоязычных документах середины XVII в.; первый раз под 1641/42 г. [см.: Айтберов Т. М. Древний Хунзах. С. 113]. Он действительно служил у Дугри-нуцала [см.: Там же. С. 118—120, 123, 124].

⁵ Речь идет о событиях XVIII в.

⁶ Подразумевается Умма-нуцал IV, который упоминается под 1727—1730 гг. В 1148/1735—36 г. этот Умма-нуцал был убит [см.: Айтберов Т. М. Материалы. С. 154].

⁷ Он упоминается в «Гюлистан-Ирам» А. Бакиханова (с. 132) и в местных о происхождении памятных записях [см.: Айтберов Т. М., Шихсандов А. Р. Из дагестанских памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала. 1980. С. 126].

⁸ Оба они упоминаются в «Гюлистан-Ирам» (с. 132).

⁹ Правитель Кубы и Дербента, выходец из рода ушмиев Кайтага.

¹⁰ Это событие отражено в нескольких различных по происхождению письменных источниках.

¹¹ Ханмухаммад был сыном кайтагского правителя-уцмий Ахмадхана (ум. в 1749 г.) и отцом уцмий Амирхамзы (ум. в 1788 г.). [Об этом см.: Шихсандов А. Р. Материалы по хронологии кайтагских ушмиев // Источниковедение средневекового Дагестана. С. 142, 143].

¹² Алисултан был сыном мехтулинского правителя Ахмадхана II и отцом Хасанхана [см.: Айтберов Т. М. Древний Хунзах. С. 173—175].

¹³ Обо всем этом см.: Айтберов Т. М. Материалы ... С. 154—156.

¹⁴ Известный деятель, отец будущего имама Хамзата. Этот Алискандар упоминается в различных по происхождению, в том числе и русских, письменных источниках.

¹⁵ Знаменитый в истории Кавказа правитель Казикумухского ханства.

¹⁶ Оба они неоднократно упоминаются в самых разнообразных источниках.

¹⁷ Об этом см.: Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. С. 132—133

¹⁸ Об этом см.: Айтберов Т. М. Материалы ... С. 156.

¹⁹ Аварский, чисто народный вариант произношения имени «Александр».

²⁰ Дибир-кади, настоящим именем которого было «Мухаммадшапи», и его отец Максуд-кади неоднократно упоминаются в местных по происхождению документах.

III

¹ Более вероятно, что этот Уммахан был сыном Мухаммад-нуцала, сына Уммахана, сына Булача, сына Дугри-нуцала II.

² Они известны и по другим источникам.

³ О захвате г. Нахичевань Уммаханом Аварским при помощи хана Карабаха пишет и А. Бакиханов в своем «Гюлистан-Ирам» (с. 152).

4 Поход Умахана на территорию Ереванского ханства отмечен и в других источниках.

5 Ибрахим-хан Карабахский был свояком Умахана Аварского.

6 Об этом пишет и А. Бакиханов (С. 152).

7 Речь идет о хаджи Ахмадхане Мехтулинском из рода аварских ханов [см.: Айтберов Т. М. Древний Хунзах. С. 174].

8 Это сражение (битва при Йори) хорошо известно в истории Кавказа.

9 Адалав Балаханский (*Мусал Гадалав*) упоминается в аварском фольклоре в качестве современника Умахана [см.: Ахлаков А. А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968. С. 91, 92]. В памятных записях, однако, смерть Адалава датируется 1134/1721—22 г. [См.: Айтберов Т. М., Шихсанов А. Р. Из дагестанских памятных записей. С. 121].

IV

1 Газимухаммад — имам Дагестана и Чечни. Родился он, по одним данным, в 1793 г., а по другим — в 1795 г. в сел. Гимры Койсубулинского «союза» сельских общин. Согласно сообщению хаджи Саййидмухаммада Казикумухского, его прозвищем было «гидилав» (чит. *гьидалав* — «гидатлинец», с авар.), ибо его предки происходили из Гидатля [Рук. фонд ИИЯЛ, Ф. 7, Оп. 1, Д. 236, XIII, л. 31]. По обычаю того времени начальное образование Газимухаммад получил у сельского муллы. Затем он обучался у различных алимов и в том числе у Мухаммада Ярагского, который затем благословил его на священную войну — газават.

2 За многовековую историю Дагестана его народы подвергались многочисленным нашествиям иноземных захватчиков: Ахеменидов, Сасанидов, скифов, гуннов, монголо-татар, Тамерлана, султанов Турции, шахов Ирана из династии Сефевидов и мн. других. Но ни кому из этих завоевателей не удалось поставить на колени свободолюбивых горцев. В первой же половине XVIII в. объединенные отряды горцев Дагестана завлекли в глубь гор «победителя вселенной» иранского шаха Надира, а затем в битве близ селений Мегеб, Чох и Согратль разгромили его войска. При отступлении иранских войск горцы чуть было не пленили самого Надира [ИНСК, Кн. 1, С. 418—426].

3 Сведения об ученых-алимах, специалистах по разным отраслям знаний содержатся в сочинениях: Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1926. С. 155—169; Али Қаяев. Биографии дагестанских ученых. Рук. фонд ИИЯЛ; Гайдарбеков М. Хронология истории Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ, Ф. 7, Оп. 1, Дело № 236; Абдуллаев М. А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана. М., 1968. С. 20.

4 Хамзат и Аббас — дяди пророка Мухаммеда; из мекканского рода Хашим, откуда выводили свое происхождение многие дагестанские князья.

5 Мюршид накшбендийского тариката, родился в 1770 г. в сел. Яраг Кюринского ханства. Скончался он в 1840 г., похоронен в сел. Согратль (Рук. фонд ИИЯЛ, Ф. 7, Оп. 1, Д. 326, Л. 338); есть мнение, однако, что Мухаммад Яраг-

ский умер в 1254/1837—38 г. [Лавров Л. И. Эпиграфические памятники. Ч. 3, М., 1980. С. 81].

⁶ Газимухаммад считал, что аварские ханы будут препятствовать ему в достижении намеченной цели, поэтому в начале 1830 г. во главе 8-тысячного отряда он выступил против Хунзаха, но был затем вынужден отступить [Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л., 1939. С. 74—76].

V

¹ Имам Хамзат родился в 1801 г. в сел. Гоцатль в семье бека. Поскольку мать Хамзата происходила не из бекской семьи, сам он считался чанкой. С 12-летнего возраста Хамзат обучался в сел. Чох, а после смерти своего учителя — в Хунзахе у кадия Нурмухаммада и причем жил тогда в доме хунзахских ханов [Гамзат-бек — второй имам Дагестана и Чечни. КС, XXXI, Тифлис, 1911].

² К концу 1833 г. Койсубулу, Гумбет, Андия и др. «союзы» сельских общин, расположенные по Аварскому и Андийскому Койсу, за исключением Андалала, перешли на сторону имама Хамзата [Рук. фонд ИИЯЛ, Ф. 1, Оп. 1, Д. 1209, Л. 9]. В следующем 1834 г. военные силы Хамзата насчитывали якобы до 20 тыс. вооруженных горцев [Зиссерман. История 95-пехотного Кабардинского полка. Т. II. С. 31]. Подчинив своей власти андалальцев, Хамзат разделил свой отряд на две части. Во главе одной из них он пошел к ауховцам, а другую под предводительством Шамиля — направил в Анкратльский, Богулальский и Чамалальский «союзы» сельских общин. Большая часть их населения признала тогда власть второго имама [КС, Т. XXXI, С. 20].

³ К лету 1834 г. почти все аварские селения, кроме Хунзаха, перешли на сторону имама Хамзата.

⁴ В июле 1834 г. имам Хамзат блокировал Хунзах. Баху-бике попыталась было отразить его наступление, но, потерпев неудачу, вынуждена была начать переговоры. Хамзат потребовал тогда к себе для переговоров сыновей ханши и убил их, оставив в живых лишь малолетнего Булач-хана. Позже в ханском дворце была убита и сама ханша, а Булач-хан был брошен в реку [КС, Т. XXXI, С. 33—34]. Впоследствии, как пишет Мухаммадтахир Карахский, Шамиль клялся, что у Хамзата не было намерения убивать кого-либо из хунзахцев, кроме двух находившихся среди них убийц — Буги Цудахарского и Маллачи из сел. Тауси. И вот, когда они уже заключили мир, к Шамилю от имени Баху-бике подошел Ахберди, который сказал: «Хамзат слушается твоих слов. Так склонил же его [к уходу] от нас на землю равнины, а сам возвращайся от него, и тебе за это — две тысячи туманов наличными». Шамиль тайно сообщил об этом Хамзату и сказал: «Пойми же, что нужно предпринять и [сделать из сказанного] соответствующие выводы». Хамзат сказал, что в таком случае, не завершилось еще их укрощение и приведение к покорности. Для испытания хунзахцев Хамзат приказал им выдать ему находившегося у хунзахцев одного убийцу из Мехельты: для того, чтобы отомстить ему или же простить его, но они отговори-

лись от этого. Тогда он приказал им вернуть кобылу койсубулинца, находившуюся в руках одного из их слуг. Они отговорились и от этого. Наконец, имам приказал разрушить имеющуюся в Хунзахе крепость и находиться при нем Нуцал-хану и Уммахану. Они, как и следовало ожидать, не согласились с требованием имама и выказали желание, прекратив беседу, вернуться в Хунзах, но сподвижники имама запретили им это. И тогда Мирзал Хаджив «первый схватился за оружие и закричал: «Эй вы, молодцы Хунзаха, приложите же вашу мощь и силу в избиение этих», т. е. мюридов. Завязалась жестокая борьба, в итоге которой погибли ханские дети и др., и «не осталось из их знати и главных никого, кого можно было бы назвать» [Хроника ... С. 64—65]. Существуют, однако, и другие версии истребления аварских ханов.

VI

¹ Третий имам Дагестана и Чечни, родился в сел. Гимры в 1789 г. в семье узденя. Его отец — Денгау Мухаммад, мать — Баху-меседо, дочь Пирбудаг-бека из сел. Ашильта [Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. ССКГ. Вып. VII. Тифлис, 1873. С. 10—11]. При рождении его назвали «Али». Будучи ребенком, он сильно заболел. Были уже испытаны все имевшиеся в горах лечебные средства, но безуспешно. И тогда, следуя распространенному поверью, ради того, чтобы спасти ребенка, ему дали другое, малоизвестное в тогдашнем Дагестане, имя — Шамиль.

Как и все дети, Шамиль обучался у сельского муллы. Уже в юности просматривалось, что он лидер. Это проявлялось и в играх, и в состязаниях, и в учебе, а затем и во всем другом, что он делал. Мечтая стать праведником, Шамиль проштудировал во множестве жития мусульманских святых и особенно историю Мухаммеда, и притом старался подражать ему во всем. Сначала, когда Газимухаммад поднял знамя газавата, Шамиль не только не поддерживал своего старшего друга, но и пытался отговорить его от этого. Далее, когда Газимухаммад уже возглавил борьбу горцев, Шамиль еще какое-то время колебался, но в конце-концов верх в нем взял политик [Гаджиев В. Г. Шамиль ... С. 140].

² События, о которых идет здесь речь, произошли в 1837 г.

³ Хасанхан — правитель Мехтулинского ханства.

⁴ Эти сообщения нашего автора не подтверждаются другими документами. Ахмедхан Мехтулинский был человеком прорусской ориентации.

⁵ Ген.-адъют. М. З. Аргутинский-Долгоруков — армянин по происхождению был назначен в 1844 г. командующим войсками в Южном Дагестане, в Кубинском и Дербентском уездах. М. З. Аргутинский участвовал в походах царских войск в горы Дагестана в 1838, 1841, 1850 гг. Зимой 1853 г. он совершил через Главный Кавказский хребет рейд в тыл Шамиля, вторгшегося тогда в пределы Лезгинской кордонной линии [АКАК, Т. IX, С. 16].

⁶ Кебедмухаммад — наиб Шамиля. Славился храбростью и разумностью. По мнению Шамиля, Кебедмухаммад был справедливым начальником, но в

своих решениях был жесток и не всегда беспристрастен [Руновский А. Дневник, — АКАК, Т. XII, С. 1524].

⁷ Свой уход из Гимры в Ашильту Шамиль сравнивал с переселением первых мусульман в Иасриб-Медину в 622 г. (по-арабски *хиджра*).

⁸ Имеются в виду отряды милиции, сформированные феодальными владельцами для сражений против борющихся с царизмом горцев.

⁹ В начале деятельности Шамиля чиркатинцы приняли было его сторону. Но позже, когда он находился в Чиркате, там «собрались 23 отступника из числа чиркатинцев и поклялись, что они разрушат мосты и не дадут дорогу для посторонних, идущих к имаму. Они говорили, что сделают сами все то, в чем он нуждается. Об этом было сообщено Шамилю ... Имам обнажил тогда саблю, положил ее на плечо и вышел, а с ним был только его непременный товарищ Юнус, ругая отступников всякими грубыми словами и угрожая им. Подойдя к двери, он крикнул кадию, чтобы тот вышел. Кадий вышел, трепеща от страха; говорили, что он согласился с отступниками в их намерениях. Имам пригрозил кадию. Тот попросил Шамиля войти в мечеть [и подождать там], пока он выполнит его приказ. Но имам отказался войти, пока кадий не выполнит его приказ. Тогда их (отступников) посадили. Затем имам вошел в мечеть и обратился к общине ... Он резко укорял их, говоря: «подлинно эта религия не унижает свой народ, а возвышает его, вопреки воле порицателей. Дело не будет так, как думают отступники. И подлинно я клянусь Аллахом, что непременно убью каждого, кто коснется моста чем-либо, кроме ступни ноги». С тех пор прекратилось сопротивление отступников» [Хроника ... С. 90—91]. Вот эти события и имеет в виду наш автор.

¹⁰ Имеется в виду Мухаммадмирза-хан Казикумухский, которому Шамиль отдал в аманаты сына своей родной сестры. Сообщая об этом, Шамиль в письме к ген. Клюки-фон Клугенау писал: «Надеюсь, что за сим уже дадут спокойствие мне и подвластным моим горцам» [ДГСВК, С. 141].

¹¹ Как отмечалось во вступительной статье к данному изданию, царскими войсками предводительствовал ген.-л. Фезе, швейцарец, находившийся на русской службе с 1816 г. На Кавказе он служил с 1836 г. В 1837—1839 гг. Фезе принимал участие в военных действиях в Дагестане. На перемирие с Шамилем в сел. Телетль он согласился по той причине, что для продолжения приступа у него не было необходимого количества боеприпасов. Небезынтересно указать, что обе борющиеся стороны по-разному оценивали заключенный мир. Кавказское командование считало, что цель экспедиции была ген.-л. Фезе достигнута. Напротив, в горах подписание перемирия, а затем и отход Фезе были восприняты как победа горцев и доказательство того, что «Шамиль в состоянии бороться» с огромными силами царских войск [ЦГВИА, Ф. ВУА, Д, 6512, Л. 151; ИНСК, Кн. 2, С. 147].

¹² Когда Шамиль и его окружение узнали о планировании кавказским командованием крупной экспедиции в Дагестан, на повестку дня встал вопрос: какой линии придерживаться теперь горцам? Некоторые из окружения Шамиля предлагали ему перейти в Чечню, но имам отказался, говоря: «мы непременно будем сражаться, оставаясь в неприступном месте [поблизости от наших жи-

лиц], до тех пор, пока не пресытимся газаватом» или не падем за веру смертью праведников [Хроника ... С. 92]. С этой целью на правом берегу Андийского Койсу в неприступных горах создали по приказу Шамиля крепость, названную Новым Ахульго. Укреплен был также и аул Ирганай.

¹³ В действительности им был тогда ген.-л. П. Х. Граббе.

¹⁴ После повторного штурма крепости Ахульго, предпринятого царскими войсками, Шамиль вынужден был отдать в аманаты своего 8-летнего сына Джамалудина и пойти на переговоры. Лишь после этого царские войска прекратили артиллерийский огонь. 18 августа начались переговоры. Ген. Пулло, который вел переговоры, уговаривал Шамиля явиться к ген. Граббе, но тот наотрез отказался. Борьба возобновилась, и 22 августа 1839 г. после трехмесячной борьбы Ахульго пал.

¹⁵ Ген.-л. Ф. К. Клюки фон-Клугенау — австрийский дворянин. На русской службе он с 1818 г., на Кавказе — с 1820 г. В 1834 г. Клюки фон Клугенау — командир Апшеронского полка, с 1839 г. — начальник левого фланга Кавказской линии и командующий войсками в Северном и Нагорном Дагестане.

¹⁶ *Наиб*, впоследствии *мудир* и официальный преемник Шамиля, Ахбердиль Мухаммад Хунзахский — «искренний и верный товарищ имама» [Хроника С. 112]. Он «всегда пользовался неограниченной доверенностью Шамиля, управляя всей Малой Чечней» [ДГСВК. С. 402].

¹⁷ Шуанб-мулла — наиб Шамиля. Ему были подчинены в военном отношении участок Большой Чечни, в котором наибом был Сухаиб, и «участок Ауховский, где управляет Уллубий» [ДГСВК, С. 402—403].

¹⁸ Джаватхан — один из первых поборников шариата в Чечне, участник боев в Чечне и Дагестане, наиб.

¹⁹ В марте 1842 г., по словам ген. Фезе, «казикумухцы ... взбунтовались. Управляющий Казикумухским «ханством» поруч. Махмуд-бек, призвав Шамиля с мюридами, предался ему. Примеру сему последовал и брат его, управляющий Кюринским ханством, шт.-кап. Гарун-бек, находившийся в Казии-Кумухе. Таким образом, Шамиль беспрепятственно занял город Казии-Кумух ... Одни сыновья Омар-бека: Абдулла и Аглар, родные братья Абдурахман-бека, оставшись верными своему долгу, спаслись» [ДГСВК, С. 332]. Однако, 12 мая того же 1842 г. Аргутинский разбил горцев вблизи сел. Шовкра. Назначенный наибом хаджи Яхья бежал из Казикумуха. Узнав об этом, Шамиль направил туда отряды под командованием Ахбердила Мухаммада и Хаджимурада. Но успеха они не имели [ДГСВК, С. 344, 721].

²⁰ Джамалудин — мюрид тариката. Происходил он из рода *сайидов* — родственников пророка Мухаммеда; в 1860 г. с разрешения царского правительства Джамалудин переселился в Турцию. Султан назначил ему тогда солидное пожизненное содержание. Прожив некоторое время в Стамбуле, Джамалудин скончался [Шульгин Н. С. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. Тифлис, 1910, С. 1—6].

²¹ Халид ибн ал-Валид — мекканец, командовавший курейшитской конницей в битве при Охиде (*Ухуд*), где были разбиты войска Мухаммеда. В период арабских завоеваний — наиболее выдающийся мусульманский военачальник

[Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннем средневековье. М., 1966. С. 124].

²² Ген.-фельдмаршал М. С. Воронцов — наместник Таврический. В декабре 1844 г. был назначен наместником Кавказа и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом.

²³ Наиб Большой Чечни. В своем донесении военному министру Чернышеву ген.-адъют. Нейдгардт в ноябре 1843 г. писал: «Чеченцы мало уважают Суаиба: они считают его за человека со слабым характером и не имеющего никаких военных способностей» [ДГСВК, С. 408].

²⁴ Правитель Казикумухского ханства. В народе он известен как Аглар-хан.

²⁵ Хаджи Яхья Чиркеевский — постоянный член имамского совета (*диван-хана*). Одновременно он заведовал артиллерией Шамиля и выполнял обязанности руководителя тайной полиции [Газ. «Кавказ», № 72, 1862; Бушуев С. К. Указ. соч. С. 119—120].

²⁶ Абдулмаджид — султан Турции, правил с 1839 по 1861 гг.

²⁷ Увезены были в Дагестан княгиня А. И. Чавчавадзе и ее вдовствующая сестра В. И. Орбелиани с детьми и их воспитательницей, французской Дрансе. В 1857 г. в Париже Дрансе издала книгу «Пленницы Шамиля», которая через 2 года в переводе с французского языка на русский была издана в Тифлисе.

²⁸ Автор ошибается. Царское правительство уплатило Шамилю 40 тыс. руб., причем по требованию имама в мелкой серебряной монете.

²⁹ В марте 1854 г. наместник Кавказа М. С. Воронцов был отпущен на лечение за границу. Во время его отсутствия все права наместника и командующего Отдельным Кавказским корпусом находились в руках ген. от кавалерии Реута. В 1856 г. наместником Кавказа был назначен ген.-адъют. А. И. Барятинский, которому после пленения Шамиля было присвоено звание ген.-фельдмаршала.

³⁰ Наш автор уверен, таким образом, что доброе отношение царя Александра и его окружения к Шамилю было продиктовано волей Аллаха.

³¹ В конце 1868 г. Шамиль обращался к наместнику Кавказа Михаилу Николаевичу с просьбой разрешить ему поехать на поклонение в Мекку.

VII

¹ Султан Турции, царствовал в 1876—1909 гг.

² Летом 1877 г. в сел. Согратль Гунибского округа Дагестанской области прибыли из Турции четыре человека. Один из них — Аббас, представился пашой, а другие, эмигрировавшие ранее из Дагестана: Тинаввас (*Хитинавас*), Хаджияв и Минуали — его «сопровождающими». Кроме письма султана, о котором ведет речь наш автор, они предъявили письма от Газимухаммада — сына Шамиля, в которых говорилось о скором прибытии турецких войск на Кавказ [ЦГА ДАССР, Ф. 175-р, Оп. 1, Д. 19, Л. 13—14].

³ В ночь с 12 на 13 апреля 1877 г., одновременно с началом военных действий на Кавказском фронте русско-турецкой войны, вспыхнуло восстание в Чеч-

не. Руководил им Алибек-хаджи, который в присутствии 60 своих единомышленников якобы объявил себя имамом. К нему примкнул в Чеберлое сельский старшина Дада Залмаев. Однако развить успех им тогда не удалось.

⁴ Имеются в виду иррегулярные воинские части, содержащиеся Кавказской администрацией.

⁵ Летом 1877 г. восстание с новой силой развернулось в Чечне, и вскоре оно перекинулось в пограничные районы Дагестана.

⁶ В начале сентября 1877 г. вспыхнуло восстание в Казикумухе. 8 сентября к восставшим присоединился 8-тысячный отряд под командованием штабс-капитана Фатаали-бека и ротмистра Абдулмаджида, направленный для подавления восстания. Вскоре затем восстали почти все сёла Казикумухского округа. Повстанцы арестовали окружное управление, взяли приступом крепость и уничтожили почти весь ее гарнизон. Убит был и начальник округа полковник Чембер.

⁷ В восстании в Казикумухском округе приняли участие и некоторые феодалы. Однако наш автор допускает неточность, утверждая, что «первым выстрелил» Джафар. На самом же деле, оказавшись среди повстанцев, он еще некоторое время колебался и решил возглавить восстание лишь под нажимом повстанцев. Только после этого Джафар разослал в различные общества письма с призывами примкнуть к восстанию, а затем обратился с просьбой о помощи к турецкому султану. Восставшие казикумухцы разделились тогда на 2 отряда. Один из них под предводительством Джафара, объявившего себя ханом, направился в Южный Дагестан, другой под предводительством Фатаали-бека и Абдулмаджида — двинулся в направлении сел. Цудахар.

⁸ В августе 1877 г. повстанцы Гунибского округа, собравшись на поляне Аанада-майдан, решили было для руководства движением избрать имамом Абдурахмана-хаджи Согратлинского. Затем, однако, учитывая возраст Абдурахмана-хаджи, провозгласили имамом его сына Хаджимухаммада. Они утвердили совет при имаме, назначили вакилов и нанбов. Тогда же во все концы Дагестана были направлены гонцы с письмами, призывавшими к выступлению за «свободу и шарият» [Рук. фонд ИИЯЛ, Д. 13. Л. 3].

⁹ 28 августа жители селений Гергебиль, Кикунни, Хвартикунни, Дарада-Мурада и Салта напали на мастеровых солдат Георгиевского поста. Поводом этому послужило то, что отряд царских войск избил до смерти 4 мужчин и 3 женщин — жителей Гергебиля и Хвартикунни, направлявшихся в Хунзах для продажи абрикосов [История Дагестана. Т. II, М., 1968. С. 152].

¹⁰ Ген. Меликов — командующий войсками в Дагестанской области.

¹¹ 17 октября царские войска подошли к Цудахару, который повстанцы превратили в крепость. Сюда же были подтянуты силы восставших из Казикумухского округа и Андалала. Объединенными силами горских повстанцев руководил Ника-кади Цудахарский. 19 октября начался штурм Цудахара. Повстанцы гибли, но не сдавались. Силы были, однако, неравны. К 20 октября царские войска до основания разрушили Цудахар. Многие повстанцы пали при этом смертью храбрых, Ника-кади ушел в Согратль. Вскоре пал и Казикумух.

¹² В Согратле, последнем оплоте восставших, собрались почти все руково-

дители восстания в Дагестане и Чечне: Абдурахман-хаджи, Алибек-хаджи, Умма-хаджи Дуев, Дада Залмаев, Абдулмаджид и др.

¹³ После занятия Казикумуха ген. Меликов заставил жителей округа улучшить дорогу на Согратль. Вскоре царские войска вместе с местной милицией окружили Согратль, и после артиллерийской подготовки начали его штурм. Повстанцы отчаянно защищались. Предложение командования сдать аул они решительно отклонили. И все же, разрушив пушечными выстрелами Согратль до основания, царские войска в конце-концов сломили сопротивление горцев.

¹⁴ Кавказская администрация приступила к расправе с участниками восстания 1877 г. По приговору военно-полевого суда в Гунибе и в Дербенте были повешены руководители восстания: имам Хаджимухаммад, Ника-кади Цудахарский, Аббас-паша, Абдулмаджид, Зубаир-бек, Абдула-хаджияв, Казиахмед и др. Всего — 300 человек. Большое число участников восстания было сослано на каторжные работы и постоянное жительство за пределы Дагестана. Из Гунибского округа было выслано тогда во внутренние губернии России 1453 человека, из Казикумухского — 1441, а всего из 8 округов Дагестанской области 4875 человек.

Словарь географических и этнических названий

Аваристан — территория, находящаяся под управлением ханов со столицей в Хунзахе.

Аварцы — в публикуемых текстах так именуют членов Хунзахской общины-«войска» (*бо*), состоявшей из целого ряда различных по размерам населенных пунктов. Это были действительные потомки древних «имперских» аваров или же лица, признаваемые за таковых окружающими, не взирая на их реальное происхождение. На родном языке (*магларул мацI*) их именовали «хунзахцами» (*хунз*). В устной же речи кавказского тюркоязычного населения — «татар», а нередко и в местных горско-дагестанских по происхождению текстах, составленных по-арабски, данная «племенная» группа обозначалась как «аварцы» (*аварлар, авариюн*; Хунзах — «город Авар», *Авар-гент*).

Агач — деревянная крепость (*Агач-кала*), располагавшаяся на территории нынешнего Буйнакского района, неподалеку от сел. Казанише.

Азербайджан — в соответствии с восточной традицией данным термином здесь обозначен Южный, Иранский Азербайджан.

Аксай — крупный населенный пункт, «город»; одно из главных местопребываний Кумыкских князей. По-кумыкски Аксай называется *Яхсай*, а по-аварски *Яхси*; в Хасавюртовском районе.

Акуша — крупный населенный пункт, центр Акушинского «союза» сельских общин, занимавшего часть территории Акушинского и Левашинского районов.

Акушинцы — население Акушинского «союза». Говорили «акушинцы» в основной своей массе по-даргински, а отчасти на аварском и лакском языках.

Алда — крупный населенный пункт в исторической Чечне, располагавшийся на правом берегу р. Сунжи, к юго-западу от Грозного. Алдинские чеченцы традиционно поддерживали тесные дружественные контакты с гумбетовскими аварцами.

Алмак — селение в Казбековском районе.

Андалал — «союз» сельских общин, занимавший часть территории современного Гунибского района (Ругуджа, Согратль, Чох и т. д.). Жители одного населенного пункта Андалала говорят на обособленном диалекте даргинского языка, в остальных андалальских селениях употребляют аварский язык.

- Анди** — крупный населенный пункт; в современном Ботлихском районе.
- Анди́йцы** — население Андийского «союза» сельских общин с центром в Анди, занимавшего северную часть Ботлихского района.
- Арак-меэр** — обширное горное пастбище в восточной части Хунзахского района, за сел. Тануси.
- Аргвани** — селение в Гумбетовском районе, запиравшее стратегически важную дорогу с равнины в Горный Дагестан.
- Артлук** — селение в Гумбетовском районе.
- Асах** — селение в Цунтинском районе.
- Ахвах** — судя по контексту; речь идет о сел. Дагбаш (*Ракъу — Глахвахъ*), хотя не исключено, что здесь подразумевается Ахвахское «общество», которое занимало южную часть территории современного Ахвахского района.
- Ахты** — древнее лезгинское селение, традиционный центр Ахты-паринского «общества», незначительная часть населения которого говорила на рутульском языке, а подавляющая масса — на лезгинском.
- Ахудуниб** — местность близ сел. Орота.
- Ахульго** — гора с плоским верхом поблизости от сел. Ашильта, чрезвычайно удобная для защиты.
- Ашильта** — селение в Унцукульском районе.
- Багвалал** — «союз» сельских обществ, располагавшийся на части правобережной территории нынешнего Цумадинского района с центром в сел. Хуштада.
- Балаханы** — селение в Унцукульском районе.
- Балхар** — лакское селение в Акушинском районе.
- Батлаич** — селение в Хунзахском районе.
- Батлук** — селение в Советском районе.
- Белгадой** — чеченское селение; Веденский район Чеченской республики.
- Белоканы** — традиционно крупное аварское селение, один из центров независимой могущественной Джаро-Белоканской республики; ныне город в Азербайджане.
- Буртунай** — селение в Казбековском районе.
- Буцра** — селение в Хунзахском районе.
- Вахан** — укрепленный в прошлом населенный пункт, расположенный в Имеретии (Западная Грузия) на ее границе с Картли, на дороге Гори — Кутаиси.
- Гавази** — населенный пункт в Кахетии (Восточная Грузия).
- Гацалук** — селение в Хунзахском районе.
- Гельбах** — древнее аварское селение Верхний Чирюрт; Кизилюртовский район.
- Геничутль** — селение в Хунзахском районе.
- Герменчик** — традиционно крупный чеченский населенный пункт; в Шалинском районе Чеченской республики.

Гехи — издавна крупный чеченский населенный пункт; в Урус-Мартанском районе Чечни.

Гигатль — селение в Цумадинском районе.

Гидатль — «союз» сельских общин, занимавший часть территории Советского района (Тидиб, Урада, Гента и т. д.) Дагестана.

Гимры — селение в Унцукульском районе.

Годобери — селение в Ботлихском районе.

Голотль — селение в Советском районе.

Гортколо — селение в Хунзахском районе.

Гоцатль — селение в Хунзахском районе.

Гумбет — «союз» сельских общин, располагавшийся в бассейне реки Мелхитники на части территории нынешнего Гумбетовского района.

Гумбетовцы — население Гумбетовского «союза» сельских общин. Большая часть гумбетовцев в качестве родного языка употребляет аварский, в одном гумбетовском селении принят диалект каратинского языка.

Гумуш — населенный в основном греками, а также армянами и грузинами Ахтальский комплекс «Гюмюш-хане», где добывали и обрабатывали цветные и драгоценные металлы. Располагался он в Борчало (на севере современной Армении), а принадлежал грузинским царям.

Гуниб — селение, располагавшееся в прошлом на Гунибском плато; в настоящее время коренные гунибцы проживают в селениях Аркас и Манасаул Буйнакского района.

Гянджа — город в республике Азербайджан, столица сильного Гянджинского ханства; бывший Кировабад.

Дагестан — в публикуемых текстах так называют горные районы Северо-Восточного Кавказа.

Данух — селение в Гумбетовском районе.

Дарада-Мурада — два небольших селения, расположенные на стратегически важном перевале, связывающем бассейны рек Аварское Койсу и Каракойсу; Гергебильский район.

Даргинский вилайт — Даргинский округ Дагестанской области; Акушинский, Левашинский и Сергокалинский районы. Подавляющее большинство населения Даргинского округа говорило на диалектах даргинского языка, в нескольких населенных пунктах употреблялся аварский язык.

Дарго — чеченское селение; Веденский район Чечни.

Дербентское ханство — государство во главе с династией кайтагского происхождения; город Дербент и часть территорий Дербентского и Магарамкентского районов.

Джар — знаменитый в истории Кавказа аварский населенный пункт, главный центр сильной и воинственной Джаро-Белоканской республики; Закавказский район республики Азербайджан.

Дженгутай — зимняя ставка Мехтулинских ханов; Буйнакский район.

Елису — селение в прошлом лезгино-аварское, ныне азербайджаноязычное, являвшееся центром княжества, которое занимало верховья Самура и бассейн р. Курмухчай — левого притока Алазани; в Кахском районе республики Азербайджан.

Ереванское ханство — мусульманское государство на территории современной Армении.

Зирани — селение в Унцукульском районе.

Зоноб — ущелье на территории Ахвахского района, по которому проходит один из важных путей, связывающих бассейны Андийского и Аварского Койсу.

Зубуль — селение в Казбековском районе; ныне зубульинцы переселились в Кизилюртовский район.

Игали — селение в Гумбетовском районе.

Ингердах — селение в Ахвахском районе.

Инхело. Селение Верхнее Инхело расположено в Ахвахском районе, а Нижнее Инхело — в Ботлихском.

Инхо. Селения Верхнее и Нижнее Инхо расположены в Гумбетовском районе.

Итля — селение, располагавшееся в прошлом в Хунзахском районе, около Батлаича.

Ичичали — селение в Гумбетовском районе.

Ишкарты. Селения Верхнее и Нижнее Ишкарты расположены в Буйнакском районе.

Иора — река в Восточной Грузии, известная аварцам как Карби (сравн. азерб. «Кабырры»).

Казанище. Селения Верхнее и Нижнее Казанище расположены в Буйнакском районе.

Казикумух — знаменитое в истории Северо-Восточного Кавказа селение Кумух Лакского района, которое было в прошлом «городом» — центром одного из наиболее крупных и сильных государств Дагестана. В состав Казикумухского ханства, наряду с лакскими селами, составлявшими ядро данного государства, входили аварские, агульские, даргинские и лезгинские населенные пункты.

Кайтаг — государство с даргинским, кумыкским, а также азербайджанским и еврейским населением; последние две этнические группы составляли нечто вроде низших каст. Древнейшими центрами Кайтага были горные даргинские селения Каракорейш и Уркарах. Позднее кайтагские правители-уцми проживали в основном в предгорье — в кумыкском селе Башлы, а также в Маджалисе; Кайтагский, Каякентский и отчасти Дахадаевский, и Дербентский районы.

Карабахское ханство — территория Нагорного Карабаха и прилегающих частей современных Азербайджана и Армении. Центром этого ханства был карабахский город Панахабад, более известный ныне как Шуша.

Карадагское ханство — территория в северном Иране, на южном берегу р. Аракс. Центром этого ханства был город Ахар.

Карата — селение в Ахвахском районе, являвшееся центром Каратинского «союза» сельских общин.

Карах — «союз» сельских общин, занимавший часть территории Чародни-ского и Гунибского районов (Гочоб, Гочада, Бацада и т. д.).

Ках — селение в Хунзахском районе.

Квегадатль хабал — одно из хунзахских кладбищ.

Кегер — селение в Гунибском районе.

Кизилбаши — азербайджанцы-шииты.

Киялальский округ — часть территории Шатоевского // Советского района Чеченской республики, соответствующая бассейну р. Шароаргун выше сел Дай.

Киялальцы — обитатели верховий Шароаргуна, говорившие на чеченском и аварском (чаматальском) языках.

Койсубулу — «союз» сельских общин, занимавший часть территории Гергебильского, Гумбетовского и Унцукульского районов.

Колоб — в публикуемом источнике подразумевается одно из селений либо Хунзахского района (Хиндахский сельсовет), либо Унцукульского (Иштибуринский сельсовет).

Корода — селение в Гунибском районе.

Кудали — селение в Гунибском районе.

Кудутль — селение в Гергебильском районе.

Курчалой — чеченское селение; в Шалинском (?) районе Чеченской республики.

Кухнашахар — Старая Шемаха; урочище в Шемахинском районе Азербайджанской республики, лежащее к северо-востоку от современного г. Шемаха

Марагинское ханство — территория в Северном Иране к югу от озера Урмие; столицей этого ханства был город Марага.

Мартан — подразумевается, видимо, сел. Урус-Мартан; в Чеченской республике.

Мехтула — ханство с династией хунзахского происхождения, занимавшее часть территории Буйнакского (Апши, Дженгутай и т. д.), Карабудахкентского (Дургели, Кака-Шура, Параул) и Левашинского (Охли, Урма и т. д.) районов. Население этого ханства, называвшегося по-аварски «Юрт», говорило: на аварском и кумыкском языках, а частично (в отдельных кварталах некоторых селений) и по-татски. Столицы Мехтулы: летняя — Охли, зимняя — Нижний Дженгутай.

Миарсо — селение в Ботлихском районе.

Миатли — селение в Кизилюртовском районе, выше Верхнего Чирюрта

Мичиковская область — часть территории Шалинского (Аллерой, Бачи-

Юрт и т. д.) района Чеченской республики, но иногда так именуют почти все равнинные и предгорные земли Восточной Чечни (Веденский, Ножайюртовский и Шалинский районы).

Мичихич — в Дагестане так называли восточных чеченцев, обитавших в предгорьях и на равнинах, в том числе собственно мичиковцев и ичкеринцев.

Моксох — селение в Унцукульском районе.

Мосокиб — западная часть Тушетии, населенная в прошлом цовцами, говорившими на обособленном диалекте чеченского языка и придерживавшимися христианства. Ныне эти цовцы (по-аварски *мосок*) переселились в Кахетию.

Муни — селение в Ботлихском районе.

Нахичеванское ханство — территория к северу от р. Аракс с центром в городе Нахичевань; республика Азербайджан.

Обода — селение в Хунзахском районе.

Орота — селение в Хунзахском районе.

Османское государство — Турция.

Ругуджа — селение в Гунибском районе.

Сагри — мост через р. Андийское Койсу, находящийся между сел. Чирката и Игали.

Салатавия — территория части Буйнакского (сел. Чиркей) и Казбековского (кроме Калининаула и Ленинаула) районов.

Салта — селение в Гунибском районе.

Самилал — жители одного из древних кварталов сел. Хунзах.

Сибирь — в публикуемых текстах так именуют расположенные вдали от Кавказа территории Российской империи, куда царское правительство ссылало провинившихся, с его точки зрения, дагестанцев и чеченцев.

Согратль — селение в Гунибском районе.

Табасаран — в публикуемых текстах так именуют территории, находившиеся под управлением Табасаранских *майсумов*-князей и кадиев. Население этих территорий говорило на табасаранском (капганском), лезгинском, агульском, азербайджанском и татском языках.

Талта — одна из возвышенных частей сел. Хунзах, где стояли дома знати, членов нуцальского дома.

Тандо — селение в Ботлихском районе.

Тануси — селение в Хунзахском районе, занимающее стратегически важное и труднодоступное местоположение.

Тарки — поселок в черте г. Махачкала, являвшийся в прошлом местопребыванием влиятельных в Дагестане князей-шамхалов, выходцев из лакского Казикумуха.

Телетль — издавна крупное селение в Советском районе.

Технуцальская область — часть территории современного Ботлихского района (Ансалта, Ботлих, Глох и т. д.).

Технуцальцы — население Технуцальской области, говорившее на аварском, андийском, ботлихском, и, кажется, чеченском языках.

Тиндинская область — часть правобережной территории Цумадинского района (сел. Тинди с хуторами).

Тленсерух — «союз» сельских общин, занимавший часть территории Чародинского района (Ириб, Гиблиб и т. д.).

Глох — селение в Ботлихском районе.

Глайлух — селение в Хунзахском районе.

Тобтида — местность в Хунзахском районе, где сейчас расположено сел. Арани.

Тукита — селение в Ахвахском районе, входившее в прошлом в состав Хунзахской общины «войска».

Турчи-даг — богатое травами и водой горное плато на границе Гунибского и Лакского районов.

Тушетия — часть республики Грузия, расположенная в бассейнах рек Пирикита-Алазани и Тушетской Алазани. Обитателями Тушетии являются издавна носители диалектов грузинского и чеченского языков. На протяжении веков Тушетия платила дань Аварским ханам.

Ули — удобное для возведения крепости урочище, расположенное напротив сел. Гергебиль, на левом берегу Койсу.

Урмийское ханство — территория в Северном Иране, к западу от озера Урмие. Столицей этого ханства был город Урмия.

Хазра — старинное лезгинское селение (*Яргун*) на территории Кусарского района республики Азербайджан.

Харахи — селение в Хунзахском районе.

Харачи — селение в Унцукульском районе.

Хариколо — селение в Хунзахском районе.

Хашимида — люди, принадлежащие к тому ответвлению арабского племени корейш, из которого вышел пророк Мухаммед.

Хиндах — селение в Гунибском районе.

Ходоб — местность неподалеку от сел. Ругуджа Гунибского района.

Хойское ханство — территория в Северном Иране, расположенная к северо-западу от озера Урмие. Столицей этого ханства был город Хой.

Хоточ — селение в Гунибском районе.

Хунзахцы — население ряда населенных пунктов, входивших в Хунзахское «войско» (*бо*). Почти все эти «хунзахцы» говорили на аварском языке, в одном селении употреблялся диалект каратинского языка.

Цатаних — селение в Унцукульском районе.

Центарой — чеченское селение в Ножаюртовском (?) районе Чеченской республики.

Цудахар — издавна крупное селение, являвшееся центром Цудахарского «союза» сельских общин, в который, наряду с даргинскими селениями, входили времена и аварские (например, Салта); в Левашинском районе.

Цулда — селение в Чародинском районе.

Цунта — часть территории современного Цунтинского района (селения Кидеро, Мокок, Шия и т. д.).

Чамалалаяская область — часть левобережной территории Цумадинского района (Гигатль, Гадири, Гаквари и т. д.).

Чеберлойская область — населенная чеченцами часть территории Веденского района Чечни; район, прилегающий к Анди и Ансалта.

Чечня — в публикуемых текстах термином «Чечня» обозначается нередко западная часть Шалинского района (сел. Чечен-аул и т. д.) Чеченской республики.

Чинква — урочище близ сел. Орота

Чирах — даргинское селение в Агульском районе, занимающее стратегически важное положение на дороге, которая связывает Сулакский бассейн с Южным Дагестаном.

Чирката — селение в Гумбетовском районе, исторически входившее, однако, в Койсубулинский «союз», а не в Гумбетовский.

Чиркей — издавна крупный населенный пункт, «город»; Буйнакский район.

Чирюрт — в публикуемых текстах речь идет о русской крепости, находившейся около г. Кизилюрта, ближе к Бавтугаю.

Чох — издавна крупный населенный пункт, «город»; Гунибский район.

Шалинская область — часть Шалинского района Чеченской республики.

Шатой — часть территории Шатоевского (бывшего Советского) района Чеченской республики, расположенная в низовьях Чанты-Аргуна (селения Шатой // Советское, Вашиндарой и т. д.) Шатой // Шубут входил в состав дагестанских княжеств еще в XV—XVI вв.

Шекинское ханство — территория примерно соответствующая современному Шекинскому району республики Азербайджан с центром в городе Шеки, который в прошлом назывался Нуха.

Шемаха — город в республике Азербайджан, столица обширного и сильного Шемахинского ханства.

Ширван — часть республики Азербайджан, расположенная к северу от р. Куры, прежде всего земли, тяготеющие к г. Шемахе.

Шура — в публикуемых текстах так именуется, в соответствии с дагестанской традицией, построенный русскими город Темір-Хан-Шура; ныне Буйнакск.

Шуша — столица Карабахского ханства, которую именовали также Панахабад; Нагорный Карабах; Азербайджан.

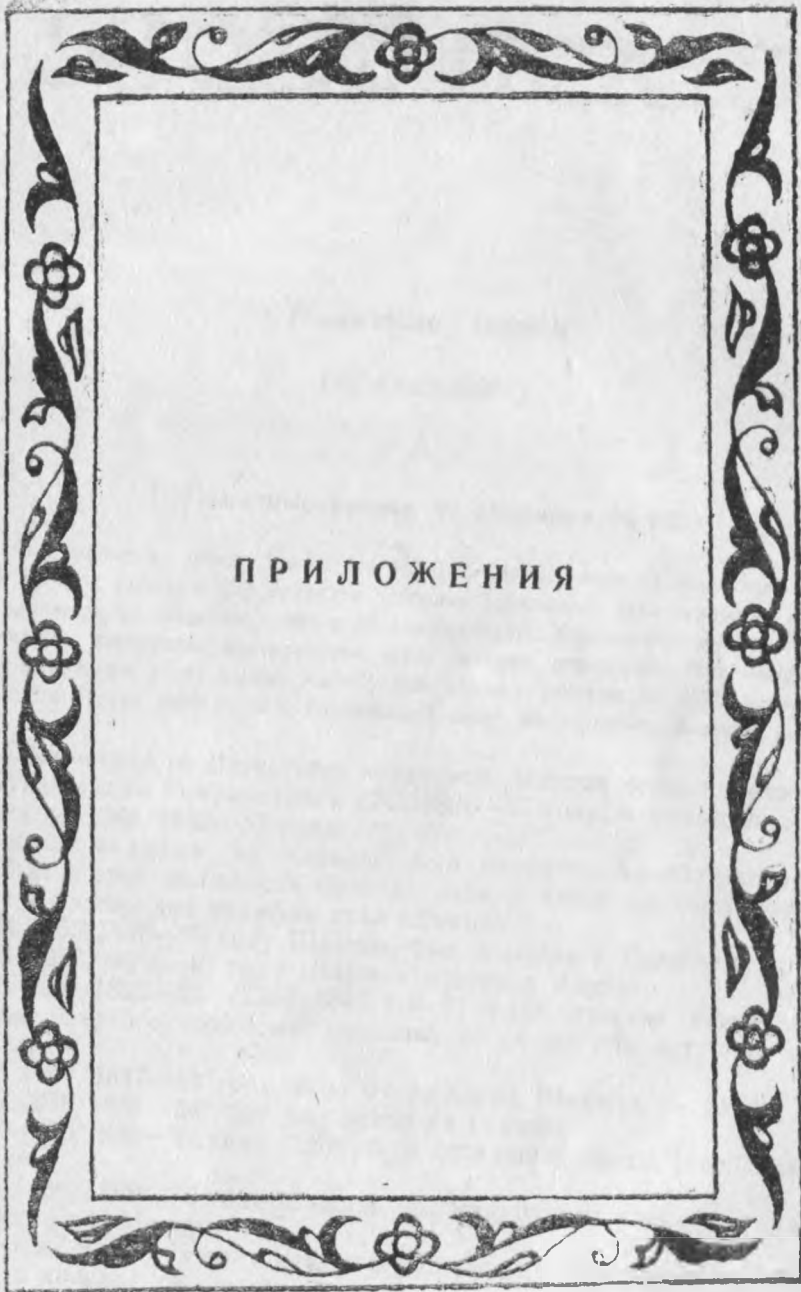
Щотота — селение в Хунзахском районе. Следует, однако, отметить, что один из древних кварталов Хунзаха издавна назывался также «Щотота».

Эндирей — издавна крупный населенный пункт, «город» более известный как Андрей-аул; Хасавюртовский район. Эндирей был одним из главных местопребываний Кумыкских князей — выходцев из лакского Кумуха, власть которых признавало: тюркоязычное (кумыкское, ногайское), чеченоязычное и аваро-язычное население прилегающих земель.

Янгиюрт — селение Султан-Янгиюрт Кизилюртовского района.

Яраг — ныне заброшенное старинное лезгинское селение, занимавшее стратегически важное положение; на территории Магарамкентского района, к юго-западу от Целягуна.

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. И. Жданов

Памятные записи

(приложение)

—А—

1. **Памятные записи из сборника № 653**

В Рукописном фонде Института ИЯЛ Северокавказского научного центра АН РФ под номером 653 хранится сборная рукопись. Она содержит в себе исторические (в числе их хроника Мухаммадтахира Карахского) и иные по содержанию материалы, значительная часть которых переписана Мухаммадтахиром Карахским и его сыном Хабибуллой. Между листами 54 и 55 названной рукописи вклеен лист бумаги, содержащий ниже приводимые памятные записи.

Обновление [в Дагестане] исламской религии было начато Газимухаммадом Гимринским в 1242/1826—27 году; в живых он оставался до 1248/1832—33 года.

Затем халифом [на Кавказе] был назначен Хамзат, который пробыл в этой должности полтора года, а после него в условиях смут и беспорядка халифом стал Шамиль.

В 1253/1837—38 году Шамиль был осажден в Телетле.

В 1255/1839—40 году Шамиль спасся с Ахульго.

В 1241/1825—26 (1261/1845 г.—?) году русские вступили в Старое Дарго с андийской стороны, тогда же они вступили и в Карах.

В 1264/1847—48 году имел место поход Шамиля на Ахты.

В 1270/1853—54 году был поход на Грузию.

В 1275/1858—59 году Шамиль и остальные горцы (дагистани) сдались.

В 1286/1869—70 году Шамиль был отпущен из плена и отправлен в священную Мекку.

В 1287/1870—71 году Шамиль скончался и был погребен в Медине, в прекрасном месте.

В 1294/1877 году началась война между мусульманским императором-*падишахом* и русскими. В месяце же зу-л-када этого года здесь произошла гнусная смута от [рук] русских^а, именуемая смутой Согратлинецов, в результате которой были сожжены селения Согратль и Телетль.

В 1333/1914—15 году началась война. Часть неверных сражалась при этом между собой, а часть — с мусульманами-турками. Война шла беспрерывно в течение уже трех лет, но тут русские свергли своего императора, после чего они ослабели. Тогда-то, заключив мир, они и начали возвращаться к себе на родину. В 1337/1918—19 году они ушли и из Дагестана.

2. Памятные записи, представленные нам Магомедгаджиевым Магомедом — кадием сел. Обода

Названный кадий представил в наше распоряжение сборную рукопись, переписанную в пределах конца XIX — начала XX вв., кажется, ирганайцем Мухаммадом — сыном Дибера, как тот сообщает, из материалов «наших ирганайских древних ученых». На Хунзахское плато этот сборник был доставлен из Ирганая геничутлином Мухаммадзахиром в 1974 г.

Рукопись содержит значительный исторический материал (Тарих Дагестан, адаты Тленсеруха, адаты Андалала, Дербент-наме и т. д.), правда, в основном уже хорошо известный. На листах 296 — 40а данного сборника находятся нижеприводимые памятные записи.

Наш благородный эмир Уммахан Аварский умер в месяце зу-л-када 1215/1801 года.

Эмир Аваристана Гебек — брат Уммахана — был убит в селении Хунзах (*Хумзах*), в доме своего отца в месяце рамадан 1216/1802 года.

Эмир по имени Султан умер в 1224/1809—10 году.

1248/1832—33 год — дата убийства Баху и ее сыновей.

114/732—33 год — дата исламизации Дагестана рукой Абу-муслима и разрушения крепости Анджи.

1250/1834—35 год — дата убийства Хамзата в хунзахской мечети.

1131/1718—19 год — дата смерти Махди, сына Алисултана.

1235/1819—20 год — дата кончины эмира Хасанхана Дженгутаевского.

1238/1822—23 год — дата кончины Султанахмад-хана Аварского.

^а Текст, следующий ниже, написан, кажется, другой рукой.

1236/1820—21 год — дата постройки крепости Бурная (*Бавра-ния*) на таркинской горе.

1238/1822—23 год — дата прихода русских в селения Эрпели и Каранай и сожжения ими последнего.

1134/1721—22 год — дата прихода проклятого [царя Петра] в Кумыкию, разрушения Эндерея, сожжения селений Равнины и разграбления богатств Аксая.

1134/1721—22 год — дата сожжения селения Утамыш.

1134/1721—22 год — дата захвата крепости Дербент.

В тысяча двести семьдесят седьмом (1860/61) году по хиджре умер правитель-*валий* Дагестана Абумуслим-хан-шамхал.

В тысяча двести семьдесят пятом (1858/59) году шамхал Шамсуддин уселся на месте своего отца.

Месяц рамадан 1258/1842—43 года — дата смерти повелителя-эмира Буйнака Шахбаза Малого, брата шамхала.

1148/1735—36 год — дата восшествия Ахмадхана на [мехтулинский] трон (*тахбак*).

В среду, в начале месяца мухаррам 1259/1843 года умер Ахмадхан Младший — эмир Дженгутая.

1161/1742 (1261/1845 г.?) год — дата смерти Султанат-бике в Дербенте.

В пятницу месяца раби ал-аввал 1265/1849 года умерла Кихилай-бике, жена Абумуслим-хан-шамхала.

1115/1703—704 год — дата смерти Хана, сына Мухаммада

1115/1703—704 год — дата [смерти?] Будай-шамхала, сына Мухаммада.

1123/1711—12 год — дата кончины Албури, сына Хана.

1135/1722—23 год — дата кончины Махди-шамхала.

1118/1706—707 год — дата кончины Гирея, сына Умалхад-шамхала, сына Хана.

1245/1829—30 год — дата землетрясения и разрушения селений на Равнине.

1246/1830—31 год — дата прихода холеры в Дагестан и смерти людей от нее.

1249/1833—34 год — дата прихода голода в страну-*вилаят* Дагестан.

Приход чумы в селение Казанище — в вилайат, именуемый Равниной, — имел место во время правления Будай-шамхала; появилась она в среду пятнадцатого числа месяца сафар 1150/1737 года.

По прошествии сорока четырех лет после той, давней, чумы, которая поразила и Казанище, в 1115/1703—704 году Хан был убит Адильгиреем Тарковским.

Адиль [гирей] умер через шесть лет после того, как его схватили русские, причем умер он среди них.

В 1137/1724—25 году русские с боем вошли в селение Кумторкала.

В 1099/1687—88 году, во время правления Мухаммад-нуцала большая чума посетила все области Дагестана.

Наш величайший имам Хамзат был убит в 1249/1833—34 году.

Наш величайший имам Мухаммад [ал-Мансур выступил — ?] в [чеченском] селении Алда в 1199/1784—85 году.

1199/1784—85 год — дата прихода русских в селение Алда.

1244/1828—29 год — дата выступления гимринца Газимухаммада Длинного, начала обновления шариата и распространения тариката. Затем Газимухаммад двинулся с великим войском в сторону Гумбета и Анди. Он победил тогда и гумбетовцев, и андийцев и повернул их на путь шариата. Оттуда Газимухаммад направился было в сторону Хунзаха (*Авар*), но на сей раз его войско потерпело поражение вследствие мошенничества, допущенного частью [его] противников. Произошло это в 1245/1829—30 году.

Уповая только на Аллаха, Газимухаммад в рамках священной войны за веру совершил затем походы против таркинской крепости, Эндирея и Дербента. Он перебил тогда множество лицемеров-*мунапиков* и отрубил головы тем кумыкским главарям и повелителям-*эмирам*, которые держали сторону неверных. Жителей селений и городов, расположенных между Дербентом и рекой Терек, Газимухаммад переселил при этом на отроги гор и вовнутрь их.

Нападение Газимухаммада на крепость Кизляр, подготовленное в глубокой тайне, захват ее, разграбление имевшихся там богатств, убийство целого ряда кизлярских мужчин и взятие в плен кизлярских женщин и подростков имели место в благословенном месяце джумада ал-ахира 1274/1831 года.

В 857/1453 году город Стамбул (*Исламбул*) вместе со своим неверным правителем Константином попал в руки мусульман.

6685 год — дата Адама.

1256/1840—41 год — дата ухода Шамиля с Ахульго, его бегства в вилайет Чачан, конкретно, в Беной (*Баяни*), а также — взятие русскими пленных (*ясир*) с Ахульго.

1247/1831—32 год — дата выступления Газимухаммада, а также разрушения Тарки и прочих селений.

1134/1721—22 (1234/1818—19 г. — ?) — дата прихода проклятого Ермолова (*Ярмалуп*) в Мехтулу, разграбления им имущества параульцев и сожжения селения Дженгутай.

1235/1819—20 год — дата прихода Ермолова в Дарго и сожжения им даргинских селений.

1234/1818—19 год — дата [прихода] проклятого Вельяминова (*Миллямилуп*) в селение Аймаки и его сожжения последним.

1148/1735—36 год — дата кончины Уммахана и Айдемира, сына Махди.

1148/1735—36 год — дата рождения Махди, сына Ахмадхана, и вступления в Дургели Пари-бике, жены Ахмадхана, а также — сожжения селения Параул.

1242/1826—27 год — дата прихода в Гянджу шахского сына-шахзадэ.

1242/1826—27 год — дата захвата вилайатов: Карабах, Ширван, Шеки и Куба [иранцами], пришедшими с *шахзадэ*, а затем бегства вследствие победы, одержанной русскими, войск этого шахзадэ и возвращения его в свой вилайат.

1234/1818—19 год — дата ухода Султанахмад-хана Аварского в сторону Башлы и изгнания оттуда русского войска войском дагестанцев.

1241/1825—26 год — дата нападения войска, состоявшего из нижних чеченцев (*мичихич*), на крепость Аксай, разграбления ими имущества, которое имелось в крепости Амир-Аджи-Юрт (*Амир-хаджи*), захвата солдат, а также убийства русскими большого числа аксаевцев и выселения оставшихся.

1225/1810 год — дата прихода величайшей чумы и распространения ее по вилайату Дагестан.

1099/1687—88 год — дата чумы, которая распространилась по всему Дагестану.

705/1305—306 год — дата исламизации кубачинцев.

1134/1721—22 год — дата разрушения вилаята Ширван.

1134/1721—22 год — дата взятия Шемахи.

1246/1830—31 год — дата [смерти — ?] Мухаммада, сына Али-султана.

Вторник, полдень, четырнадцатое число месяца рамадан 1246/1835 года — время кончины Махди-хан-шамхала, валия Дагестана.

Сыновья Махди-шамхала: Сулайман-шамхал, Абумуслим-шамхал и Зубаир. Когда умер Махди-шамхал, его место занял сын — Сулайман. Когда умер Сулайман, его место занял брат — Абу-муслим-шамхал. Когда же умер Абумуслим, его место занял сын Шамсудин.

Мухаммад-бек, Шахбаз и Шахвали — братья Абумуслим-шамхала.

Потрясающая чума появилась в хунзахских (*авар*) селениях в великом месяце ... От нее умер глава людей; в 1142/1729—30 году.

1154/1741—42 год — дата прихода иранских (*гизилбаш*) войск в Дагестан. Войска приверженцев истинного ислама ударами сабель разбили их, однако, и отогнали в сторону крепости Дербент.

1248/1832—33 год — дата убийства Мухаммада, сына Мухаммад-кади, сына Хаджимухаммад-кади, сына Давуд-кади, сына

Мухаммад-кади, сына Муса-кади, сына Хаджимухаммада, сына Мухаммада, сына Мусы; все они были ирганайцами.

1148/1735—36 год — дата прихода войск кизилбашского шаха Таймаз-хана на землю цудахарцев.

1098/1686—87 год — дата прихода в Дагестан большой чумы.

В 1148/1735—36 году — произошло большое землетрясение.

В 1151/1738—39 году произошло еще одно большое землетрясение.

Имена предков Уммахана: Умма-нуцал — сын Шамхал-нуцала, сына Мухаммадшамхала, сына Турурава, убитого в Мосокибе, сына Загаштука, сына Турурава, сына Каракиша, сына Турурава Глупца, убитого в сражении с неверными в Мосокибе, сына Андунника-нуцала; Турурав и Андуник-нуцал — братья и по матери, и по отцу.

Подло убитый Барти — сын подло убитого Амирхамзы-нуцала^а, сына Барти-кихлава, убитого тогда, когда войска кумухцев и гидатлинцев подошли к селению Тукита, — сына подло убитого Мухаммад-нуцала, сына Кушканти-кихлава, сына Барти, убитого в сражении с *мосоками*, сына Андуник-нуцала.

Дугри-нуцал умер в 1078/1667—68 году.

Уммахан-нуцал убил двух своих братьев — Ханкалава и Мухаммада, сына Турурава, а также [сво — ?] его сына Турурава в селении Ках в 1143/1730—31 году.

В 1145/1732—33 году у него^б родилась Пахуч-меседо.

В 1148/1735—36 году Уммахан-нуцал был убит в селении Малах (*Маках*).

1120/1708—709 год — дата смерти Уммахана, брата Мухаммад-нуцала.

Гебек и Уммахан — сыновья нуцала. Нуцал же и Мухаммад-мирза являлись братьями по отцу и по матери.

У нуцала было^в три дочери:

Первая — Гистамам, которую нуцал выдал замуж за Алисултана, сидевшего в Дженгутаевской области. Она родила ему двух сыновей: Хасанхана и Султанахмата. Сыновьями Хасанхана являются Ахмадхан и Алисултан.

Вторая дочь^г — Аймесе, которую нуцал выдал замуж за Шамхмардана Казикумухского. Она родила ему сына Аслан-хана.

Что касается Сурхай-хана Казикумухского, то он был братом

^а Приписка, стоящая под строкой: «Дурних» (чит. Дурги — ?).

^б Подстрочный значок связывает это местоимение с фразой «его сын Турурав».

^в В тексте: «У них обоих».

^г В тексте ошибочно: «сестра их обоих» (т. е. нуцала и Мухаммадмирзы).

Шахимардана, а следовательно — дядей Аслан-хана по линии отца. Матерью же Сурхай-хана была шиитка (*хаджария*).

Третья дочь нуцала — Бахтика. Она была выдана замуж за карабахского хана, которого именовали Шушу-хан.

Одна из его дочерей была замужем за шамхалом.

Баху была дочерью Уммахана, который выдал ее за родственника — Султанахмата; матерью Султанахмата была Аймесе.

Если нуцал и Мухаммадмирза были братьями и по матери и по отцу, то Уммахан и Гебек — братья только по отцу. Что же касается матери Гебека, то она была грузинкой и звали ее Мариян.

Что касается Китлилай, то она — дочь Мухаммадмирзы. Последний выдал эту Китлилай замуж за Уммахана — сына ее дяди по линии отца.

Баху и Султанахмат пришли затем в Хунзах (*Хумзах*), оставив его брата Хасанхана в Дженгутае; у этого Хасанхана было два сына: Ахмадхан и Алисултан.

Родились сыновья и у Баху с Султанахматом: Уммахан, Нуцал-хан и Булач; это были сыновья Султанахмата и Баху, дочери Уммахана Великого. Уммахан и Нуцал-хан были затем убиты в местности То[б]тида, когда войско Хамзата пришло в Аваристан. Что же касается Булач-хана, то его сбросили в реку в местности *Рорхатал хаяби*, принадлежащей унцукульцам.

1248/1832—33 год — дата убийства сыновей Баху и Султанахмата.

Карамухаммад Ирганайский — сын Алхаса был убит в местности То[б]тида в 1248/1832—33 году.

Уммахан, Нуцал-хан, Булач и Султанат-бике — дети Баху и Султанахмата. Султанат была затем выдана замуж за валия Дагестана Абумуслим-шамхала и родила ему сына по имени Шамсуддин, который является сейчас шамхалом, а также — дочь по имени Райханат, жену Ибрахим-хана.

Высокостепенный валий Дагестана Абумуслим-хан-шамхал умер ночью в понедельник, за два дня до окончания месяца раби ал-аввал тысяча двести семьдесят седьмого (1860) года.

Тысяча двести семьдесят шестой (1859/60) год — дата захвата русскими Дагестана и его имама—Шамиля, заключения последнего под арест в селении Гуниб и распространения затем этих рус-

ских по горным селениям.

Сурхай-хан был эмиром Казикумухского вилаята. Аслан-хан, опасаясь своего дяди Сурхай-хана, убежал тогда из Кумухского вилаята в [турецкий] вилайт Эрзерум.

Шахимардан и Сурхай-хан были братьями как по отцу, так и по матери. Аслан-хан же — сын Шахимардана.

Аслан-хан пробыл в вилайте Эрзерум два года. Затем, однако,

между ним и русскими был заключен договор и тогда Аслан-хан прибыл в вилайт Казикумуха с русскими войсками, а его дядя Сурхай-хан убежал в селение Согратль, где и умер.

Ираклий был правителем-*хакимом* Тбилиси и Гурджистана. Местопребыванием его был Тбилиси.

Шихали-хан был *хакимом* Дербента и Кубы. Умер он в селении Балаханы.

Сильным эмиром был и нухинский хан (*Нуху-хан*). Но вот однажды в вилайт Гурджистан прибыл Уммахан с многочисленным войском, имея целью: священную войну с неверными и приобретение добычи. Затем вдруг этот Уммахан отправил в Нухинский (*Нуху*) вилайт своего родственника Алискандара Гоцатлинского — отца Хамзата, вместе с пятью мужами: они должны были выколоть глаза у того нухинского *хакима*. Уммахан при этом отправлял Алискандара на то дело с тайным намерением: увидеть убитым не нухинского *хакима*, а Алискандара. Его намерения, однако, не осуществились. Произошло обратное тому, что задумал тогда Уммахан — Алискандар возвратился из Нухинского вилайта, выколов глаза нухинскому *хакиму*. После этого Уммахан раскаялся.

1215/1800—801 год — дата смерти Уммахана Аварского.

В 1250/1834—35 году Хамзат был убит в мечети хунзахцев (*хумэ*).

114/732—33 год — дата исламизации Дагестана от рук Муслима и разрушения крепости Анджи.

Наш благородный эмир Уммахан умер в месяце зу-л-када 1215/1801 года.

1131/1718—19 год — дата смерти Махди, сына Алисултана.

1247/1831—32 год — дата выступления Газимухаммада Гимринского, а также разрушения Тарки и прочих селений.

Дамадан Мегебский умер в Гяндже в месяце сафар 1137/1724 года во время захвата ее турками-османами (*усманлу*).

Мухаммад Кудутлинский, сын Мусы, родился в 1062/1651—52 году.

Хаджи: Мухаммад Кудутлинский и его сыновья Хаджимухаммад и Абакар по прозвищу Дибир умерли в 1129/1716—17 году.

В 1184/1770—71 году чума поразила область гидатлинцев и тогда умерли ученые: Хадис, Хаджиабрахим, Байбун и Багучалав, а также другие известные люди^а.

1336/1917—18 год — дата прихода турецких войск в Дагестан и овладения ими последним.

^а Две памятные записи, следующие ниже, написаны, видимо, позднее прочих и другой рукой.

1339/1920—21 год — дата прихода в Дагестан и в русские округа голода, причем такого, что корову продавали за пять мерок [серебра — ?].

Тысяча двести шестидесятый (1844) год — дата сожжения селения Унцукуль, а также коварного убийства в местности Мухита большого числа унцукульцев, вышедших на зов о помощи.

Тысяча двести шестьдесят первый (1845) год — дата захвата Кадара (*Гадар*) койсубулинским войском.

Тысяча двести шестидесятый (1844) год — дата изгнания войском Шамиля русских из девяти крепостей: из Унцукуля, Цатаниха, Моксоха (*Мускух*), Хунзаха, Гоцатля, Гергебиля, Балахан, Зирани и Бурани, а также — убийства неверных, сидевших в каждой из этих крепостей.

3. Памятные записи из старопечатной книги «Фатх ал-джалил»

В библиотеке упомянутого выше ободинского кадия М. Магомедгаджиева среди старопечатных изданий хранится труд ученого ас-Саджаи, именуемый «Фатх ал-джалил».

На первом и последнем листах этой старопечатной книги находятся следующие памятные записи.

191/806—807 год — дата исламизации всего Дагестана руками Абумуслима и разрушения крепости Анджи (*А-н-х*).

Дата прихода чумы в область гидатлинцев; и еще — в том же 1184/1770—71 году умер главарь по имени Маллачилав.

1098/1686—87 год — дата прихода большой чумы.

1246/1830—31 год — дата прихода холеры в Дагестан.

1246/1830—31 год — дата выступления имама Газимухаммада Гимринского, а также разрушения Тарки.

1268/1851—52 год — дата солнечного затмения.

1098/1686—87 год — дата прихода чумы в город Кумух во время правления Будаи-шамхала; [записал] Кудутлинский.

1148/1735—36 год — дата прихода войска Тахмаз-хана (Надир-шах — Т. А.) на землю цудахарцев.

Месяц мухаррам 1310/1892 года — дата прихода холеры в Дагестан.

Начало месяца зу-л-хиджжа 1305/1888 года — дата заключения сыновей ученого Газиява Ободинского под арест в крепость Аваристана.

а) На последнем же листе книги «Фатх-ал-джалил» написаны и такие памятные записи:

Благородный эмир Уммахан умер в 1215/1800—801 году.

Эмир Ахмадхан умер в месяце мухаррам 1259/1843 года, в середине зимы.

В 1218/1803—804 году имело место разорение вилаята Джар-Белокан (*Биликанди*), а также того, что находилось тогда около них обонх. Совершило это войско, состоявшее из русских, грузин и тушинцев. Произошло же названное событие то ли в начале месяца мухаррам, то ли в конце зу-л-хиджжа.

В месяце сафар 1252/1836—37 года, в конце весны, русские вступили в город Хунзах (*Авар*).

В месяце раджаб 1255/1839 года, в конце лета, русские разрушили Ахульго.

В середине осени, в среду ночью седьмого числа месяца зу-лкада 1259/1843 года русские убежали [из Хунзаха], будучи в страхе от имама Шамиля.

В субботу ночью второго числа месяца раби ал-аввал (1844 г.) жителям селения Хунзах было дано указание: взяв из домов свои пожитки, освободить затем эти дома для их последующего разрушения. Начав тогда разносить стены и иные сооружения, они разрушили дома к понеделнику месяца раби ал-аввал. Полностью же они закончили все это во вторник пятого числа названного месяца 1260/1844 года, на 5-й день весны.

Ученый кадий Алибек умер семнадцатого числа месяца джумада ал-ахира 1265/1849 года.

Это сообщения о событиях, которые произошли в Хунзахском вилаяте:

Эмиром Хунзахского вилаята — нет! эмиром вилаята Дагестан — являлся Уммахан, сын нуцала. Был он эмиром щедрым, храбрым и искусным в своем деле. Сына Уммахан не имел, но зато достоинства его были неисчислимы.

Уммахан пошел было в очередной раз на священную войну с грузинами, но на сей раз дело у него не получилось. Он повернул тогда с намеченной дороги назад и остановился в Джарском вилаяте, где затем и умер в 1215/1800—801 году; могила его находится там же, в Джаре.

После того управление государством Уммахана взял на себя его брат по отцу — Гебек, рожденный от невольницы (*джария*) по имени Марьям. Этот Гебек правил около года. Затем, однако, в месяце рамадан 1216/1802 года его убила Китлилай, жена покойного Уммахана, которая одновременно являлась дочерью Мухаммадмирзы — дяди Гебека по линии отца.

Затем в Хунзах прибыл Султанахмад-хан — сын Алисултана, эмира вилаята *Юрт* т. е. Мехтулы. Он-то и принял на себя управление государством Гебека, с согласия [хунзахского] войска. Султанахмад-хан стал таким образом настоящим эмиром.

Султанахмад-хан, который был сыном сестры Уммахана и мужем его дочери Баху, женился затем и на Китлилай. Началом эпохи его правления стал тот же месяц рамадан ...; Султанахмад-хан претендовал на эмирскую власть в Аварии еще и до Гебека.

Переписано это из сочинения благородного Хадиса Андихского.

Эмир эмиров Султанахмад-хан умер в 1238/1822—23 году. Затем в течение примерно девяти лет правила его жена Баху, оставшаяся с тремя сыновьями и одной дочерью. Когда, однако, старший сын этой Баху Нуцал-хан достиг совершеннолетия, он взял владение отца в свои руки.

Затем в Хунзахский вилайат пришел с многочисленным войском Газимухаммад Гимринский. Не согласившись с речами миротворцев, он выказал намерение сразиться и захватить город Хунзах, но хунзахцы обратили его в бегство; в последний день месяца шабан 1245/1830 года хунзахцы, с позволения Аллаха, перебили значительное количество нападавших и сняли с них их оружие.

1199/1784—85 год — дата [рождения] Газимухаммада Гимринского. Дата же его гибели ...

Эпиграфические памятники (приложение)

— Б —

Сел. Верхний Яраг

1) Окраина села, здание мечети шейха Мухаммада Ярагского, в которой, по преданию, бывали имамы Газимухаммад и Шамиль.

Эта мечеть возведена столпом всех дагестанцев, ныне покойным шейхом Мухаммадом-эфенди.

В 1304/1886—87 году это здание было реставрировано благородной княгиней, ее высочеством Алам-бике (Ага-бике?) женой ныне покойного высокостепенного хаджи Юсуф-хана.

2) Сельское кладбище:

а) Это надгробие скончавшегося в 1320/1902—903 году Малла-мухаммада — сына хаджи Исмаила-эфенди, ученого, знавшего Коран наизусть, сына известного шейха Мухаммада-эфенди, ученого, знавшего Коран наизусть.

б) Это — усыпальница скончавшегося в месяце сафар 1322/1904 года выдающегося ученого, знавшего Коран наизусть, хаджи Исмаила-эфенди Ярагского, сына шейха, знавшего Коран наизусть Мухаммада-эфенди, сына Исмаила-эфенди, сына шейха Малла-камала, сына Нузура.

в) Это — могила блистательного ученого Мухаммада-эфенди — сына великого ученого, хаджи Исмаила-эфенди — сына гордого ученого, знавшего Коран наизусть, мухаджира, накшбендийского изгнанника, известного, несравненного навеки шейха Мухаммада-эфенди — сына ученого кадия Исмаила-эфенди — сына ученого Шайхкамала-эфенди.

г) Второго числа месяца рамадан 1310/1893 года скончался раб божий Аглар-бек, сын Салим-бека, сына хаджи Юсуф-хана, сына Тахир-бека, сына Шахмардан-бека, сына Мухаммад-хана, сына Сурхай-хана, который захватил Шемаху.

Сел. Целягюн Магарамкентского района, кладбище:

а) Это могила скончавшегося в 1307/1889—90 году кроткого по характеру князя-эмира Хасан-бека, сына Аббас-бека, сына Харун-бека, сына Тахир-бека, сына Шахмардан-бека, сына Мухаммад-хана, сына высокостепенного Сурхай-хана. Все они являются потомками Шайхибрахима Сирийского (Шами), который происходил из рода Хамзата — дяди пророка Мухаммеда.

б) В 1284/1867—68 году скончался Аббас-бек, сын Харун-бека, сына Тахир-бека, сына Шахмардан-бека, сына Мухаммад-хана, сына возвышенного Сурхай-хана — завоевателя Шемахи.

в) Это усыпальница скончавшейся в 1318/1900—901 году княгини Уммкульсум-бике, дочери благородного князя Хан-Харуна, которая была женой Хатам-бека, сына Мухаммадали-бека, сына Тахир-бека, сына Шахмардана, сына благородного князя Мухаммад-хана, сына благородного, уповавшего на Аллаха князя Сурхай-хана Чулака. Последний — завоеватель Шемахи, происходил из рода Хамзата, дяди пророка Мухаммеда.

г) В 1322/1904—905 году скончалась Патимат-бике, дочь Хасан-бека, сына Аббас-бека, сына Харун-бека, сына Тахир-бека, сына Шахмардана, сына Мухаммад-хана, сына завоевателя Шемахи Сурхай-хана.

Сел. Нижний Батлух Советского района, минарет соборной мечети:

а) Этот минарет построен по приказу кадия Омара руками Хитинова в 1265/1848—49 году.

б) Соборная мечеть сел. Нижний Батлух была построена, вероятно, впервые в 973/1565—66 г., о чем сообщает надпись на аварском языке (*мажгит бана 973 соналъ*). В стенах этой же мечети имеется и такая надпись: «Эта мечеть была реставрирована в тысяча двести пятьдесят третьем (1837/38) году».

Сел. Ассаб Советского района, соборная мечеть, построенная неким Бугал (сын Буги — Т. А.) Мусой:

Этот минарет воздвигнут во время халифата нашего победоносного, широко известного в народе имама Шамиля в то время, когда наиболее был здесь Хитинов Гидатлинский.

Написал этот текст Ибрахим Урадинский.

Сел. Чох Гунибского района, дом Ярахметова М.

Войска Шамиля разрушили наши дома и наши мечети в 1260/1844 году, а в 1281/1864—65 году была построена эта мечеть.

Сел. Обода Хунзахского района, кладбище.

Это — могила лучшего из шейхов народа, главы горских ученых, кадия Шабана Ободинского.

Плита эта была обновлена в 1[2]73/1856—57 году, в то время, когда наибом был здесь ученый Дибир Геничутлинский, а кадием — потомок ученых Мухаммад, сын кадия Омара Ахальчинского.

Сел. Цахур Рутульского района.

а) Кладбище: «Это — надгробие Адикуркулу, сына Мухаммад-хана^а. Скончался он в тысяча сто пятом (1693/94) году по хиджре».

в) Здание соборной мечети: «В 1266/1849—50 году жителей Цахура поразили насилия со стороны неверных, а самурцев (*ахл Санбур*) поразила тогда холера. Неверные сожгли цахурские селения, мечети и множество Коранов. Цахурцы же по причине того рассеялись в разные стороны и оставались затем в таком положении десять лет, но потом, по милости Аллаха все же вернулись в свои обители и заново отстроили свои селения. Здание же этой — соборной мечети Цахура восстановил в 1280/1863—64 году Малламухаммад-эфенди Цахурский — сын Якуба-эфенди, сына Рамазана-эфенди, сына Хаджиякуба-эфенди.

Сел. Лучек Рутульского района, в стене дома.

Эту усадьбу построил в 1280/1863—64 году Асадулла — сын Хаджихасана, сына Рамазана, сына Зайлаки (?).

29-го числа (?) месяца раджаб 1260/1844 года^б, во вторник, во время Шамиля аварцы (*ахл ал-авари*) разорили селения: Кина, Лучек, Вруш и Мюхрек.

Затем по приказу императора Николая сюда пришел русский главнокомандующий-сардар. Жители селения Лучек были вынуждены тогда выселиться из своих мест и там сардаром была заложена крепость. Сей неверный без согласия лучекской общины возвел в 1266/1849—50 году здание для русских в местности, расположенной между двумя реками. Возможность [воспротивиться этому] у нас, однако, не было, ибо мы боялись императора.

^а Из рода цахурских правителей (Т. А.)

^б Возможно, иначе: 1265/1849 г.

Затем, в 1267/1850—51 году переехали коровы во всех мусульманских областях.

В 1268/1851—52 году неверные сожгли селения Гельмец и Квардал.

В 1279/1862—63 году эти неверные ушли из своей крепости и тогда же разрушился Лучек.

Сел. Кюрек Табасаранского района, мечеть.

Эту мечеть во время Шамиля-эфенди построили: Маллашабан, Амант-Саван (?) и Сайидмухаммад.

Сел. Гельхен Курахского района, кладбище, мавзолей Шайххамада Гельхенского.

Этот благородный мавзолей восстановили Кабуси и Хасан — сыновья Уста (Уса — ?), сына Шабана, принадлежащие к роду Кавин, и проживающие в селении Гельхен Ричинского округа. Сделали они это в правление Юсуф-бека, в те самые дни, когда город Цудахар был в развалинах от рук Шамиля, тогда, когда прошло уже тридцать восемь лет со времени прихода русских в Дагестан, в 1262/1845—46 году.

Сел. Курах, кладбище:

а) Раб божий Хасан-бек — сын Харун-бека, сына Тахир-бека, сына Шахмардана, сына Мухаммад-хана, сына завоевателя Шемахи Сурхай-хана — скончался в тысяча двести шестьдесят первом (1845) году.

б) Харун-бек — сын Тахир-бека, сына Шахмардана, сына Мухаммад-хана ... — скончался в 1264/1847—48 году.

в) Хамзат-бек — сын Харун-бека, сына Тахир-бека, сына Шахмардана, сына Мухаммад-хана, сына завоевателя Шемахи Сурхая — скончался в 1273/1856—57 году.

Сел. Джар Закатальского района Азербайджана, кладбище.

1215/1800—801 год.

Выдающийся ученый, князь князей, борец за мусульманскую веру Уммахан Аварский — Хунзахский.

Мавзолей этот соорудил Хасан, сын Хаджи.

Сел. Гимры Унцукульского района, ущелье в сторону Эрпели.

Место убийства святого имама, обновителя мусульманства Газимухаммада.

Сел. Цекоб Советского района, кладбище:

а) «Храбрый, умелый и ловкий юноша — Давуд, сын Абду, погиб в бою с неверными в селении Машах», судя по всему, в XIX в.; рядом стоит надгробие Мухаммада — сына Абду, сына Ибрахи-ма — скончавшегося в 1272/1855—56 г.

б) Посетитель Мекки и Медины хаджи Раджаб, сын Даура (?), скончался в благословенном городе Каире (*Миср*) и могила его, таким образом, пропала с наших глаз. Запись эту сделал Хансар в 1243/1827—28 году.

Сел. Сомода Советского района, кладбище:

а) Аминав, сын Хаджиява, пал мучеником за веру в сражении с неверными в 1274/1857—58 году.

б) В бою ... пал мучеником за веру Омар, сын Булача.

в) Хималав, сын Давуда, пал в битве с неверными.

Сел. Гента Советского района, кладбище:

а) Нурмухаммад, сын Кудимухаммада, прожил жизнь в похва-лах и пал затем мучеником за веру в крепости Машах в 1272/1855—56 году.

б) Шабан, сын Мухаммада, пал мучеником за веру в бою с русскими в 1218/1803—804 году, когда он сражался с пятью человека-ми из числа их.

в) Мухаммад, сын Османа, пал мучеником за веру в бою с не-верными в тысяча сто сорок пятом (1732/33) году.

г) Нур, сын хаджи Качамухаммада, пал мучеником за веру в крепости Кумуха (*Гумук*) в 1295/1878 году.

д) Башня: «Эту стену построил Ахмад — сын Шахилава, в 1197/1782—83 году, а Али — сын Имачу, согласно своему обету, передал этот двор своим сыновьям.

Сел. Голотль Советского района, кладбище:

а) Это — могила Шайхали, сына Федора (*Тидури*), скончав-шегося в тысяча шестьдесят третьем (1652/53) году.

б) Ибнухаджар, сын Пирмухаммада, убит в 1263/1846—47 году в сражении, произошедшем на укреплениях, возведенных неверны-ми в горных проходах.

в) Мухаммад — сын Ризы, сына Мухаммада (?), убит в сраже-нии с неверными.

г) Али — сын Курамухаммада, пал мучеником за веру в сра-жении с неверными в тысяча сто тридцать четвертом (1721/22) году.

д) Мухаммад — сын Константина (*Кушканти*) — убит в сражении с неверными в 1180/1760—61 году.

е) Албури — сын Али, не отошел назад и был убит в сражении с неверными в 1263/1846—47 году, идя вперед.

ж) Али — сын Раджаба, пал мучеником за веру в сражении с неверными в 1229/1813—14 году.

з) Хаджиузун — сын Кали (?), пал мучеником за веру в сражении с неверными в тысяча двести одиннадцатом (1796/97) году.

и) Ахмад — сын Омара, пал мучеником за веру в сражении с неверными в тысяча двести четвертом (1789/90) году.

к) Мухаммад — сын Мухаммадхана, пал мучеником за веру в 1268/1851—52 году.

Сел. Уриб Советского района, кладбище:

а) Мученик за веру, павший с сражении с неверными Герги (?) ... сын Мухаммада.

б) Давуд — сын Курбана, убитый в 1264/1847—48 году в селении Кати (?).

Сел. Годода Гунибского района, кладбище, княжеский участок.

а) Справедливый князь-султан Гунаш ... умер в [тысяча сто] восьмом (1696/97) [году].

б) Даитбек, сын Гунаша, умер в тысяча сто семнадцатом (1705/706) году.

в) Султанхасан — сын Мухаммадмирзы, умер в тысяча сто семнадцатом (1756/57) году.

г) Кихосро скончался в тысяча сто семьдесят пятом (1761/62) году.

д) Это могила Чупана — сына Мухаммада.

е) В тысяча сто пятьдесят пятом (1742/43) году умер Будайшамхал — сын Алибека, сына Гунаша.

ж) Юсуп — сын Мухаммада, умер в тысяча сто шестьдесят седьмом (1753/54) году.

з) В 1357/1938—39 году скончался родившийся в 1334/1915—16 году Мухаммад — сын Даку, сына Сурхая, сына Алибека, сына Сурхая, сына Тимира, сына Алибека, сына Шамхала, сына Будайшамхала, сына Даитбека, сына Гунаша, сына Мухаммадхана Казикумухского, который происходил из рода Аббаса, дяди пророка Мухаммеда.

и) Мученик за веру, убитый в сражении с неверными Алигилич, сын Чупана; тысяча двести шестой (?) (1791/92) год.

к) Мученик за веру, убитый в [сражении] с неверными ...; дата — 1219/1804—805 год.

Сел. Урада Советского района, кладбище.

[Это] — место упокоения шейха шейхов народа, памятной личности из числа благородных знатоков шариата, мученика, сраженного чумой, великого ученого, человека, уничтожившего следы ..., хаджи Ибрахима — сына ученого хаджи Мухаммада, сына хаджи Али ал-Халиму...

Сел. Смугул Ахтынского района.

а) Кладбище: «Выдающийся ученый Юсуф пал мучеником за веру в последний день месяца джумада ... 1211/1796 года в бою с развратными неверными в селении Алпан.

Это — могила Юсуфа-эфенди; 1211/1796—97 год.

б) Мечеть: «Эту благословенную мечеть реставрировали справедливые и благодетельные люди — члены смугульской общины. Сделали они это в тот год, когда Сурхай-хан и Уммахан пришли в Кубу, сожгли кубинские селения и разрушили селение Мискинджа.

Стены эти воздвигли мастера из селения Хрюг в тысяча сто девяносто седьмом (1782/83) году. Текст при этом написал Мухаммадали, а мечеть соорудили: Муса, Раджаб и Рамазан»

Сел. Миджах Ахтынского района, кладбище

Алимамат — сын Бедирали (?), пал в 1265/1848—49 году мучеником за веру у стен Ахтынской крепости.

Сел. Миатли Кизилюртовского района, урочище Зурамо:

а) Надпись краской на надгробном камне XVIII—XIX вв. «Шейх шейхов народа, мученик за веру, ученый — мекканец, корейшит хаджи Муса.

б) Хранитель могилы шейха Мусы Мекканского — Саадулла-эфенди Миатлинский (Миярти), сын Тавсултана, умер 10-го числа месяца зу-л-када 1310/1893 года.

Сел. Тинди Цумадинского района, площадь-годекан.

«Шариат распространился [в Тинди] в 1244/1828—29 году от рук ученого Курбанали», (то есть Загалава Хваршинского Т. А.).

Сел. Гушкерт Шатовского района Чеченской республики, кладбище.

125[9] /1843 год. Помилованный и прощенный Аллахом сподвижник имама Шамиля, павший в бою мученик за веру Ахбердиль Мухаммад.

Материалы из российских архивов (приложение)

— В —

В Государственном архиве Орловской области обнаружены новые документы о проезде Шамиля с семьей через Орловскую губернию в конце декабря 1859 г. — начале января 1860 г., а также материалы о проезде через Орловскую губернию в мае 1860 г. Газимухаммада, старшего сына имама.

В основном это «отношения» губернаторов близлежащих губерний и высокопоставленных лиц империи орловскому губернатору В. И. Сафоновичу. Например, «Отношение военного министра орловскому губернатору о проезде Шамиля через Орел» или «Отношение курского губернатора орловскому губернатору о проезде Шамиля».

В делах имеются списки семейства Шамиля и сопровождавших его лиц.

В деле имеются также документы, которые рассказывают о намерении Александра II встретиться с Шамилем. Император хотел этим подчеркнуть всю значимость пленения Шамиля. Вследствие, однако, бюрократической волокиты со стороны чиновничества губерний, через которые проезжал Шамиль, сроки прибытия в Орел Шамиля и Александра II не совпали. В связи с этим, как свидетельствуют документы архива, орловский губернатор сделал внушение чиновникам своей канцелярии.

№ 1. ОТНОШЕНИЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА ОРЛОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ О ПРОЕЗДЕ ШАМИЛЯ ЧЕРЕЗ ОРЕЛ

(ГАОО, ф. 580, стол 2, ед. 1328, л. 27, подлинник)
8 сентября 1859 г.

Вашему превосходительству известно, что через Орел должен проследовать Шамиль, отправленный с Кавказа в Петербург.

Государю императору благоугодно было повелеть, чтобы Шамиль был остановлен в Орле в таком случае, ежели его проезд в Орел будет совпадать с днем прибытия туда Его величества и ежели по расчету времени Шамилю было бы невозможно успеть сделать переезд из Орла в Тулу.

О таковой монаршей воле имею честь сообщить вашему превосходительству к зависящему распоряжению.

№ 2. ОТНОШЕНИЕ КУРСКОГО ГУБЕРНАТОРА ОРЛОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ О ПРОЕЗДЕ ШАМИЛЯ

(ГАОО, ф. 580, стол 2, ед. 1328, л. 28, подлинник)

17 сентября 1859 г.

Г. начальник Харьковской губернии от 11 сего сентября за № 9602 уведомил меня, что, по распоряжению г. главнокомандующего Кавказскою армиею, адъютант его полковник Тромповский доставил в Ставрополь военнопленного Шамиля, с коим он следует в С-Петербург, и что г. Тромповский 9 числа сентября выехал по тракту на Харьков; почему и просит моего распоряжения, чтобы для безостановочного дальнейшего проезда Шамиля и полковника Тромповского имелось в готовности на каждой станции по 20 упряжных лошадей, из коих 6 в карету, 5 в тарантас и три перекладных тройками, а также, чтобы с случае ночлегов, был назначаем, по требованию г. полковника Тромповского, караул и отводились приличные квартиры.

Получив же по телеграфу сведения, что Шамиль 13 числа сентября прибыл в Харьков и остановлен там для представления государю императору, и предполагая, что отправление Шамиля в дальнейший путь из Харькова может последовать не ранее 17 числа, я сделал согласно сему надлежащее распоряжение о заготовлении лошадей для вышеозначенной надобности на станциях в пределах вверенной мне губернии и о прочем.

О чем поспешаю сообщить вашему превосходительству для зависящего со стороны вашей распоряжения*.

* Помета: на полях «отношения» резолюция карандашом: «Шамиль проехал вчера, т. е. 20 числа, и поэтому бумагу принять к сведению». Отношение принято в канцелярии Орловского губернатора 21 сентября 1859 г., следовательно, резолюцию губернатора надо отнести к 21 декабря 1859 г.

№ 3. ОТНОШЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
И УПРАВЛЯЮЩЕГО ГРАЖДАНСКОЙ ЧАСТЬЮ
В ПРИКАСПИЙСКОМ КРАЕ ОРЛОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ
О ПРОЕЗДЕ ШАМИЛЯ

(ГАОО, ф. 580, стол 2, ед. 1329, л. 1—2, подлинник)

26 ноября 1859 г.

По высочайшему государя императора соизволению, 29 числа сего ноября месяца, я отправляю из укр[епления] Темир-Хан-Шуры в г. Калугу семейство Шамиля.

Его величеству благоугодно было повелеть, чтобы при следовании семейства этого местными начальствами приняты были все необходимые меры для удобного совершения им дальнейшего путешествия и благополучной доставки их в назначенное место.

Сообщая о сем вашему превосходительству, на зависящие от вас распоряжения, и препровождая при сем именной список семейству Шамиля со сведением о числе экипажей, в коих оно следует, имею честь присовокупить, что по позднему времени года невозможно было составить здесь же точный маршрут следования поезда оного, и потому от каждого из начальников частей будет зависеть назначение переездов с ночлегами и предварение соседнего начальства о времени выезда семейства сего в их ведомство для приготовления всего нужного к безостановочному дальнейшему путешествию оного.

Список семейству Шамиля, отправляемому из укрепления Темир-Хан-Шуры в Калугу.

Сыновья Шамиля:

- 1) старший — Кази-Магома и
- 2) младший — Магомед-Шафи.
- 3) Жена Магомед-Шафи — Эминет.
- 4) Заидет — жена Шамиля.

Дочери его, замужние:

- 5) Написет — жена Абдурахмана и
- 6) дочь ее — Магазат,
- 7) Фатима — жена Абдурагима.

Дочери его, девицы:

- 8) Наджабат,
- 9) Баху-Месед.

Зятья Шамиля:

- 10) Абдурахман — муж Написеты,
- 11) Абдурагим — муж Фатиматы, (они — сыновья Джамал Эдина Кази-Кумухского, тестя Шамиля).
- 12) Родственница Шамиля и нянька детей его — Халум.
- 13) Сын ее — Омар (17 лет).
- 14) Родственник же Шамиля — Джамал-Эдин Хусейн-оглы, уроженец сел[а] Гимры (35 лет).

Служанки при семействе Шамиля:

- 15) Вали-Киз (50 лет),
- 16) Месси (17 лет).

К этому семейству должны присоединиться в г. Моздоке, для следования оттуда в Калугу:

- 1) Шуанет — жена Шамиля и
- 2) дочь его от нее — Сапиат.

При них:

- 3) Слуга Хайрулла (35 лет),
- 4) служанка Фаризат (40 лет).

Семейство это сопровождают из Темир-Хан-Шуры фельдъегерского корпуса поручик Гузей-Разумов и в качестве переводчика житель Гидатлинского общества Дибир-Магома.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение — Хайдарбек Геничутлинский и его «Историко-биографические и исторические очерки»	5
Накануне (I)	33
История хунзахских ханов (II)	43
Уммахан Аварский (III)	49
Имам Газимухаммад (IV)	57
Эпоха имама Хамзата (V)	67
Эпоха имама Шамиля (VI)	72
Восстание в Дагестане и Чечне 1877 г. (VII)	108
Комментарии	115
Словарь географических и этнических названий	126
Приложения:	135
а) Памятные записи	137
б) Эпиграфические памятники	148
в) Материалы из российских архивов	155

instituteofhistory.ru

Хайдарбек Геничутлинский

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Книга иллюстрирована стараниями Зубaira ГАЗИЕВА —
правнука Ахбердила МУХАММАДОВА и Кайтмаза ФАТАЛИЕВА —
потомка Аварских ханов

Художники: Елена и Тагир ГАПУРОВЫ

Технический редактор А. АБДУЛЛАЕВ

Сдано в набор 07.12.92. Подписано в печать 26.07.93.

Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная».

Печать высокая. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 11,0.

Тираж 5000 экз. Заказ № 888.

Типография Дагестанского научного центра РАН

Махачкала, 5-й жилгородок, корпус, 10

Владыка Сарира Суракат

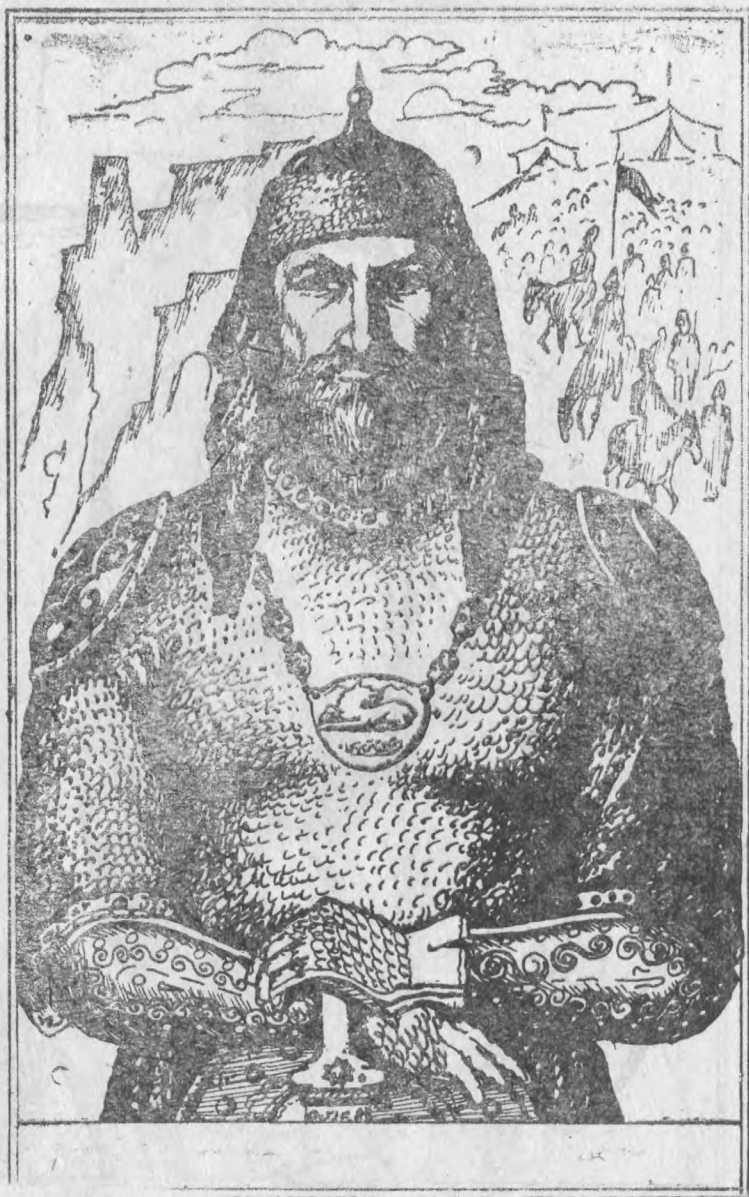
Шейх Абумуслим

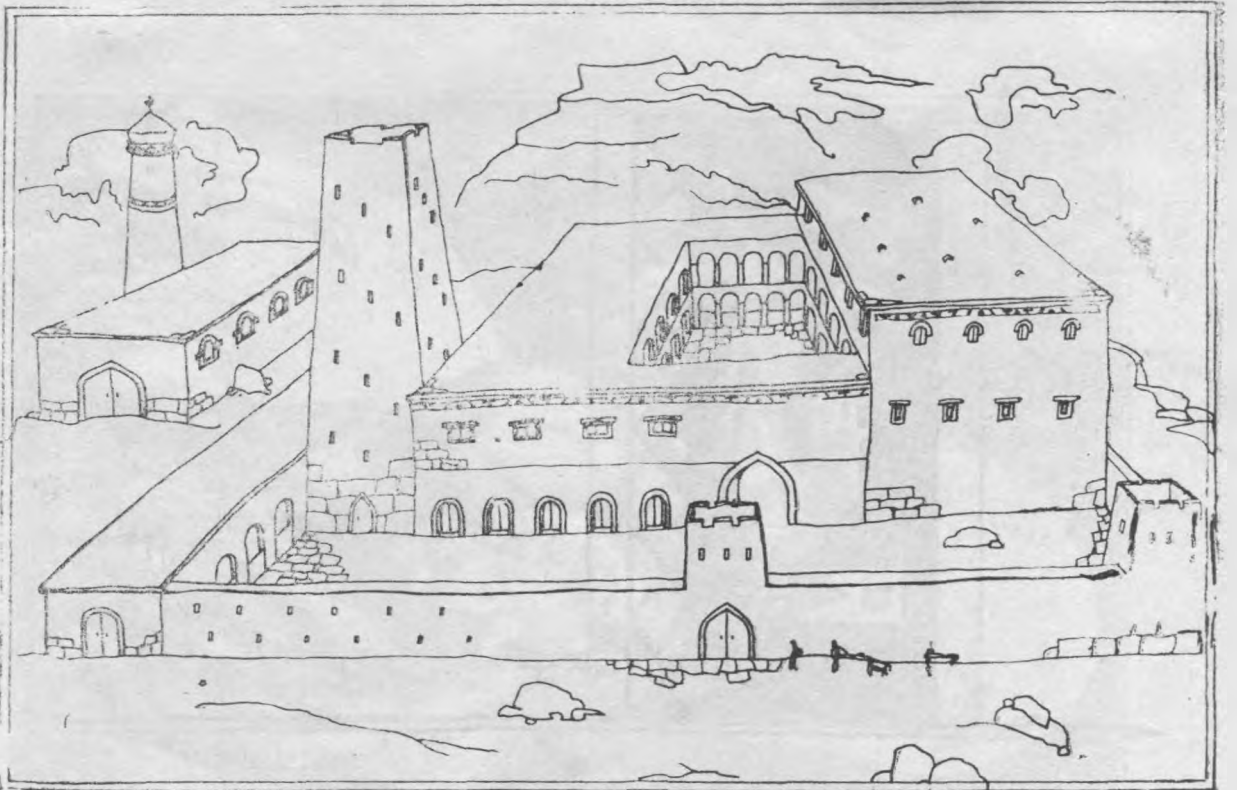
Андуник — нучал и его визирь Алимрза Андийский (XV в.)

Мухаммад — нуцал (уб. в 1774 г.)

Уммахан Великий (1761/62 — 1801 гг.)

Хунзах — замок и мечеть ханов Аваристана (начало XIX в.)

Знамя Аварских ханов

Верховный глава тарикатистов Мухаммад Ярагский

Тарикатский наставник Джамалутдин Казикумухский

Имам Гази-Магомед

Хаджимурад Хунзахский

Наиб Шамиля Инквачил Дибир Геничутлинский

Мухаммад Ахбердилаев

Хирясул Алибек

Мудир Дашиялбек Илзеуыйский